ИРЕК ГИЛЬМУТДИНОВ

МНЕ БЫ В МАГИ!

КНИГА ПЕРВАЯ

Ирек Гильмутдинов

Мне бы в маги! Книга первая

«Автор»
2026

Гильмутдинов И.

Мне бы в маги! Книга первая / И. Гильмутдинов — «Автор», 2026

Меня зовут Александр. Я бывший военный, а ныне — главный раздражитель магического мира. Смерть закинула меня сюда с формулировкой «на перевоспитание», и теперь я в королевстве, где гномы пишут налоговые кодексы, а тролли подают в суд за моральный ущерб.Моё предназначение — спасать. Кого? Всех. Как? Без понятия. Магия здесь работает как кредит: дают охотно, но потом спрашивают с процентами. А за мной уже выстроилась очередь из желающих спросить.Становление героя? Нет. Становление проблемы. И кажется, эта проблема — я.

© Гильмутдинов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 30
Глава 5 38
Глава 6 45
Глава 7 53
Глава 8 60
Глава 9 68
Глава 10 76
Глава 11 84
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Ирек Гильмутдинов
Мне бы в маги! Книга первая

Глава 1

Пролог

Поля Небытия

Здесь, на расплывчатых границах реальности, раскинулись Поля Небытия — унылая, бескрайняя равнина, утопающая в седой мгле. Сквозь её толщу мерцал призрачный свет, не отбрасывающий теней. Именно этим путём Смерть сопровождала избранные души к вратам перерождения. Честь эта выпадала немногим: исключительно тем, чья воля оставила заметный след в мирах живых, свершившим нечто значительное за отмеренный им короткий век.

В тот момент сама Смерть, сгорбившись над своей вечной работой, методично выкашивала полосу призрачно-серебристой травы. Трава эта была особая — алчная, цепкая, жадно тянувшаяся к чистой энергии проходящих душ. Оставь её нескошенной, и она впивается в сущность путника, высасывая крупицы памяти, силы, самой личности. Чтобы душа не растратилась, не ослабла прежде, чем предстанет перед судом, Смерть и трудилась, взмахивая косой, которая оставляла за собой одно короткое «вжух». В этом был её долг и, как ни странно, призвание — помогать. «Великий помогатор», — как звала себя в шутку сама Смерть.

Влажный шелест падающих стеблей нарушал гнетущую тишину. Прошёл час, затем ещё один. Наконец прямая тропа до самого горизонта была очищена. Смерть выпрямила спину, костяшками пальцев провела по неподвижной плоскости своего капюшона — жест, заменяющий усталое вытирание пота. Оставшийся с ней с незапамятных времён. Взглядом, лишённым глаз, но полным удовлетворения, она окинула свою работу.

«Недурственно, — подумала Смерть, наслаждаясь видом проделанной работы. — Даже быстрее, чем в прошлый раз. Могу ещё».

С чувством исполненного долга она плавно развернулась, намереваясь торжественным взмахом указать путь своей очередной подопечной к сияющим вдали Вратам. Но жест застыл в воздухе. За её спиной, на только что расчищенной тропе, не было никого. Только на самых краях просеки коварная трава уже начинала тянуться вперёд, распушаясь с неестественной, зловещей скоростью.

Наступила звенящая тишина. Затем…

— КАКОГО… ДЕМОНА?! — проревело в Небытии, отчего серая мгла заколебалась, как вода, в которую бросили камень. Смерть вскинула руки, и коса дрогнула в её хватке. — ГДЕ МОЯ ДУША?! Я ТУТ ГОРБАЧУСЬ, А ДУША ГДЕ?

Её взгляд (если это можно было так назвать) метнулся по пустой тропе к непроглядной дали, где ждали Врата. Трава, будто почуяв всеобщую неразбериху, тут же полезла на тропинку с удвоенной жадностью. Всё было кончено. Работа проделана впустую. Рекорд — не в счёт.

Немыслимое раздражение обуяло Смертью. Ведь такое на её памяти произошло впервые. А затем она связалась с кем нужно, но там лишь развели руками, мол, сами не понимают, что происходит. Душа должна была прибыть, но что-то пошло не так. И вообще у них обед, так что увы.

Где-то в бесконечности, далеко от Поля Небытия, в мире, откуда должна была отправиться та самая душа, молодой человек по имени Александр Астапов неожиданно чихнул, запнулся и рухнул на плац. Скривившись, он потёр ушибленное колено, даже не подозревая, какой хаос он только что вызвал в самом сердце загробного бюрократического аппарата.

Глава первая

Что такое не везёт и как с этим бороться.

Смерть сидела напротив той, кто отвечала за удачу живых.

— Вот скажи мне, подруга. Я тебе чем-то насолила? — белокурая красавица в летнем сарафане и белых босоножках сидевшая на стуле и весело болтавшая ногами, отрицательно замотала головой. — Так чего ты его постоянно спасаешь? Мне он нужен. Я тропу уже не знаю какой раз кошу. Он должен быть здесь!

— Понимаю, но тут я бессильна. Мироздание не хочет его отпускать. Я вообще на него не смотрю даже вполглаза. Честно-пречестное, — легко соврала Фортуна. Она смотрела, и ещё как. Это было одно из её любимых в последнее время занятий. Смерть и так и эдак пыталась подставить смертного, но тот упорно не хотел отправляться с ней на встречу.

— Хорошо, допустим, всё так, как ты говоришь. Тогда что мне делать?

— А что мне за это будет? — Удача игриво улыбнулась и создала себе новый леденец, начав его облизывать.

— Чего ты хочешь?

— Ты будешь моим должником. И когда я попрошу, ты мне не откажешь.

— А не жирно ли?

— Нет, он без калорий. Ну почти, — отмахнулась она леденцом из вишни.

— Я не про леденец, а про твоё желание, — раздражённо проговорила Смерть.

— А-а-а-а, не-а, нормально.

— Ладно, хорошо, — Смерть встала и повела косой. Она крайне редко вмешивалась в дела смертных, но нарушать план она никому не даст. Допусти она такое и тогда все её коллеги будут над ней смеяться. А особенно братец. Нет уж спасибо.

— Тебе нужно некоего Артура Каширина… Ну того, ты поняла о ком я. Тогда и тот, кто тебе нужен, появится здесь.

— Мирозданию это не понравится.

— Скорее всего, но, думаю, в этот раз прокатит.

— Уверена?

— Не-а, — улыбающаяся Фортуна, достав из воздуха стакан с изумрудной газировкой принялась активно пить.

— Как же ты бесишь. Вот честное слово. Тебе будто пять лет.

Смерть встала. Говорить дальше смысла не было.

— Пойду, пора уже косить, — сказала она и махнула косой. А затем обернулась.

— Арту Каширин, говоришь? Сослуживец его? — Фортуна была занята тем, что вытягивала лимонад из стакана трубочкой, а затем рассматривала зелёный язык в зеркальце, потому только согласно кивнула, а затем сделала глоток из трубочки, отчего подавилась и закашляла.

Смерть же только покачала головой и пошла по своим делам. Значит всё-таки ему не нравится наш план, — подумала Смерть глядя в звёздное небо.

***

— Думаешь, успеем на рейс? — Артур нервно постукивал каблуком по асфальту, не отрывая взгляда от пустой дороги.

— Может, да, может, нет. Если вообще эта колымага приедет, — подув на руки тёплым воздухом, я убрал их в карманы, ёжась от порыва ледяного ветра.

Моя глобальная цель на эту жизнь сформировалась ещё полгода назад в госпитале: найти способ вырвать этот проклятый дар из своей головы и зажить как нормальный человек. Но сейчас у меня была предельно чёткая локальная цель — продержаться следующие тридцать минут без происшествий, сесть в этот автобус и навсегда убраться отсюда. Тут бы вспомнить поговорку, хочешь насмешить бога расскажи ему о своих планах.

Моё внутреннее чутьё, то самое, что год тихо, а иногда и не очень визжало о приближающихся смертях, в этот день молчало. И ладно бы этот дар оставался статичным, так ведь нет —

он постоянно развивался, прокачивался, как навык. Сначала это были мутные картинки, потом добавился звук, а к концу службы появилась пугающая точность: внутренние часы отсчитывали секунды до трагедии, а моя нервозность росла вместе с даром, заставляя действовать на рефлексах. Но сегодня — полная тишина. Я списал это на усталость и эйфорию от долгожданной свободы.

Спустя двадцать минут ожидания, когда ноги уже затекали от холода, вдали показался долгожданный автобус. Но что-то было в его движении не так. Он не плавно приближался, а зигзагообразно.

— Смотри-ка, — пробормотал я, прищурившись. — Водила, похоже, отпраздновал наш дембель за нас.

И в этот самый миг тишина в моей голове взорвалась. Мир мигнул, подменяя реальность видением. Я увидел, как фуру на встречной полосе заносит на льду. Увидел, как она бьёт автобус, и эта многотонная сцепка летит прямо на нашу остановку. В мозгу вспыхнули пылающие красные цифры.

Пять секунд. (Жёсткий таймер запущен)

— Артурыч, Беги! — заорал я, срываясь с места.

Четыре.

Я хватаю его за куртку, пытаясь отшвырнуть за остановку.

Три.

Мои ноги скользят по предательской наледи, я теряю равновесие.

Два.

За спиной раздался скрежет, похожий на крик разрываемого металла. Автобус резко дёрнуло в сторону.

Один.

Я увидел, как огромная зелёная громадина летит на меня. Мысль промелькнула холодной, отточенной иглой: «Вот он. Финал. Таймер истёк, а я не успел...»

Затем грохот поглотил всё. Ощущение сокрушительного удара, хруст, боль, темнота.

И тишина.

***

«Значит, всё. Конец. Хм. Как-то… банально», — прошелестела последняя мысль.

И тут из густого, бархатного мрака передо мной проступила знакомая, до жути узнаваемая фигура в длинном, бесформенном балахоне, с капюшоном, нависающим над пустотой вместо лица. В одной руке она несла традиционную косу, а в другой… В другой сжимала смятый листок бумаги, с которого свисала красная печать.

Я мысленно закатил глаза. Неужели она и вправду так выглядит? Не уж-то кто-то здесь побывал, а потом каким-то чудесным образом вернулся и всё описал. Бред же? Или не бред? А может, она сама нет-нет да спускалась к нам, смертным? А может я всё-таки выжил и лежу в больничке, под морфином? Ладно поглядим, что дальше будет.

Смерть (а это, без сомнения, была Она) медленно, с театральным достоинством, вытянула перед собой костлявую руку и указательным перстом, похожим на обглоданную птичью кость, ткнула в воздух перед моим лицом. Потом развернула ту же ладонь и многозначительно потёрла большой палец об указательный в универсальном жесте, означающем «деньги» или, в данном контексте, скорее «долг».

Затем, не меняя позы, она плавно повернула лицо (или то, что ей заменяла пустота) в сторону, где, как я вдруг почувствовал, находилось такое же смущённое сознание Артура, но оно молчало, будто загипнотизированное. Пальцем она провела по воображаемой линии от него ко мне, после чего с силой свела обе ладони вместе, издав беззвучный, но предельно понятный хлопок. Коса в это время, как и свиток зависли в воздухе.

Крутые у меня глюки.

И наконец, она с достоинством развернула перед нами тот самый мятый лист. Магическим образом на нём проступили слова, написанные витиеватым, официальным шрифтом:

«АКТ О ДОСРОЧНОМ СПИСАНИИ.

Основание: систематическое и злостное нарушение баланса (21 (двадцать один) зафиксированный случай несанкционированного спасения).

Решение: изъять из текущей материальной реальности Александра Астапова как злостного нарушителя порядка.

Назначить в качестве компенсаторной меры для покрытия, образовавшейся в казне Небытия сущностной задолженности службу в другом мире.

Куда: в резервный пул рабочей силы для опасных экспериментов (он же: мир «Арканум Терра»).

Пункт 14-б: присвоить статус «Попаданец». Пометка «очень назойливый».

— Эй, погодите, — замахал я руками. Ну мне так кзалось что я ими замахал. Так как почему-то оглядеть себя не мог. — Я не согласен. Не хочу ни в какой Арканум Терра.

Я повернулся к душе Артура.

— А ты чего молчишь? Скажи ему или ей чего-нибудь? Ведь это я из-за тебя здесь.

Вот тут Смерть остолбенела. Потому как души не имели право голоса в её Плане бытия. Как душа смогла говорить, она не понимала, так это ещё ладно. Он не только говорил, но и был против её воли. И вот тут до неё дошло. Мироздание. Вот кто всему виной. Выругавшись про себя, она повелительно махнула дланью, мол, говори.

— Мы умерли? — На что Смерть повторила жест, поведя головой. Ну да, логично. Туплю немного.

— Как могу понять, вы хотите нас отправить в другой мир? — Смерть дёрнулась. Я же истолковал этот жест как «давай быстрее» или «ближе к делу».

— Могу ли выбрать мир, куда отправлюсь?

Она хотела ответить «нет», но не смогла. Мироздание надавило своей волей. Получается, так оно мстит ей за своеволие. Что ж, ничего. Один раз потерпит, зато тот, кому предначертано быть здесь, уже здесь. Остальное тлен.

— «Да», — услышал я голос в «голове», что заставило меня содрогнуться. Но это быстро прошло. Я, прочитавший не одну сотню книг, понимал: сейчас или никогда. Именно в этот момент решается моя судьба. Будь здесь любой другой, хотя бы живший полвека назад, он бы наверняка смиренно стоял и ждал своей участи. Мне же, воспитанному на играх, фильмах и, конечно же, на обширных фантазиях писателей, такое ну во-о-о-т совсем не улыбалось.

— Какие миры есть на выбор? Куда можно отправиться и кем быть?

— «Там, где империя людей завоевала сотни звёздных систем. Человечество веками бороздит космос, сражаются с рептилоидами, добывают ганий на планетах. Подойдёт?» — быстро проговорила она, явно желая от меня избавиться поскорее. Что-то мне подсказывало, что полечу я только один.

Хрен с два, она так легко от меня отделается. Нет уж, мы выжмем всё и возьмём самое лучшее. Наглеть так наглеть. Ничего хуже того, что я погиб, уже быть не может. Но это не точно.

— Нет. Не хочу. Спасибо, конечно, но нет. Читал я как-то недавно книгу одного писателя, Гизум Герко вроде. Так вот, там у парня по имени Роджер постоянно были проблемы с кораблём. Если б не синяя изолента, думаю, он давно бы уже был здесь. «Звезданутый Технарь» называется. Почитайте, вам понравится. Так что нет, спасибо.

— Хорошо. Тогда мир, где разбился инопланетный корабль. Мир в анархии, повсюду аномалии, артефакты, банды. Никаких государств, только группировки и поселения. Артефакты, что способны дарить молодость…

— Это вы про сталкеров и всё такое? Нет, — я ещё и головой замотал. Опять же мысленно, потому как её, похоже, у меня всё-таки не было.

— Мир «Нова», там, где наука ушла далеко вперёд. Люди более не работают, еду выращивают роботы на соседних планетах, а само население играет в игры, будучи погружёнными в капсулы. Эффект присутствия сто процентов.

— Вы так рассказываете, будто сами играли. И какой у вас класс? Уровень?

«Магэсса Смерти. 80 лвл…» А-а-а-а-а, не заговаривай мне зубы, болтливая душа. Какой же ты, Астапов, душный. Почему из-за тебя столько проблем?

— Простите, просто любопытно было.

— Хватит! Так что, подходит?

— Нет. Что-то всё это не то. Мне бы в маги. Ну, знаете, где из рук огненные шары вылетают, магические академии с их турнирами. Принцессы пачками валятся на героя, лишь бы себе забрать и другим не дать, — я позволил себе улыбнуться. — Вот что-то типа «Герои магии и меча». Играли в такую?

Капюшон смерти согласно качнулся, а потом она раздражённо затрясла косой.

— Есть что-нибудь подобное на примете? — поторопил её я. Мне не было страшно. За это время я столько видел смертей. Я не про Костлявую, а про того же Каширина. Да и других было немало. Что в какой-то момент моё восприятие атрофировалось. Как бы совсем бессердечным не стать.

Смерть же вместо ответа провела костлявой рукой по лицу, но затем… Могу поклясться, если бы у неё было то самое лицо, то я бы увидел на нём выражение, полное злорадства. Затем услышал в голове полное едкого удовлетворения одно-единственное слово:

— Есть, — и следом взмах косы. Только вместо того, чтоб отправиться туда не знаю куда в одиночку, вместе со мной полетела и душа Артура Каширина. Хотя, судя по реакции Смерти, он не должен был куда-либо лететь.

Мы понеслись, набирая скорость, а в спину нам доносился крик Смерти:

— НЕ-Е-Е-Т, А КАК ЖЕ ТРОПА? Она вновь же зарастёт!!! Он же подотчётный! Верни душу! ТАК НЕЧЕСТНО! Я ЗНАЮ ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО — ПОЖАЛУЙСТА!

Но кому бы она ни кричала, её не услышали.

***

Открыв глаза. Обычные, человеческие, я обнаружил себя стоящим на берегу небольшой речки. За спиной добротный деревянный дом и берёзовая роща за ней. Недалеко от меня сидела и рыбачила… Смерть? В смысле? Так, стоп. Коса есть, балахон есть, вот только он фиолетовый, а не чёрный. Хм, очень интересно.

Далее капюшон был демонстративно скинут, и я наблюдал голый череп. Он или она не обращал на меня никакого внимания. Смерть была занята тем, что насаживала червя на крючок. Причём удочка у него не обычная, по типу из ветки дерева, а самая что ни на есть крутая. Я такую в журнале видел. Отец о ней очень мечтал. Называлась она «Мейджор Крафт», японская. Стоило такое чудо как одна его зарплата, а потому позволить купить себе такую он не мог. Он всё отдавал в семью.

Я два лета работал на мойке, а также в армии имелись халтурки, и уже хотел купить её ему по возвращению, но, похоже, не судьба.

— Добрый день, — поздоровался я как можно тише, дабы не спугнуть рыбу. Затем сел на тёплый песок в паре шагов. Мне не ответили, но и это был знак. Не прогнали, за косу не взялись, значит, всё хорошо.

Так прошёл почти час. За это время Смерть поймала две рыбины, каждая килограмма по полтора. Затем он встал, собрал вещи и направился в дом. Когда он уже почти подошёл к дверям добротного дома из сруба двухсотого диаметра, да, квадратов под сто пятьдесят, то махнул мне удочкой, приглашая внутрь.

Прежде чем зайти внутрь помещения, я отряхнул обувь. Что примечательно, я был одет, как и тогда на остановке. Войдя в предбанник, снял обувь и поставил на полку. Далее повесил

куртку на крючок, в которой уже знатно так запарился. И чего раньше не снял? Прошёл на кухню за ним и, помыв руки, сел за стол. Раз ничего мне не сказали, значит, пока всё правильно. Наверное.

Далее он принялся готовить уху. Я встал и начал помогать. Почистил картошку, морковку, затем всё убрал за собой. Разложил тарелки, нарезал хлеб и сало. Когда стол был полностью накрыт и радовал глаз, мой живот издал такой звук, что даже Смерть издало что-то вроде усмешки.

— Приятного аппетита, — сказал он, и это прозвучало не в голове, а вслух. Перед мной сидел не скелет, а живой человек. Мужчина лет сорока. Лысый, короткая бородка из каштановых волос. Вот только глаза чёрные пугали до жути, но он это заметил и изменил их на зелёные. Тело крепкое, но не накаченное. Одет в растянутую майку и домашние растянутые штаны. Такие у половины россиян имеются. У меня кстати тоже. А что очень удобно. На ногах большие тапочки из фиолетового меха. С мордочкой на носках. Что за зверь изображён, не знаю, но выглядел он в них комично. Зато наверняка мягко и тепло.

— И вам приятного аппетита.

Мы принялись есть. Потом он встал и достал из холодильника «Свияжск» запотевшую бутылку «Столичной». Что примечательно. Холодильник не тот советский, что я видел на даче у бабушки, а такой современный, двухстворчатый. С возможностью создания льда, отсеком для питьевой воды, и мне даже кажется, газированную там тоже можно сделать. Круто живёт нынче смерть.

Он разлил по рюмкам, и мы выпили. Затем ещё разок.

Закусил я чёрным хлебом, на который положил кусочек сала, а сверху зелёный лучок. Хозяин дома ободрительно глянул и соорудил себе аналогичный. Мы выпили ещё по одной.

«БАЦ» — резкий удар ладонью по столу. Тот, к слову, даже не дёрнулся. Хороший стол. Однако дёрнулся я.

— Хорошо пошла, родная, — Смерть расплылся в добродушной улыбке. — Как тебе водочка, Александр?

— Чудесная, как слеза младенца, а на вкус так и вовсе святая вода, — ответил я и нисколько не соврал.

— Истину глаголешь, мой друг, истину.

Мы выпили ещё по одной.

— И чего это моя сестра тебя проблемным назвала? Хороший ты парень, знаешь, где помолчать и где подсобить.

— Кажется, я догадываюсь, чем не понравился ей.

— Удиви-ка меня.

— Да у меня дар проявился. Вижу, как люди умирают, и препятствую этому. Моего сослуживца она раз двадцать пыталась забрать, а он всё ни в какую. Тому причиной я. Точнее, мой дар. То есть мы в купе.

— А-а-а-а, — протянул он. — Это да-а, неприятно. Работаешь, значит, работаешь, а тебе палки в колёса ставят. Тем более она уже стара, а её путь — косить траву, не самое доброе дело. Так ещё и… сколько ты там говоришь?

— Где-то двадцать раз.

— Теперь понятно, чего она тебя ко мне сослала. Мстит мне за… Он махнул рукой, как бы говоря «ну хрен с ней», и разлил ещё по одной. Что удивительно, бутылка водки ополовинилась и более не кончалась. Магия, да и только. Нам бы такую в армии. Исключительно для поднятия духа, а не нажираться как свиньи.

— А почему здесь всё так уютно и по-нашему, по-домашнему?

— Да мир, из которого ты пришёл, раньше мой был. У моей сестры днюха была, я напился да подарил ей. У вас же там одни люди живут, воины постоянно устраивают. Красота. Нет,

ты не подумай, я не радуюсь вашим воинам. Это чисто профессиональное: когда идут воины, Смерть не сидит на месте. Всегда есть чем заняться.

— А у вас тут нет воин, что ли?

— Есть. Почему нет? Только они мелкие. А жители тут живут не в пример дольше вашего. Кто тысячу, кто десять тысяч. Мир-то магический. Игру знаешь «Герои магии и меча»?

— Конечно, знаю, — улыбнулся, коли разговор свернул на знакомую дорожку. — Многие бессонные ночи были проведены за ней.

— Так, может, сыграем карту? Выиграешь — так в чём-то уступлю, а проиграешь — всё на мой выбор. Хотя подожди. Давай так, потёр он ладонями. — Сыграем, и ежели победа за тобой, то дам тебе возможность выбора, а всё остальное по умолчанию.

— О каком выборе идёт речь? Навострил я уши.

— Пол, возраст, стихия, положение в обществе, ну и так далее.

— Согласен, — стукнул я по столу.

Мы прошли в зал, где стоял ПК. Причём топовый. Третий пентиум. Богато живёт. Экран ЖК, а не ламповый. Затем он открыл шкаф и достал ноут IBM. Мы сели напротив друг друга, чтоб не подсматривать, и принялись играть. Карту выбрали большую, монстров сильных поставили.

— А теперь главное условие, — Константин достал из воздуха черные песочные часы и поставил их на стол. Песок в них тёк с пугающей скоростью. — Играем на твою душу. Твоё время жёстко ограничено. Если песок иссякнет до того, как ты выиграешь партию — твоя суть растворится в Небытии навсегда. Время пошло!

Холодный пот прошиб меня мгновенно. Спорить бесполезно. Да и не дурак я чтоб спорить со Смертью.

Лучше сосредоточиться на игре.

Я выбрал фракцию Подземелье, это та, у которых чёрные драконы. Он же за фракцию мёртвых. Под жёстким давлением таймера мой мозг заработал на пределе. Как меня достали его королевские вампиры, у-у-х, кто бы знал. Они бьют и пополняли свои ряды. Хрен прибьёшь. В первые часы он почти забрал все замки, и я уж было сдался. Но вспомнив, чего мне стоила смерть на остановке, я обрёл новую цель — больше никогда не быть беспомощным. Высчитывая каждый свой ход, постепенно оттачивая свою тактику и бросив все ресурсы, я смог откопать главный артефакт. Причём не случайно, а по крупицам вычислив его точное расположение за секунды до того, как игра бы посчитала меня проигравшим. Тогда чаша весов перевесила в мою сторону, и река из золота повалила в мои сокровищницы.

Я стал нанимать войска и бросился в контратаку. Однако всё чуть было не кончилось крахом: он подловил меня. У меня как раз пришла популяция в замке, и я бежал, чтоб увеличить свою армию, а он преследовал всей своей армадой нежити. Ход моего коня закончился прямо перед входом в замок. Денег на то, чтоб купить запасного героя и передать войска, не хватило. Казалось, это конец.

Но желание жить и жить достойно, а ещё желательно сильным и красивым подстегнуло меня соображать быстрее. Я продал на рынке всё добытые ресурсы по грабительскому курсу, выкупил героя, передал драконов основному полководцу и нажал кнопку атаки на моём лице появилась мстительная улыбка, а вот песочек в часах подходил к концу и это сильно нервировало.

Битва на экране слилась в кровавое месиво заклинаний, из которого мой герой вышел победителем с единственным выжившим драконом. Загорелась надпись «Вы победили», и вместе с тем последняя чёрная песчинка упала на гору своих родичей.

Константин откинулся на спинку стула и крякнул:

— Признаюсь, Сашка, играл ты достойно. Вырвал победу на зубах. Честно, не ожидал.

— Спасибо. Но вы играли куда лучше. Если не удача с артефактом, я б давно проиграл.

— Фортуна — девушка интересная, — сказав это, Смерть почему-то глянул в окно.

— Она тоже в каждом мире своя?

— Нет. Эта особа редко балует разумных, а потому успевает везде и сразу. Но вернёмся к нашим делам, — с этими словами мы вышли на улицу, где он закурил. Предложил мне, но я отказался.

— И так. У тебя два выбора. Всё остальное… как карта ляжет.

— Вопрос можно? — Он кивнул, так как делал затяжку.

— Недавно вы упомянули, что среди выбора есть магические стихии, значит, я буду иметь магию 100% или всё же нет?

— Может да. Может нет. Вопрос — к Удаче, — Он мне хитро подмигнул.

Да уж, и чего мне делать? Это же нельзя будет отменить.

— Тогда я хочу быть… И тут я задумался. А какой я хочу владеть стихией?

— А бывают смешанные маги?

— Радужных магов имеешь в виду?

— Наверное, — сев на ступеньку, я тяжело вздохнул. Голова шла кругом. Мне-то неоткуда было знать. Только из книг да игр. И то не факт, что здесь так же. Скорее всего не так. Вообще даже глупо думать, что будет так.

— Существуют. Но там есть минусы и плюсы. Например, есть четырёхстихийники, из зовут просто радужные. Двухстихийники — те у кого развито две стихии. Есть те, что никак не сочетаются с другими маги крови и тени, тьма и свет. Эти ни с одной стихией не дружат.

— Ага. Четырёх — это стандартные. Свет плюс тьма нет — а жизнь плюс природа — да. Остальное ответвления.

— Правильно. Молодец, Сашка. Быстро улавливаешь суть.

— Какие минусы у радужных?

— Тяжелее развиваться и невозможность подняться выше ранга мастера. Так что любой магистра огня тебя сожрёт на раз. Если он, конечно, опытный, а не раскаченный эликсирами.

— Это 100% инфа, ну та, что выше не подняться? — Смерть не ответил, только как-то странно дёрнул щекой. Словно на неё села муха.

— Пошли в дом. Кое-что дам тебе, а после сделаешь выбор.

Он вынул из шкафа книгу с названием «Магия для новичка».

— Держи. Из неё узнаешь основы.

— Благодарю.

Я сел на кухне и принялся читать. Была она не особо толстая, так что через пятнадцать минут я закончил. У меня появилась чёткая идея, продиктованная моей новой глобальной целью: я только что умер нелепой смертью, потому что был куском мяса перед грудой металла. В новой жизни я хочу обрести такую силу, власть и универсальность, чтобы больше никогда не быть жертвой обстоятельств. Мне нужна магия, способная подстроиться под любую ситуацию.

Именно поэтому я придумал, как не потратить выбор впустую (в теле девушки покорять мир я не хочу, особенно быть троллихой). Да вообще столько всего, что голова закружилась. Хотелось выбрать всё. Но нельзя.

— Хочу быть радужным магом. Хоть и название так себе.

— А ты хитёр. Одним выбором сразу два закрываешь.

— Я, конечно, не джин, но да ладно. Согласен.

Я сначала не понял, о чём он, но потом догадался. Пол тоже надо было выбирать.

— Второе: хочу увеличенный источник маны.

— Согласен.

— Можно вопрос?

— Жги.

— В будущем я смогу через вас получить плюшки?

— О, это ты правильно спросил. Да. У меня есть к тебе заманчивое предложение. Кристаллы силы и знаний в обмен на души и другие дела, в которых ты мне подсобишь. Согласен? — протянул он руку, которую я тут же пожал. Со Смертью лучше дружить.

— Кстати, а как мне вас называть? А то «Смерть» как-то не очень.

— Зови Пожиратель Душ.

— Как?

— Да шучу я, — он весело рассмеялся, продолжая держать меня за руку. — Или не шучу, — он вновь весело расхохотался.

— Видел бы ты своё лицо. Зови меня Константин. Хорошо себя покажешь — мы поладим.

— А Артур, он тоже в этом мире?

Тело Константина преобразилось, и теперь я пожимал руку той самой настоящей СМЕРТИ в фиолетовом балахоне. Взмах косы, и лезвие проткнуло мне шею. Вспышка.

Очнулся я от резко боли в рёбрах. А следом боль пронзила всё тело. Сука как же больно. Вот за что он так? Но тут я услышал голоса и понял, что это не Смерть меня бьёт.

— Карат, ты, кажется, его кончил, — услышал я и открыл глаза.

— Ещё нет, но вот сейчас добью, — удар ноги потушил моё сознание.

Глава 2

Интерлюдия

Так, стоп. Что-то я забежал вперёд с переходом в другой мир. Давайте вернёмся на пару лет назад. Расскажу, как вся эта хрень со мной произошла.

Россия, 2000 год. Секретная воинская часть где-то под Сибирью.

Когда я отправился служить, то никак не думал, что попаду в часть, где готовят диверсантов и разведчиков. Рекрутёр в учебке что-то такое во мне увидел и предложил попробовать. А я, дурак, возьми и согласись. Во всём виновато советское кино. Такие фильмы, как «В зоне особого внимания». Вот и страдаю теперь. Бегая каждое утро под двадцать километров перед завтраком. Как говорит старшина Петров: «Чтобы каша пошла впрок, надо пробежаться ещё кружок».

— Рядовой Астапов, ко мне, — рявкнул старший сержант Георгий Поздняков.

Выбежав из строя, я подбежал к этому не самому доброму человеку и встал по стойке смирно.

— Упал, отжался. Раз бегать не умеешь и спотыкаешься на ровном месте.

— Есть, — сказал я и принялся отжиматься. Пока я это делал, Жора присел на корточки.

— Знаешь, рядовой Астапов, ты какой-то неправильный. Вечно спотыкаешься, ударяешься. Орёшь посреди ночи, пугая сослуживцев. Что с тобой не так?

— Сны плохие, товарищ старший сержант, — ответил я, продолжая отжиматься.

— И чего же тебе такого снится? Ну-ка удиви меня.

— Да вот снится, что вернулся я в родной Павловский Посад, а девушка моя с каштановыми волосами, карими глазами да в красивом голубом платье с другим вдоль реки гуляет.

— Вот зараза, — с чувством выразился Поздняков. — Ну а ты чего?

— А я подошёл к ним и как дал в пятак этому мудаку, а после цветы ей в лицо бросил и, развернувшись, ушёл бухать.

— Ай, красава, Санек! «Так и надо с ними», — с чувством произнёс Жора и отправил меня в строй. Лучше б я отжимался, а то нам ещё сорок кругов бежать, прежде чем на завтрак отправимся. А так есть хочется. Кто б знал.

На самом деле я ему напи... солгал в общем. Чистой воды, отполированная, как парадная пряжка, ложь. Заученная мною на зубок. Я знал, что его Света сбежала с Махмудом, торговцем овощей на рынке, к тёплым морям. Потому как понимал: скажи я правду — ту, которую невозможно высказать вслух, — то недолог тот день, когда меня отправят прямиком в палату с мягкими белыми стенами.

Полгода назад Георгий действительно получил это унизительное письмо, и его горе было настолько искренним и громким, что в казарме потом неделю все спали как трупы и очень мало спали, кстати. Он заставлял бегать нас вдвое больше и спарринговаться с ним, пока чувство предательства не отупело. Пользоваться чужим несчастьем — дело неблагородное, но куда деваться? Правда моя была гораздо страшнее.

А суть его всё в одном мерзком, назойливом «подарке», свалившемся на меня около года назад, как раз после учебки. Я стал видеть, как умирают люди.

Поначалу это были просто спонтанные видения. Обычные, мутные картинки, похожие на обрывки скверного кино, возникающие в самые неудобные моменты. Внезапная, резкая кинолента: вот человек спешит, не глядя под ноги, и его настигает грузовик. Или идёт зимой, задумавшись, а с крыши со свистом отделяется сосулька. Картинки разные, а финал один. Я видел саму смерть, но не знал точно, когда она наступит — через минуту или через час, где и когда тоже. Я был невольным зрителем.

Но потом дар мутировал. Я чётко помню тот день: я чистил картошку в наряде по кухне, и вдруг перед глазами, прямо поверх реальности, вспыхнули пылающие красные цифры. Отсчёт. Это была первая стадия моей прогрессии. Тогда-то я и понял разницу. Обычное видение — это просто предупреждение, вероятность. Но когда в голове включается жёсткий таймер — это приговор. Это значит, что шестерёнки судьбы уже провернулись, смерть запущена, и у меня есть ровно озвученное количество секунд, чтобы сломать сценарий. Таймер отсчитывал время с пугающей, математической точностью, заставляя меня действовать на пределе физических возможностей. Потому как проверять, что будет если я не решусь что-то изменить, меня пугало по самое не хочу.

Как вот сегодня, из-за чего я и запнулся, упав на асфальт плаца. Мне привиделось, как мой сослуживец Артур Каширин давится хлебом с сыром в столовой на ужине. **К счастью, в этот раз пылающих цифр не появилось. Это было обычное видение — просто вероятность, дающая мне время на подготовку.** А вот если бы включился жёсткий таймер, мне пришлось бы бежать в столовую и ломать сценарий прямо сейчас. К слову. Помочь ему в видении не успели, и он умер.

Так-с, что-то я опять убежал, вернёмся немного назад.

Всё началось с истории настолько абсурдной, что в неё, пожалуй, и правда сложно поверить без пары банок сгущёнки в качестве доказательства. Вот только их уж нет давно. Так что хотите верьте, хотите нет, а дело было так. И да, сейчас поймёте причём тут сгущёнка.

Только-только прибыл я к месту службы, от меня ещё пахло поездом (углём из-под самовара), духами проводницы (она была огонь) и тоской по цивилизации, как тут же был послан старшиной. Нет не в задницу. Как многие подумали. Мне дали поручение. Поездка в комендатуру. Получив ворох запечатанных конвертов, папок и других бумаг, я выскочил на крыльцо, подгоняемый сразу из дверей пронизывающим ветром. На обледенелой ступеньке нога поехала вперёд сама по себе. Я не побежал, а полетел, беспомощно загребая воздух, как пингвин, пытающийся взлететь. Папки и конверты, что я не успел убрать в сумку, взметнулись вверх серпантином.

Моё стремительное путешествие прервал не кто иной, как генерал Евгений Воронов — мужчина солидный, в шинели и при всех регалиях. Зачем? может повод какой? Ну да ладно. Я, естественно, звания в полёте не разглядел (хотя что это изменило бы?) и встретился с ним лбом, точнее, всей своей огромной головой, с которой слетела шапка, вдарил ему прямо в грудь. Он издал короткое глухое «Уф!» и рухнул на заснеженную плитку огромным «плацдармом» своего достоинства.

Извинения застряли у меня в горле. Мир резко поглотила темнота, но не от стыда. С козырька над входом, сорвавшись с того самого места, под который только что занёс ногу генерал, на мою несчастную голову обрушилась глыба слежавшегося льда и снега. Удар был оглушительным. Отдавшейся не столько даже болью, сколько внезапным отключением всего и вся.

Очнулся я уже в санчасти. Как выяснилось, мой череп продемонстрировал завидную крепость, отделавшись сотрясением, которое уложило меня на две недели. А генерал Воронов, человек, как оказалось, не лишённый своеобразного благородства, провёл нехитрые расчёты. Вывод был прост: если бы не моя голова, принявшая удар, то его собственная голова была бы на том самом месте и получила этой глыбой. Не мал был шанс отправиться ему прямиком к праотцам.

Медаль, разумеется, не светила — истинную причину «подвига» знали все заинтересованные лица. Но формально выходило, что рядовой Астапов ценой собственного здоровья спас высокое начальство. Награда нашла странную, но в армии понятную форму: перед строем мне торжественно вручили ящик. Не орденскую планку, а деревянный некрашеный ящик, от которого исходил сладковатый, манящий аромат цитрусов. Пять килограмм мандаринов, которые пахли Новым годом и те самые десять банок сгущённого молока.

Отцовская наука, вбитая в меня как словами так и натруженной задницей, не подвела. Солдатский ремень — великий учитель. В тот же вечер ящик был вскрыт, а его содержимое выложено на общий стол в казарме. Глухой стук жестяных банок об дерево прозвучал для сослуживцев слаще любой речи. Одобрение было всеобщим и молчаливым, выраженным в хлопке по плечу и дополнительной порции каши на завтрак от парней, что попали в наряд на кухню.

С тех самых пор и живу. Я — со своим "кинотеатром" в голове, а мир вокруг — в счастливом неведении. Везёт же им.

***

Спустя несколько часов.

Когда я после завтрака отправился в санчасть обработать колено, то встретил там и пожал руку рядовому Женьку, что пришёл получить парацетамол (на деле же он пришёл к Наташке), как мне вдруг стало плохо. Перед глазами поплыли пятна, а в мозгу чётко и безжалостно развернулась картинка: Женька Комаров, этот любитель женской красоты в любом её проявлении, упадёт ночью, когда побежит к медсестре Наталье. Он примется лезть по водосточной трубе и рухнет с неё, сломав ногу. Не смертельно, но мучительно. Затем в санчасти у него оторвётся тромб, и к утру Женёк умрёт в «скорой», что поедет в город.

Я отшатнулся, бледнея. Он только озадаченно поднял бровь.

— Ты чего, Астапов, на диете что ли? Бледный вон какой, щёки впалые. Сгущёнку тогда всю нам отдал, а сам теперь ходишь трясёшься и на смерть похож. Ты, конечно, красава, но и о себе думать надо. Припас бы хоть пару баночек для себя. Парни бы поняли.

Я только промычал что-то невнятное, потирая внезапно вспотевший затылок. Он ушёл, а я ещё минут пять постоял, прислонившись стенке. Пытаясь прийти в себя.

***

Таким образом, сегодня умрут двое, — размышлял я, топая к казарме. И что мне делать? Как им помочь? Я рядовой, ходить свободно по территории воинской части не могу. Поймай меня старшина ночью на территории, и мне хана. Точно отправит квадратное катить, а круглое таскать. Или же траву красить в зелёный. Неважно, что на дворе зима и её нигде нет. Значит, придётся рисовать на снегу. Тут не ждут отмазок, тут ждут выполнения приказов.

Почему я так взволнован и мне хреново? Сегодня впервые всё было не так. До этого были сны и видения, но все они происходили не со знакомыми людьми. Так что даже захоти я помочь, то был не в силах это сделать. Я не ведал, где они живут, да и кто меня выпустит с закрытой территории?

Вечер того же дня.

На ужине я сел рядом с Артуром. Тем самым что был вторым кто должен помереть. Точнее первым. Н не суть.

— Слышь, Каша (фамилия у него Каширин), а поделись бутером? — я потянулся к куску хлеба с сыром.

— Санёк, а ты не оборзел? — возмутился он и схватил быстрее меня бутер. — Мне, потвоему, что, есть не нужно?

— Да нужно-нужно, я ж не спорю. Давай меняться. Я тебе две барбариски, а ты мне его. Согласен?

— Хм, — задумался он. — А почему бы и нет. Как раз вечером на дежурство, будет с чем чаёк погонять.

Мы обменялись, и в этот миг случилось странное. Я почувствовал, как на меня будто кто-то очень сильно разозлился. Да так сильно, что я сам чуть не подавился, точнее, подавился. Ведь я тут же запихнул бутер в рот, дабы Каша не передумал. Я начал задыхаться, из глаз брызнули слёзы. Артур стал стучать мне по спине, и только после третьего удара кусочек сыра со слюной и крошками хлеба вылетел изо рта, а я смог нормально вздохнуть.

— Спасибо, — откашлявшись и вытерев слёзы, проговорил я.

— Пипец ты, Санёк, — Каша покачал головой, при этом цокая языком. — На ровном месте чуть к праотцам не отправился. Аккуратнее жевать нужно.

— И не говори, — ответил я, а про себя подумал, мол, это ты должен был им подавиться. Да уж, спасение — дело опасное. Ну к чёрту такие чудеса. Спасаю я, а взамен что? Сдохнуть самому? Нет уж, спасибо.

После ужина мы отправились в казарму, где, стоя во время вечерней проверки я размышлял над случившимся с Артуром.

Честно, меня трясло. Одно дело считать, что это всего-навсего причуды мозга и потому я вижу смерти других, а другое — осознавать, что я вижу будущее. Это же жесть какая. Вот на кой-мне всё это нужно, а?

Когда я лежал на своей железной койке, пытаясь расшифровать трещину на потолке, в казарму вошёл вновь старший сержант Поздняков. Его сапоги глухо отстучали по деревянному полу, остановившись у моего спального места.

— Астапов, подъём. Со мной, бегом, — бросил он коротко, не оставляя пространства для вопросов, и развернулся к выходу, давая понять, что мне следует идти за ним.

Коморка старшего сержанта, крохотная комнатка в конце коридора, оказалась полной сюрпризов. Вместо ожидаемых учебных плакатов и уставов (которые кстати тоже были) я уставился на стол, где красовалось настоящее пиршество. Под тусклым светом голой лампочки поблёскивала бутылка «Столичной», рядом лежала горка малосольных огурцов, янтарные ломтики копчёного сала, пучок зелёного лука — откуда он его только добыл в февральской Сибири? — и скромная миска с варёной картошкой, припорошённой укропом.

— Присаживайся, — Поздняков махнул рукой к табурету, а сам опустился на койку с таким видом, будто на него взвалили мешок с цементом. — У меня сегодня, считай, день рождения. Но орать и пить со всей ротой охоты нет. Твой рассказ про ту… дуру, — он провёл рукой по лицу, как бы смахивая нахлынувшую на миг печаль, — всё всколыхнул. Чёрт её побери. Понимаешь, да?

Я молча кивнул, опускаясь на табурет. Разрушать эту иллюзию, признаваться, что вся история с девушкой — выдумка от начала до конца, не было ни смысла, ни желания. А то выгонит ил в морду даст. Скорее и то и другое. Человеку требовалось выговориться, а передо мной стояла задача стратегической важности: не дать товарищу в одиночку утонуть в этом море тоски и сорокаградусной жидкости. К тому же, аромат сала и хруст огурца были неотразимым аргументом. А если станет плохо? Значит, мой долг — обеспечить контроль и моральную поддержку. И никак иначе. Мы своих не бросаем.

Мы сидели в тесной комнатке, наполняя тишину негромким звоном рюмок, хрустом шкурки сала и разговорами, полными горькой солдатской философии. Клеймили неверных красавиц, которые не в силах дождаться своих защитников отечества. Когда бутылка опустела, а закуска сошла на нет, в голове созрел план.

— Жора, а что, если продолжим? — предложил я, осторожно поставив пустой стакан. — У Наташки-медсестры, я знаю, спирт медицинский припрятан. Чистый, горит, как душа грешника, а вкусный мм...

Поздняков, уже изрядно размякший, весело ухмыльнулся и пожал плечами, мол, а почему бы и нет.

Время было далеко за отбоем. Мы одевались, стараясь не звякать ремнями и приглушая скрип берцев, как пара сбежавших из дома школьников вышли на улицу. И нечего смеяться. Нашему старшине на всё плевать с пожарной вышки. Дембель ты или дух — неважно. Наряд получишь на раз.

Тащась по тёмной, промороженной улице части к женскому общежитию, мы шли, прижимаясь к стенам и замирая при каждом шорохе. Как проскользнули мимо КПП, ведь здание

находилось не на территории части, и патруля — осталось загадкой. Видимо, сама судьба, или что-то иное, на тот момент решила нам не мешать. Мне даже показалось, будто я услышал чей-то звонкий женский смех. Водка играет, — подумал я тогда.

Подкравшись к двухэтажному кирпичному зданию, мы уже собирались искать окно медпункта, так как я забыл напрочь зачем пришёл сюда на самом деле. И тут вдруг движение на фасаде заставило нас замереть. В свете тусклого фонаря чётко вырисовывалась фигура в шинели, цепко карабкающаяся по водосточной трубе. Ловко и бесшумно, как опытный скалолаз, на второй этаж взбирался наш сослуживец — Женька Комаров.

Холодный комок страха и понимания сжался у меня в желудке. Мой дар предвидения, который за этот год прокачался от мутных образов до пугающе точных расчётов, вновь сработал. В голове вспыхнули пылающие цифры.

Восемь секунд.

Я знал точно: Женька сорвётся, и его падение закончится переломом шеи, если я ничего не сделаю.

— Жора, а это не Комаров ли лезет? — указал я пальцем.

— Жень! — начал я шипеть, а Поздняков присоединился, отчаянно маша руками в темноте.

Пять.

Комаров дёрнулся, застыл на трубе и медленно повернул голову. В этот самый миг его левая рука нащупала не металл, а пустоту.

Три.

Раздался короткий вскрик, и его фигура резко отделилась от стены. Он летел прямиком на промёрзший асфальт.

Две.

Моя реакция, отточенная десятками подобных ситуаций, сработала быстрее мысли. Я рванул с места. Не бежал — прыгнул вперёд, всем телом пытаясь оттолкнуть падающего в сугроб.

Один.

Глухой удар, хруст, отдавшийся в костях, и пронзительная тишина, в которой я осознал, что не чувствую левую половину тела. Сломана рука, ключица и пара рёбер. В госпиталь я угодил на полтора месяца. Красава, ничего не скажешь.

На сей раз никаких ящиков со сгущёнкой мне не вручали. Зато за мной, по личной просьбе медсестры Наташи, ухаживала Рита Прокопьевна — девушка строгая, но с большими... Кхм, золотыми руками и запасом домашнего варенья, которым тайком от врачей снабжала палату. Наташа, чьё сердце явно дрогнуло после моего ночного подвига, решила отблагодарить меня таким образом.

Признаюсь, это было почти идиллическое время.

До приказа оставалось пятьдесят два дня, когда очередное видение вползло мне в сон. На сей раз фигурантом опять был Артур. Приснилось, будто он на кухне, в наряде, поскальзывается на упавшем, раздавленном помидоре, летит на спину, а с плиты ему прямо на грудь сваливается огромная пузатая кастрюля с только что приготовленным борщом. Мой друг сварился заживо, как рак в кипятке. Проснулся я в холодном поту.

Я уже уяснил железное правило: спасение жизни оборачивается для меня персональным, часто абсурдным возмездием. Может, не столь фатальным, но неизменно болезненным и унизительным. Отчего я стал задаваться вопросом: а оно мне надо?

Тяжело вздохнув, я, ещё лёжа на койке, скомкал грязные портянки и, точно рассчитав момент, швырнул их в открывающуюся дверь. Ту самую дверь, в которую как раз входил старшина Петров.

— Астапов, ты совсем охренел?! — прогремел его рёв, наполнив казарму. Конечно, он сказал по-другому, но не будем уподобляться. Последовал стремительный подход, и его здоровенный, как окорок, кулак впечатался мне в физиономию. Вслед за этим я получил наряд вне очереди — прямиком на ту самую злополучную кухню, подменяя Артура.

Кастрюля на меня, конечно, не свалилась. Но проклятый, незримый помидор сделал своё дело — я поскользнулся на мокром полу и вывихнул ногу с таким мастерством, что снова, к вящей радости Риты Прокопьевны (и, чего греха таить, к моему внутреннему облегчению), угодил в санчасть на неделю.

Когда я вышел, новое видение не заставило себя ждать. И здесь меня посетила странная мысль. Раньше картинки смерти приходили о разных людях — случайных прохожих, сослуживцах. Теперь же фокус упорно и неуклонно держался на одной-единственной цели — Артуре Каширине. Почему? Закономерность ускользала, оставляя огромный тревожный осадок, не дававший мне нормально спать.

На сей раз, по старой доброй традиции, он должен был подавиться. Не чем-нибудь, а маринованным горошком — любимой солдатской валютой. Во сне я видел это со всей отчётливостью: синее лицо, хрип, беспомощные хватания за горло. Так как есть его собрался ночью, вот никто ему и не помог. Притом Каша никогда не крысил и готов был поделиться, но только не тем, что отложил на ночь.

В реальности же я просто стащил у него заветную банку из тумбочки. Артур, обнаружив пропажу, немедленно обвинил в краже соседа, Марата (Мартына) Буткевича, и между ними завязалась эпическая, но тихая, чтобы не поднять тревогу, потасовка.

Честно говоря, я не хотел проверять на себе, каково это — давиться консервированным горохом. Был почти уверен, что, если попрошу банку, участь моя будет предрешена. Не знаю, какая высшая сила так упорно метила в Артура, но мне она явно мстила с особым усердием. Потому что в разгар их драки мне «случайно» (во что я верил с огромным трудом) прилетело сапогом Мартына прямиком в глаз.

Фингал вышел на славу, сочный, переливавшийся всеми оттенками фиолетового и жёлтого. Прозвище «Синяк» приклеилось ко мне прочно и сопровождало до самого дембеля. Как, впрочем, и Артура, которого за оставшееся время службы мне пришлось спасать ещё семнадцать раз. Хотя может и больше.

Чего он только не предпринимал, ненароком ставя под угрозу своё существование! То чуть не угодил под грузовик, то, готовясь к броску гранаты, выронил её у своих же ног, выбросив вместо неё чеку. Кстати, об этом.

Дело было так.

Я находился в соседнем окопе на полигоне, когда мой мозг пронзила оглушительная сирена, а перед глазами вспыхнули те самые неотвратимые красные цифры. Включился жёсткий таймер.

Четыре секунды.

Моя локальная цель стала предельно ясной: выжить самому и вышвырнуть эту ребристую смерть из окопа Артура. Я не думал о последствиях. От ужаса чуть не двинул кони, но чудом успел вытолкнуть его из зоны поражения за секунду до того, как таймер обнулился взрывом.

Расплата за героизм была суровой — мне влетело от всех, от сержанта до самого генерала Воронова. Но формально я в очередной раз спас жизнь.

Именно тогда, лёжа на гауптвахте с гудящей головой, я сформировал свою глобальную цель на будущее: я должен вырвать этот проклятый дар из своей головы. Найти способ контролировать свою жизнь, чтобы больше не быть марионеткой в руках фатума и этих адских таймеров. Я мысленно молился, чтобы всё это закончилось. Как же я был наивен.

Только вот в голове всё назойливо висел вопрос: почему именно Артур? И что будет, когда наша служба закончится и мы окажемся на гражданке, где опасностей, судя по моим видениям, для него приготовлено немерено? Только я уже не смогу его спасти.

***

Настал тот самый день.

Мы с Артуром стояли на промёрзлой загородной остановке, продуваемые всеми ветрами. От казармы нас отделяли уже сутки, но как по мне пахли мы всё тем же — дегтярным мылом, нас одолевала тоска по распорядку, а в голове глупая надежда, что мы всё-таки доберёмся до дома.

Одеты мы не по форме. Виной тому гениальная догадка Артура: «В аэропорту не воруют — там камеры». Пока мы смывали с себя пыль под струями душа, кто-то стащил наши вещ-мешки, форму и билеты на самолёт. Документы и жалкие остатки денег спаслись только потому, что мы, по привычке, взяли ценное с собой в кабинку.

Ругаться или кричать я не стал, а просто пожал плечами, узнав о произошедшем. Живы — значит, не случилось чего-то по-настоящему страшного. По моей личной логике, крупная неприятность всегда была только предвестником настоящей катастрофы. А это? Так, досадный сбой. Мне даже ничего не сломали, я не подгорел, кровь не течёт и вообще выгляжу огурчиком. Голым, но зато жив.

В кармане имелось немного налички. Хватало ровно на два плацкарта до дома и две пачки «Доширака» в дорогу.

Вместо самолёта — поезд. Вместо парадного кителя — потёртая куртка, под которой всё ещё пряталась солдатская выправка. Их нам подарила тётка из отдела забытых вещей. Сжалившись над нами. Вместо бравого начала — старый, как мир, путь на родину. Поезд «чух-чух».

Артур нервно переминался с ноги на ногу, глядя на пустую трассу. Я молчал, прислушиваясь к тишине внутри себя. Той тишине, что всегда наступала перед бурей. Но в этот раз буря опаздывала. Это настораживало.

Или просто собиралась с силами и строила новые планы. Вот так скорее всего вернее будет.

Солнце било в глаза, отражаясь от луж подтаявшего снега, а ветер трепал полы наших неказистых курток. Казалось, весь мир вздохнул свободно вместе с нами. Позади оставались жёлтые стены части, а впереди маячила гражданская жизнь. Мои желания в этот момент были до одури тривиальны: я хотел оказаться дома, принять горячую ванну, съесть мамин борщ и навсегда забыть о марш-бросках в ледяное утро. Моя глобальная цель — начать нормальную жизнь без постоянного ожидания катастрофы — казалась как никогда близкой.

— Думаешь, успеем на рейс? — Артур нервно постукивал каблуком по асфальту.

— Может, да, может, нет. — Подув на руки, я убрал их в карманы.

Моё внутреннее чутьё, то самое, что год тихо визжало о приближающихся смертях, в этот день молчало. Я списал это на усталость и эйфорию от долгожданной свободы. Или, может, оно наконец-то покинуло меня? Чему я буду только рад.

Спустя двадцать минут ожидания, когда ноги уже затекали от холода, вдали показался долгожданный автобус.

Но что-то было в его движении не так. Он не плавно приближался, а будто подпрыгивал на кочках, его курс был неровным, зигзагообразным.

— Смотри-ка, — пробормотал я, прищурившись. — Водила, похоже, празднует наш дембель за нас.

И в этот самый миг обманчивая тишина в моей голове взорвалась. Мир мигнул. Я увидел, как фуру на встречной полосе заносит на льду, она бьёт автобус, и эта многотонная сцепка летит прямо на нас. В мозгу вспыхнули пылающие красные цифры неизбежного, финального **жёсткого таймера**. *Пять секунд.*

Ну, а дальше вы уже знаете, что произошло.

***

Мы летели. Не аки птицы, а подобны фотону — сквозь немыслимую, ослепительную бездну, усеянную мириадами звёзд. Галактики медленно вращались, где-то рождались и умирали целые миры, и этому колоссальному, вечному механизму Мироздания не было абсолютно никакого дела до крошечных душ двух парней, погибших под фурой. Вселенная жила своей непостижимой жизнью, перемалывая слабых. Я чувствовал, как её чудовищное, равнодушное давление сдирает с меня воспоминания. В голове запустился новый, интуитивный таймер: три минуты. Ровно столько оставалось до того момента, как моя личность сотрётся в пыль.

Моя **локальная цель** сменилась мгновенно — удержать своё «я» от распада. Чтобы не сойти с ума, я вцепился в одну мысль, повторяя её, как мантру: «Только не простолюдином. Начинать с нуля, в грязи и бедности… Нет уж. Молодое тело аристократа вполне подойдёт. Королевский род не нужен, можно граф или барон». Я концентрировался на этой **глобальной цели**, делая её своим якорем. И по мере того, как я отказывался сдаваться, моя бестелесная суть начала уплотняться, сопротивляясь давлению пространства. Это была моя первая духовная **прогрессия** — я учился сохранять осознанность там, где обычные души просто растворялись. Тут очень помог мой дар, который давно дал понять, что наш мир не такой ким мы его видим.

Что касается меня? На Земле я родился в простой семье. Не в нищете, нет, но и о «Мерседесах» или заморских курортах можно было лишь читать в журналах. Море и то только в пятнадцать лет впервые увидел. Звалось оно «Чёрное», и было на пляже народу-у-у, будто все решили вылезти погреться именно тогда, когда мы с семьёй приехали там отдохнуть. Особо не парился по всем этим вещам, да и не завидовал другим детям — почти. Зато у меня были они. Родители. Простые, добрые, с мозолями на руках и бесконечной теплотой во взгляде. Они отдавали всё, чтобы я вырос человеком, а не скотиной. Возможно, их уроки, вбитые не криком, а тихим примером, не позволили мне пройти мимо. Не позволили бросить Артура и других на растерзание судьбы, даже когда это спасение оборачивалось личной карой.

Жаль, что теперь они не дождутся сына с армейской службы. В официальных бумагах, наверное, появится строчка: «Пропал без вести». Фура, смешавшая нас с бетоном остановки и улетевшая в обрыв, не оставила шансов для другой версии. Искать будут — обязаны. Но недолго. В глубине души я почти надеялся, что статус «пропавшего» будет для них милосерднее, чем закрытый гроб. Хотя тут же корил себя: какое это милосердие — вечная неизвестность, разъедающая душу?

Тогда, в этом потоке света, я обратился в пустоту. Не к богу, не к судьбе — к той силе, что выдернула нас из-под косы Костлявой. А это точно кто-то сделал и делает это сейчас.

— Не знаю, кто ты и зачем нам это устроил, — прошептали мои мысли, растворяясь в звёздном вихре. — Но, если можешь… Позволь моим родителям найти покой. Пусть тело найдут. Пусть похоронят и отпустят с миром. Не оставляй их в этой темноте. Я же сделаю то, для чего ты меня вытащила или вытащил. Я просто не знаю, какого ты пола. Если он у тебя вообще есть.

Ответ пришёл мгновенно. Не голосом, не словом. Меня обволокло, окутало с головы до ног волной чистого, абсолютного тепла. Это было признание. Послание. «Услышано».

Вместе с этим теплом в мою истерзанную сущность влилась капля чужой, невероятно плотной энергии. Мой духовный каркас резко расширился, впитывая её, как губка. Я ещё не знал, как работает магия, но чётко зафиксировал прогрессию: моя душа стала «тяжелее», крепче, получив первичную закалку от самой ткани Мироздания.

Я расслабился. Меня услышали. Обещание будет исполнено. А значит, и мой долг — оправдать эту вторую жизнь. Меня выдернули из небытия не для забавы, и теперь я готов встре-

тить то, что ждёт впереди. Желательно с минимумом отдачи за спасение. С целыми костями и при деньгах. Кто ж нынче за спасибо будет работать?

Не ведаю, сколько прошло времени, но вдруг случилась вспышка, и я остался один. Душа Артура исчезла. Куда? Да фиг его знает. Может, в другой мир. Может, ещё куда.

Глава 3

Сколько всего интересного, а в кармане пустота.

Так и знал, что в теле аристократа не проснусь. Не быть мне графом и не видать принцесс в постели. Хотя кому они нафиг сдались со своими загонами? Нам лучше подавай обычных, добрых и милых Надь да Оль, Виолетт да Диляр. Мы народ простой, нам душа важна и что внутри человека мир, а не мракобесье. Но это только моё мнение, а уж там кому какой фломастер по вкусу…

С такими странными мыслями я очнулся в канаве с отходами. Грязный, избитый. Одежда вся рваная, челюсть болит, нос болит… Да всё, мать вашу, тело болит. Первые полчаса или не знаю сколько я тупо лежал и стонал. Но даже в таком состоянии я засунул руки в штаны или в то, что от них осталось, и проверил, на месте ли, и только обнаружив искомое облегчённо выдохнул. Причиндалы на месте. Жить можно.

Вот почему девчонки по этому поводу не парятся? А мы, парни, носимся с ними как… А к дьяволу. Надо выбираться отсюда, пока ничего не подхватил. У меня ж наверняка ран туева куча. Глядишь, ещё заражение крови подхвачу. Иил как там оно называется?

Кое-как зацепился за местную растительность, что росла по краям оврага, и попробовал подтянуться. Сделав несколько попыток, я бросил это дело. Силы кончились. Отдышавшись, я вновь принялся карабкаться, держась обеими руками за траву, но она предательски вырывалась с корнями из земли, и я в который раз скатился обратно куда ниже прежнего. Углубляясь в помои ещё больше. Вот же гадство.

Похоже, я в каком-то средневековье, раз люди скидывают отбросы еды в канаву. Да и упаковок еды не видно. Точно древние времена.

«Так, Саша. Харе отходы разглядывать, это современное искусство не по тебе. Выбираться тебе нужно, а не дедуктивным методом по отходам выяснять, в каком ты веке, точнее эпохе развития, ну ты понял».

Я сделал ещё несколько попыток выбраться, и только где-то на восьмой раз мне это всё же удалось. Стоило мне встать на твёрдой земле, как я упал словно подкошенный. Тут же вспомнил нового знакомого в фиолетовом балахоне, но ничего плохого не подумал. Вдруг он мысли читать умеет. Так что только:

— Спасибо, что раса человек, — сказал я вслух после того, как осмотрел себя. Руки вроде как человеческие.

Надеюсь. Вдруг я полуросли или эльф недоделанный. Бр-р-р. Потрогал уши. Вроде не острые.

Оглядывая себя, я в очередной раз вздохнул. Выглядел я хуже, чем бомж с Ленинградского вокзала. Да и несло от меня так, что я дышал не то, что через раз, а даже через три. Время было ближе к полуночи. Ну, мне так кажется, поэтому я не особо понимал, куда двигаюсь.

Фонарей тут нет, что и так понятно было по картине из отходов. Ввиду чего домов или поселений я нигде не разглядел. Хорошо хоть на улице стояла тёплая погода. Значит, тут лето. Да я прям Шерлок.

Тепло я люблю, особенно после двух лет вечной зимы в Сибири. Я теперь к холодам ну вот вообще не очень хорошо отношусь.

Топая по тропе, увидел в свете луны, а после и услышал, как бежит вода. Так оказался на берегу речки. Неширокой, метров двадцать, да и неглубокой, судя по тому, что зашёл на середину и вода была мне по шею.

Кстати, а какой у меня рост? Там, на земле, был 181 см, а тут? Надеюсь, не ниже. Я ничего не имею против ребят небольшого роста, но как-то хочется быть повыше. Всё же смотреть на

человека при разговоре сверху или хотя бы в глаза на одном уровне даёт некую уверенность в себе.

Смыв грязь, остатки чей-то еды с лица, тела и потерев себя травой с песком, я был приятно поражён, что кровоточащих ран не обнаружил. Только болело лицо, голова, и почки. И, конечно же, рёбра, да ещё немного нога и нос. Ой-да, всё болело. Однако вот что примечательно. Пока я дошёл до воды, болеть стало куда меньше.

Моясь, я пытался вспомнить, за что меня пинали, но ничего мне в голову не пришло. Да и они не сказали. А, впрочем, это и неважно. Важно другое: где мне взять одежду и еду. Жрать хотелось ого-го. В армии кормили на убой, и как-то к этому привык, хорошо есть. Сейчас же мне хотелось хоть что-нибудь закинуть в рот, а то желудок прочно прилип к позвоночнику. А глядя на себя, стейк мне точно не светит. Я невесело усмехнулся. Ничего, Сашка, прорвёмся.

Мне, конечно, говорили, что у нас спецчасть и поэтому кормёжка была столь обильна ввиду огромных нагрузок на молодые организмы. Отчего все мы были красавцы как подбор для фильма «300 спартанцев», но вот сейчас, разглядывая своё тело, я осознал печальную истину. Оно было ох в каком плачевном состоянии. Не кожа да кости, но где-то близко. Надо бы это исправить. Тем более знания, как это сделать, вбиты по самое не хочу.

Сидя на берегу и обсыхая, я принялся размышлять. Раз есть канава с отходами, значит, есть и поблизости люди. Да, меня избили и выкинули. Но это точно были молодые парни, точнёхонько подростки лет пятнадцати-семнадцати. Такие тащить далеко не станут. Что же получается? А получается, я пошёл по дороге, но не в ту сторону. Значит, идём обратно.

Надев мокрые вещи, я поёжился. Да уж, попал так попал. Но ничего, главное, я жив. Остальное наладиться.

Двигаясь по тропе, где-то примерно через час добрёл до деревни. Была она странной, не такая, к каким привык. Да, Сашенька, ты сегодня в ударе. С чего бы ей быть такой же? Ты же не на Земле.

Дома в деревне отличались тем, что они были каменные, а не деревянные. Небольшие, все одноэтажные. Каждый со своим двором, но все они были позади домов. Никаких заборов. Дверные проёмы у всех были разные, у одних 2 метра, у других все три, а то и четыре. Что за гиганты тут живут? Следующая странность — это то, что свет в окнах был. Только он какой-то не такой. То есть он шёл… словно волнами. Не постоянно горел, а как бы… Даже не знаю, как объяснить. Я в электричестве не очень. Такое ощущение, что напряжение то подымалось, то понижалось. Да, наверное, так будет правильно. Эх, говорила мама: учись. Ленин говорил: учись. А я что? А я ничего. Но честно собирался после армии поступать в институт.

Оглядевшись, я перешагнул через небольшую оградку, чисто символическую, туда, где виднелись деревья. Надеюсь, они плодовые. Так и оказалось. Это были грушевые, лимонные, яблоневые и даже вишнёвые деревья. Чего здесь только не было. Помимо этого изобилия я обнаружил домики-ульи. Тут, похоже, пасечник живёт.

Мой дядька Николай Егорович тоже пасечник. Брат матери. Я часто у него гостил, и потому имел некие знания, как получить мёд. Но, прежде чем это делать, нужно найти какую-то посудину или банку, что было бы замечательно. Искать я, конечно, не бросился, а вот есть фрукты начал. Только старался делать это тихо. В доме до сих пор горел свет, и я боялся, что хозяева услышат мои телодвижения.

Откусив грушу, я зажмурился от удовольствия. Она была сладкая, сочная и мягкая. С небольшой терпкостью на языке.

Утолив первый голод, я принялся искать тару. Участок был где-то двадцать, может, тридцать соток. Хотя поначалу он мне показался маленьким. В дальнем углу я обнаружил сарай или это хозблок? Впрочем, какая мне разница? Когда к нему подошёл, то первое, что удивило, так это ручка на двери. Была она такая огромная, словно её для тролля делали. Да и дверной

проём под три метра. Надеюсь, в этом доме живёт не тролль. Хотя чего я такое думаю. Откуда в человеческом поселении тролль? М-да, Саша, крыша у тебя едет не спеша в далёкие края.

Аккуратно открыв её, я боялся, что петли скрипнут, но нет. Всё было тихо. Видно, хозяин рукастый и домовитый.

Внутри всё так же было разложено чин чином. Садовый инструмент, причём нечеловеческих размеров, весел в пазах на стенах, мешки с чем-то аккуратно сложены сбоку. Баночки на полках, а крышечки в ящике в столе. Смог всё это разглядеть благодаря лампе, что зажглась, стоило мне открыть дверь. Только вот это была не совсем масляная лампа и уж тем более не электрическая с датчиком движения. А что-то, напоминающее кристалл, и свет из него так же шёл волнами.

Взяв всё необходимое, я отправился к домикам.

Моя медовая миссия началась.

Диверсант я или кто? Неужели не справлюсь? Это я себя так подготавливал. Так как знал. Ночью мёд не собирают. Очень опасно, а в сарайчике я не нашёл одежды, что поможет защититься. Вообще никакой. Так что всё делаю на свой страх и риск. Но уж больно медка охота иномирного. Правда, он может оказаться точно таким же, как в нашем. Да ну бред. Не может он быть таким же. Мир другой, а значит, и пчёлы тут другие. Точка.

Вот, значится, стою я перед ульем, сжимаю банку, а сам инструкцию в голове прокручиваю. Дядька мой, Николай Егорович, пасечник от бога, бубнил её, жуя табак и поглаживая мохнатую бороду. Шапок с сетками он не признавал. Причём бубнил он её каждый раз, когда собирал мёд. Как наговор какой-то. Вот потому-то я его и запомнил, причём куда лучше, чем стихи Пушкина. Лучше только устав помню.

И так начнём.

«Первое — дым. Пчёлку обмануть надо, будто пожар. Она тогда злая, жалится, а наедается про запас».

Твою налево. Пришлось вернуться к сараю.

Я нашёл и взял там медный дымарь, похожий на сказочный лампу из сказки про Алладина, а после вернулся к ульям. Пару раз качнул грушу. Белый дымок пополз в леток. Пчёлы вроде забеспокоились. Не то чтобы улетели, а как-то деловито засуетились. Ладно, работает, начало положено.

«Второе — крышку снимай не спеша. Резких движений не любит пчела».

Я аккуратно поддел её. Изнутри пахнуло теплом, воском и такой густой сладостью, что аж заломило в скулах. Внутри — деревянные рамки, прямо как книжные полки, только вместо книг — соты, полные мёда. Некоторые ячейки были запечатаны воском. Света от углей в дымаре хватало, чтоб разглядеть, что тут да как.

«Третье — рамку вынимай. Тяжёлая будет, не урони».

Так и есть. Потянул её на себя — будто пеноблок в руках держу, да ещё и живой. По ней пчёлы ползают, будто я прозрачный. Жужжат не злобно, а с деловым недовольством, как бухгалтер у нас в части, которого постоянно отвлекают от отчёта.

«Четвёртое — кисточкой, по шёрстке, сметай их обратно. Аккуратненько».

Я взял широкую мягкую кисть, что висела на боковой стенке домика, и принялся сгонять полосатиков. Они цеплялись лапками, не хотели уходить. Я их тихонько подталкивал, приговаривая про себя: «Ну же, девочки, подвиньтесь. Мне немного надо. Чуток возьму, а остальное всё ваше…» К слову, были они куда крупнее наших земных. Так что я себя похвалил за то, что всё делаю с должным образом. Укуси такая, и мне точно конец. Это тело не переживёт.

Когда рамка более-менее очистилась, я поднёс её к банке… и потекла тягучая струя золотая… М-м, чего? В смысле, изумрудная? Как изумрудная? Почему изумрудная? Я завис. Мёд был цвета тархуна. Ого. Надеюсь, я не отравлюсь.

Пару капель упало на землю — тут же сбежались муравьи. И чего не спят, дурные?

Запах стоял такой, что даже дым перебить не мог. Языком лизнул с пальца, на который так же упало несколько капель. Ой-ой, как сладко — я даже закачал головой, настолько было вкусно. Не просто сладко, а… как будто всё лето в одной капле. Я после Сибири особенно это прочувствовал.

Банка наполнилась. Я так же медленно вернул рамку на место, прикрыл крышку улья. Стою такой, в руках трофей — банка тяжёлого, тёплого как лучи солнца, точнее, изумруда, так стоп, он же не тёплый, так ладно не суть. Задание выполнено. Никакой магии не потребовалось.

К слову. В конце обычно я ещё иногда получал лёгкий подзатыльник со словами: «Просто помни, что дядька Николай Егорович тебе говорил, и не дёргайся лишний раз. Тут главное — инструкцию не забыть, и всё будет путём, Сашка».

Только вот дальше всё пошло по одному месту.

«АГРХ!» — зарычал кто-то с крыльца дома. — «ВОР! Ты не в тот сад залез. ВОР!»

В ту же секунду я молнией развернулся на пятках и стремглав бросился бежать в противоположный конец сада. Тот, кто бежал за мной, почти догнал меня примерно через минуты три, а так как я не знал местности, да и ни черта не видел, то продолжил бежать туда, куда глаза глядят. Так на полной скорости я угодил в пропасть, так как не увидел оврага. Причём очень глубокого. Свалился я в него и полетел, но до того развернулся через плечо и чуть сердце не остановилось — за мной бежал медведь. Какого хрена? — подумал я, но долго размышлять мне не дала коряга, об которую зацепился, и мой спуск вниз превратился в неконтролируемое падение.

Закончилось оно ударом и погасшим сознанием.

Очнулся я под утро. Солнце светило ярко, а лёгкий ветерок трепал волосы. Я лежал на дне оврага в невысокой траве. Первое: я был жив и у меня ничего не болело. То есть ничего не сломано после столь крутого спуска. Второе: банка с мёдом была в руке и целая. Вот это прям повезло. Спасибо тебе, Фортуна.

Раздался женский смешок.

М-м, или мне показалось? Да, скорее всего, показалось. Так башкой приложиться, и не такое причудится. В этот раз выбрался без труда и, когда оказался наверху, огляделся. Медведя нигде не было, хотя это был глюк. В темноте и со страху чего только не привидится. Тем более что косолапые не разговаривают.

На всякий случай ушёл подальше в лес, что рос в паре сотен метров. Там, сев на пенёк и открыв банку, принялся пить мёд. Какой же он был вкусный и, кстати, из разряда удивительного. Был он на вкус и в правду как тархун. А я его очень любил. Приятное, скажу я вам, совпадение.

Когда банка наполовину опустела, мне страшно захотелось пить. Вот я тормоз, почему сразу об этом не подумал. Да и в лесу росы не было. Сок берёзовый как бы поздно собирать. Листья вон какие сочные.

Что ж, придётся идти в деревню в надежде, что там есть общественный колодец. Потому как зайти к кому-то и попросить воды в таком виде… Нет уж, не стоит. Тем более я там набедокурил. Нечего светиться.

Сорвав траву, стал жевать. Затем потянулся за ещё одним пучком, когда услышал странный мяукающий голос:

— Квилла, глянь, какая странная корова.

Я подскочил на месте и обернулся, уставившись огромными глазами на непонятных существ. Они были помесью кошки, лисы — фенека (у существ были смешные длинные уши) и одетые как домовёнок Кузя. Шерсть была ближе к бежевому, чем коричневому. Я бы сказал, как цвет подтаявшего мороженого крем-брюле. Та, кого он назвал Квиллой? Выглядела как брат близнец, точнее, сестра близнец. Потому как на ней было надето бордовое платье с рюшечками, и несколько золотых серёжек в ушах, да браслеты на лапах дополняли этот необычный

образ. Так же у обоих был пушистый хвост с разными висюльками. Очень колоритные товарищи.

— Да-а, Квип, какая-то необычная корова нам повстречалась. Впервые такую вижу, — Квилла потянулась и уселась на пенёк рядом с другим существом, где минуту назад сидел я. Они оба уставились на меня, а я таращился на них. Затем протёр глаза, но они никуда не делись.

— Хрена себе меня плющит! — проговорил я, глядя на банку с остатками мёда. — Галлюциногенный, что ли? Скорее всего. Вот же угораздило. Поэтому, похоже, мне медведь-то и привиделся.

— Ого, говорящая корова, — воскликнул тот, кого звали Квип. — Может, в зоопарк сдадим? Приличный куш заработаем.

— А как мы его поймаем? Оно вон какое… большое.

— А ещё оно грязное и одето в рваньё. Видимо, поэтому от хозяина в лес сбежало, — подвёл итог Квип.

— Во-первых, я вас слышу. Во-вторых, я никакая не корова. Я человек. Хомо Сапиенс. Ясно вам, кошки мохнатые? Что, сбежали от Куклачёва и теперь сами по себе?

— Ты кого кошками назвал? Лысая обезьяна, — прошипел Квип.

— А кто вы тогда? Не осьминоги точно.

— Какой догадливый, — фыркнула Квилла.

— Ладно, пошутили и хватит, — попытался успокоиться я, помня, что это не мой родной мир. — Кто вы такие и что вам нужно? Меня, кстати, Александром зовут.

Существа переглянулись и, что-то для себя решив, заговорили. Точнее, заговорила.

— Я Квилла, а это Квип, мы странствующие торговцы. Спекулируем на попаданцах. Знаешь, кто это такие?

— Да, — я сел на траву, стоять не хотелось. Угрозы в них не чувствовалось, а потому позволил себе расслабиться. Но банку из рук не выпускал. Если что, использую как снаряд. — Я саша.

— Приятно познакомиться. Так вот, наш «Звёздный навигатор» показал, что по этим координатам имеется свежий попаданец. Не видел тут никого?

— Я за него, — ответил я, до конца не веря в происходящее и всё ещё полагая, что это сон или мой мозг играет со мной, переев мёда.

— Хорошо, допустим, это так, — Квип подошёл и понюхал меня, затем вернулся на пенёк. — С какой ты планеты?

— Земля.

— Что земля?

— Планета, откуда я родом, называется Земля.

Они рассмеялись.

— Вы б её ещё Грязь назвали.

— Не я называл, так что как есть, так есть.

— Ладно. В общем, мы, как уже сказала Квилла, странствующие торговцы, продаём попаданцам знания, вещи и артефакты из других миров.

— У меня нет золота. Как видите, я гол как сокол. Только попал сюда.

— А мы не только золото берём. Например, нас вполне устроят кристаллы эмоций.

— Это ещё за зверь такой? Во мне разыгралось любопытство.

— Это не зверь, а особый кристалл. Из другого мира. Когда разумный испытывает сильные чувства: страх, радость, гнев, то они наполняются ими, впитывая часть эмоций.

— И зачем вам это? —Я склонил голову набок, силясь понять.

— Нам незачем, но есть миры, где их охотно покупают. Существуют такие безэмоциональные расы паразитов, и потому там очень ценят подобное. Им перепродадим.

— Понятно. Но это получается, я сначала должен раздобыть кристалл, затем наполнить и только после прийти к вам?

— Ну да, — ответили они хором.

— Логика у тебя прям отличная, — Квилла взмахнула лапой, и позади них появилась лавка. Ларёк метра три на три, с прилавком и кучей стеллажей внутри. Она светилась всеми цветами радуги. С гирляндами, конечно, был перебор.

Чего там только не было. Кристаллы всевозможных видов, форм и расцветок. Какие-то вещи с непонятными кнопками. Я даже музыкальный центр увидел. Хотя могу и ошибаться. Но он очень на него похож. Разнообразные предметы, испещрённые малопонятными каракулями, наверное, это руны. В общем, стоял и глазел на это великолепие, пока меня не оторвала от созерцания Квилла.

— Мы можем продать тебе знания. Например, кристалл рудознатца. Впитаешь такой — и будешь знать всё: как искать руду, как добывать, как обрабатывать.

Также имеется в наличии калькулятор магических шансов. Ручной арифмометр. Вводишь переменные («сила дракона», «количество друзей», «глупость плана»), далее крутишь ручку — он выдаст бумажную ленту с процентом выживания. Но есть глюк: часто застревает на числе 42. Потому недорогой.

Магический диктофон «Поросёнок». Устройство, которое записывает твои голосовые заметки «на память». Есть одна проблемка: он их ещё и комментирует, притом не самым приятным голосом. Например, записал ты идею, а он тебе говорит: «Записано. Идея идиотская. Шанс на успех — 0,5%. Рекомендую забыть».

— М-да уж. Так себе устройство.

— Лучше сюда глянь. Вот есть книжица интересная. Как раз для этого мира. «Курс молодого мага-неудачника».

— Отдадим со скидкой, — вставил Квип.

— О чём она? — Я принялся разглядывать её, но руками не трогал. Вдруг сразу купить заставят.

— Внутри подборка статей со знаниями по типу «Как отличить посох мага от обычной палки», «20 оправданий, если ваше заклинание взорвало соседский сарай», «Базовые фразы для заигрывания с магом-оппонентом». Если ты не в ордене учишься, то самое то. Берёшь?

— Нет, спасибо.

Квип ткнул лапой в кольца и браслеты.

— Вот из импортного, пространственные браслеты, кольца, сумки, подвески. Срабатывают пятьдесят на пятьдесят. Извини, сами не проверяли. Нормальные, увы, быстро разбирают.

— А что с ними не так?

— Засунул десять монет, а вытащил пять. Примерно так.

— Фига се. Мошенничеством попахивает.

— Есть такое, — согласились они, — потому и со скидкой.

— Вы всегда так честно о товаре?

— Конечно, Александр, мы дорожим своей репутацией и работаем как на своё имя, так и на будущие перспективы, — со всей серьёзностью ответил он и перешёл к следующему предмету на прилавке.

— Безлимитная карта «Эльф-экспресс». Даёт скидку 13% в любых эльфийских заведениях, в любых мирах. Но есть подвох: ушастые её принципиально не признают, считая подделкой. Зато её с восторгом принимают гоблины, которые коллекционируют «бумажки глупых двуногих лысых обезьян».

— А они вас за своих не признают? — не удержался я, глядя на их уши.

— Ксенофоб что ли?

— Да вроде нет.

— Тогда не смешно. У нас красивые уши, а у них острые ракушки, — Квип гордо вздел мордочку и дёрнул усами.

— Суть нашей лавки ты понял? — Я кивнул.

— Знаете, всё это, конечно, классно, но у меня, как сказал ранее, ни черта нет. Кроме ветра в карманах и грязи. Может, вам песенку спеть или стих рассказать? — Я улыбнулся.

— Нет. Фольклор нас мало интересует. Его неохотно покупают, — отрицательно замотал головой Квип. — Можешь взять в долг, а позже расплатиться душой или кристаллами душ других.

— Нет, спасибо, — теперь я мотал отрицательно головой.

— Мана-кристаллы, артефакты? Хм. Может, ты чего такого умеешь? Знания в цене.

Я задумался.

— Растяжки ставить, взрывчатку могу соорудить. Есть знания, как проникнуть на территорию врага и не быть замеченным. Плюс уйти оттуда, оставив за собой кучу подарков.

— Не-е-ет, этого добра у нас навалом. Чуть ли не каждый второй попаданец — спецназовец, что атомную бомбу на коленке соберёт. Нам бы лекарские знания, сварщик, слесарь, гончар или столярное дело. Вот их очень дорого берём.

— Ладно, всё это здорово, но я в который раз скажу: у меня нечем вам платить, а в долг брать не буду.

— Хорошо. Тогда есть другое предложение. Мы дадим тебе кристаллы «Эмоций», ты их заполнишь, а после встретимся и поторгуемся. Согласен?

— Согласен. Только мне бы инструкцию, как ими пользоваться.

— Да просто в кармане держи и всё.

— А как мне вас найти?

— Вот тебе шарик, — мне в ладонь положили красный мягкий шар, больше напоминающий клубок ниток, или как нос для клоуна, только целый, без полости для носа.

— Кинь его на землю, и мы получим сигнал. Также вот держи десяток кристаллов. Как будет хотя бы три заполненных, то вызывай. Это уже что-то.

— Получается, золото и эти эмоциональные кристаллы, может, что-то ещё принимаете из этого мира? Ну так, на всякий случай хочу узнать. Что мне искать и не выкинуть случайно.

— Предлагаю для начала совершить первую сделку, а там тогда поглядим, — ласково проговорила Квилла и махнула лапкой, отчего браслеты на ней зазвенели.

Лавка исчезла, а вместе с ней и пушистики.

Я запоздало подумал, что надо было у них воды попросить. Как вдруг пространство словно ножом разрезало, и оттуда вылезла лапа, протягивающая мне бутылку минералки.

— Держи, это подарок.

Я принял бутылку и хотел поблагодарить, но Квилла исчезла. Я же, ополовинив её, пошёл в деревню. Пора было узнать, куда я попал.

Глава 4

Новые открытия или куда меня занесло.

Где-то в королевстве Этерия, в особняке, утопающем в зелени и роскоши, собрались трое. Камин мягко потрескивал, отбрасывая тёплые блики на резные панели стен и тяжёлые портьеры. На столике рядом искрилось вино в хрустальных бокалах.

Томас Стоун, глава одного из богатейших родов Этерии, сидел ближе к огню. На нём был безупречный тёмно-синий сюртук, пальцы унизаны перстнями с крупными камнями, но глаза смотрели устало и цепко. Его род занимался всем: от пряностей до продажи разумных существ, но основная прибыль шла от строительства — замков, дворцов и магических башен.

Напротив, расположился Карат Каменев, человек не менее влиятельный, но из соседней Альтерии. Он был шире в плечах, одет проще, но по выправке чувствовался бывший военный. Его род специализировался на том же, и конкуренция с домом Стоунов длилась не одно столетие.

Третий, Карл из рода Айрон, держался особняком. Кто он такой, эти двое не знали, но сумма, которую он заплатил за эту встречу, впечатлила даже их. Карл выглядел... обычно. Среднего роста, непримечательная внешность, одежда без вычурности. Только глаза — холодные, пустые, не отражающие даже свет камина.

— Итак, господа, — начал Карл, поднимая бокал и делая театральную паузу. — Вы, наверное, гадаете, зачем я вас позвал.

— Да, хотелось бы узнать, — отозвался Томас, не глядя на собеседника. Он сосредоточенно наливал себе ещё вина, и рука его чуть дрогнула — старый недуг давал о себе знать.

— Не буду тянуть. — Карл поставил бокал на столик и подался вперёд. — Я хочу предложить вам контракт на постройку трёх сотен башен по всему миру. По сотне на каждом материке.

— Включая новый, как я понимаю? — Карат прищурился, пальцы его сжали подлокотник кресла. Ведь не просто так он собрал двоих. Контракт явно достанется кому-то одному.

— Всё верно, господин Каменев.

Карл поднялся, взял со стола две кожаные папки и протянул их каждому из гостей. Те приняли их с видимым недоверием, но открыли.

С первых же страниц лица их изменились. Томас побелел, Карат нахмурился.

— Это не просто башни, — тихо проговорил Томас, листая документы. — Здесь же... сотни живых существ в дополнение. Триста на каждую башню? Вы в своём уме?

— Именно так, — спокойно кивнул Карл. — Разумные жертвы. Люди, орки, звери — неважно. Главное — души.

Томас резко захлопнул папку и бросил её на стол.

— Скажите, что это шутка? — голос его дрожал от гнева.

— Нет, это не шутка, — Карл выдержал его взгляд, и в этом взгляде не было ни капли сомнения.

— Допустим, — вмешался Карат, прикуривая трубку и с шумом выпуская дым. — Допустим, мы согласимся. Кто будет искать жертв? В строительстве я заинтересован, но вот в поиске разумных, увы не моё.

— А вы подумайте, Карат, — усмехнулся Карл. — Только представьте масштаб и суммы выплат.

— Да чего тут думать! — Томас вскочил с кресла, сжимая кулаки. — Ты только представь, Карат! Даже если мы с тобой разделим пополам, это сорок пять тысяч разумных существ! Это безумие! — Он повернулся к собравшему их здесь человеку, глаза его метали молнии. — Знаете, дальше без меня. И в моём королевстве я вам такого не позволю!

Томас сделал шаг к выходу, но замер на месте. На миг в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь треском камина. А потом тело Томаса Стоуна осело, рассыпаясь прахом. Тяжёлые перстни с рубином и другими камнями глухо стукнулись о паркет.

Карат застыл в кресле, не в силах пошевелиться. Он знал, что у такого отщепенца, как Томас, артефакты защиты были не хуже, чем у него самого. Они могли единожды выдержать атаку десятка архимагов. А тут — одно движение, и всё в прах. Он даже не заметил как тот начал плетение.

Карат был старым волком, он многое видел и через многих перешагнул. Вдох-выдох. Он взял себя в руки, отпил большой глоток вина, стараясь не выдать дрожи.

— Не лучшее начало для деловых отношений, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Согласен, неудобно вышло, — пожал плечами Карл, убирая невидимую пылинку с рукава. — Но раз Томас отказался, его место займёт его сын Бертран.

В ту же секунду дверь отворилась, и в зал вошёл молодой мужчина, как две капли воды похожий на убитого. Бертран Стоун. Он был бледен, но держался ровно. Подошёл к креслу отца, сел и коротко кивнул.

— Бертран, ты всё слышал и согласен занять место своего отца? — осведомился Карл с лёгкой улыбкой.

Молодой Стоун кивнул, сжав побелевшие губы.

— Вот и славненько. Тогда продолжим, — Карл откинулся на спинку кресла.

— Только одна просьба, господин Айрон, — тихо проговорил Бертран.

— Слушаю.

— Снаружи охрана отца. Некоторые из них преданы только лично ему, а не роду. Я бы попросил вас...

Карл поднял руку, останавливая его.

— Не нужно слов. Всё уже сделано.

Он улыбнулся — холодно, одними губами. Бертран и Карат синхронно сглотнули, чувствуя, как по спинам пробегает ледяная волна. Они понятия не имели, кто перед ними, но одно стало ясно: этот человек способен испепелить их в любой момент. И возражать ему — верная смерть.

В этот миг на улице, где стояло почти полсотни человек, семеро из них закричали, а после начали разлагаться прямо у всех на глазах. Народ в ужасе смотрел на это, не в силах понять, что происходит. Но затем из окна вылез молодой господин и крикнул:

— Приберитесь, — и закрыл окно.

***

Вот я балбес. Мог бы задать кучу вопросов, например: «Куда попал? Как открыть магию? Что за мир? Как стать тёмным властелином?». Ой, этого не надо. Я вроде как за добро топлю. Надо бы собраться.

Когда я подошёл к деревне, то, несмотря на утро, заметил столпотворение. Все явно кого-то окружили.

Подойдя, я не стал обращать внимания на то, как люди морщат нос при моём приближении. Похоже, плохо отмылся, а сам попривык к запаху.

Прямо посреди улицы сидел старичок на табурете. Рядом небольшой складной стол с какими-то травками, баночками, пузырьками. Типичный целитель или знахарь. Напротив него стояла… лиса. Стоп! Какая к дьяволу лиса? Нет реально лиса. Самая настоящая, рыжая и жаловалась на боль в животе. Была она одета в простое голубое платье с цветочками. Я от удивления глаза начал тереть. Затем медленно повёл взором по толпе и офигел. Среди людей стояли редкие зайцы, овцы, лошади и другие животные. Кто на двух лапах, кто на четырёх. Поначалу я подумал люди к ветеринару с животными пришли, но вот на то, что они облачены

в человеческие одежды я не обратил внимания. Причём ведут себя как обычные люди. Да и тела их ближе к гуманоидным. Смотрится капец.

Ладно, это ещё куда ни шло.

Слева от себя заметил здорового орка, прям как из игры «Л2». Мышцы, клыки, антрацитово-зелёная кожа, В общем все дела. Судя по одежде и тому, что он слегка чумазый, смею предположить, орк работает кузнецом. Он стоял и баюкал руку, что сильно опухла.

Похоже, мёд был испорченный. Погоди, Саша. Ты же в магическом мире. От осознание этой мысли захотелось стукнуть себя по лбу, но сдержался. Кажется, в этом мире существуют не только знакомые мне по книгам расы, но и разумные животные. Да твою налево Саша. Ты ещё часа полтора назад общался с кошками или кто они там. Мог бы уже понять, что здесь всё не так. Что-то «котелок» мой плохо варит.

Я постарался скрыть мандраж. Честно, сколько бы я не фантазировал на тему того, как бы повёл себя попади в другой мир. Реальность оказалась куда суровее. Моя крыша вот-вот собиралась покинуть своё привычное место. Между тем старик провёл рукой по животу лисицы, и его ладонь в этот момент светилась зелёным светом. Или правильно сказать аурой? А впрочем, неважно.

— Айла, не ешь много мучного. Сколько раз тебе уже это говорил, — качая головой, старик взял со стола крохотную бутылочку и протянул ей лисице. — Пей перед едой по две капли.

— Благодарю вас, господин Робин.

— Не надо мне твоих благодарностей Марина Патрикеевна. Лучше поменьше сдобы ешь. Вон какая круглая стала, — лекарь или знахарь ткнул ей в её слегка округлое… Ну вы поняли о чём я. Нельзя же такое девушками говорить. Даже если она лиса. — Твоему виду это очень вредно. Подумай над моими словами.

По толпе пробежали смешки.

— Чего лыбитесь, — одёрнул их Робин. — Сейчас и до вас доберусь. Посмотрим, какие вы у нас «здоровенькие».

Теперь улыбалась только лиса Патрикеевна.

Звери и люди поочерёдно подходили к нему. Кто сам, кто привёл ребёнка. Все на что-то жаловались. Если люди по большей части получали эликсиры. Ну как получали. Все платили медяками и серебром, почти все. Робин, как я мог заметить, не брал платы, если дело было пустяковым. Тот вот зверей он лечил магией, редко давая настои на травах.

Потихоньку толпа стала рассасываться, и я уж собрался подойти познакомиться да вопросики позадавать, как услышал рёв. Да такой, что все, кто остался, дёрнулись с испугу, а некоторые даже разбежались.

— Вор, держите вора! — кричал он и бежал, держа в руке палку. Хотя, как по мне, она больше на фонарный столб своими размерами походила, чем на палку. Бежал он, кстати, на двух лапах.

Замер и не стал делать вид, что, мол, это не я. Голова в экстремальных ситуациях у меня соображала хорошо, а я знал, что медведи чуют запахи до тридцати километров. Поэтому сделал вывод, что вчера он меня запомнил по запаху. И теперь вот прибежал, дабы покарать. Что ж, примем наказание. Это будет справедливо.

Он замахнулся, чтоб ударить, а я приготовился к тому, чтоб отскочить. Правда, как мне это сделать, до конца не понимал. Да и убежать вряд ли смогу. Вчера просто повезло. Ночь, овраг. Вот он и не полез за мной.

— Прошу прощения. Я верну вам деньги за мёд, но не сейчас. Вчера меня избили, и я остался без средств. Поэтому прошу меня понять, — старался говорить спокойно, не отводя глаз, но при этом готовый бежать, если что.

Медведь то ли не слышал, то ли не хотел слышать, и дубина начала стремительно двигаться ко мне. Тут встал тот самый старик Робин. Взмах руки, и медведь замер, а дубина… так же замерла недалеко от моего лица. Нет он не применял магию. Просто поднял ладонь в останавливающем жесте.

— Буран Маркович, вы чего тут устроили? Вам человеческим языком сказали, что беда с ним приключилась. Долг он отдаст. Был бы злодей, то уж точно сюда бы не вернулся. Значит, нужда его заставила. По нему же видно, что не врёт.

Робин подошёл, коснулся шёрстки медведя.

— Он пчёл моих потревожил, — проговорил медведь и показал мне здоровенный кулак. Когти там такие были, что я невольно сглотнул ком в горле.

— Простите, уважаемые, но я не тревожил. Я сделал всё, как учил меня мой дядька, — быстро пересказав все свои действия, я отметил, как изменилось выражение лица медведя.

— Точно так сделал?

— Честное слово. Я бы никогда не нарушил покой пчёл. Мне жить хочется, а они у вас здоровые такие, — на что медведь расплылся в улыбке. Вот только от этого мне ещё страшнее стало. Улыбающийся медведь больше похож на хищника, что загнал свою добычу и собирается её съесть. В данном случае добыча это я.

— Сколько он тебе должен? — спросил Робин.

— Да нисколько. Коли и вправду попал в беду… Что ж, пускай радуется, что дядька у него такой правильный. Так бы не простил.

Косолапый развернулся и побрёл обратно.

Далее старик-лекарь вернулся к своему делу и ещё полчаса лечил всех, кто подходил. Когда толпа иссякла, он собрал вещи и… Нет, у него не было рюкзака или чего-то такого. Просто взмах кисти, и вся мебель исчезла, словно он маг. Да ё-моё. Конечно, он маг. Саша, похоже, ты поспешил, похвастившись тем, что твой котелок хорошо варит. Он всё ещё плох. А ведь я хотел ему предложить помощь, чтоб понести вещи. Так сказать, отблагодарить. Заодно примкнуть к нему для общения.

— Спасибо вам, что вступились.

— Пожалуйста. Но более не озорничай. Нехорошо это — у зверей красть. Да вообще красть нехорошо.

— Прекрасно это понимаю. Да вот нужда заставила.

— Надо было попросить. Чай, не отказали бы. Всё же разумные звери не звери. Прости за тавтологию. Они добрые. Если, конечно, ты к ним с добром. У них всё на справедливости помешано. Они как люди, пока не оскотинились.

Мы вышли из деревни, в которой я не желал оставаться. Мало ли мишка передумает и решит начистить мне физиономию или местному полицаю сдаст.

— Вы сейчас куда направляетесь? Можно мне с вами?

— В деревню «Две Вишенки». Что же касаемо можно со мной…, а почему нет? Можно. За добрым разговором и дорога кажется короче.

— Меня, кстати, Александр зовут. Александр Астапов я.

— Александр, значит. Имя мать дала при рождение?

— Да.

— Послушай меня внимательно, мальчик. Никому его не сообщай. Никогда. Говори всем, что Алексом кличут. Или придумай другое имя. Никто не должен знать твоего истинного имени, что даровано тебе при рождении. Есть на свете недобрые маги, что, зная твоё истинное имя, могут заклятие наложить, и будет тебе плохо.

— Спасибо за науку. Буду знать. Только как же остальные? Что, прям все придумывают имена?

— Нет. Только те, кто маги, или высоко забрались, или же собираются залезть по лестнице власти. Меняют имена, чтоб обезопасить себя.

— А мне это зачем? — Я не хотел говорить, что маг. Да и не чувствовал в себе ничего такого магического. А уж если совсем честно, то попросту вылетело из головы то, о чём просил Константина.

— Так ты чего, не в курсе что ты маг?

— Нет.

— Не проходил инициацию?

— Нет. Я даже не знаю, что это. Я вообще ничего не помню, кроме имени. Очнулся в канаве с отходами. Всё болит. Меня кто-то ограбил и сильно избил до беспамятства. Потом, видимо, решил, что я умер, и избавился от тела. Только вот выжил. Однако не пойму, хорошо ли это или как.

— Парень, конечно, хорошо. Жизнь — это всегда здорово, — Робин бодро шагал по тропе перебирая дорожным посохом. Так и не скажешь, что ему лет семьдесят. Шагает так будто лет двадцать.

— В тебе есть магический дар. Только вот я маг жизни и провести инициацию не смогу. Однако чувствую, что потенциал у тебя высок.

— А кто сможет? И что, главное, мне это будет стоить?

— В любом магическом ордене. Цена… Тут везде по-разному. Но в среднем десять золотых монет.

— Это дорого?

— Кому как. Мне сегодняшнему не очень, тебе непосильная ноша, — он ухмыльнулся. — Понимаешь, там могут и бесплатно это сделать, только в этом случае придётся записаться в орден или королевскую армию.

— Вы так это говорите, из чего я делаю вывод: это плохо.

— Опять же всё зависит от ордена. Одни учат на совесть и за своих стоят горой. Другие доят как коров, чтоб ты прислуживал высшим магам и сливал ману. Об этом тебе лучше почитать. Там много тонкостей. Причём у всех хватает как плюсов, так и минусов. Грамоте-то обучен?

— Да вроде как, — я почесал затылок, вспоминая, читал ли я что-то в этом мире. Потом вспомнил, что читал у Константина и вроде как всё понимал, и добавил: — Читать, считать умею.

— Уже хорошо. Кстати, Алекс, можешь пойти на королевскую службу, только там контракт долгий и будут слать тебя в самую задницу. Пока не выжмут из тебя всё. Есть в этом и свои плюсы, и притом немаленькие.

— Это какие же?

— Во-первых, бесплатная еда, — я улыбнулся, вспомнив, где только недавно провёл два года.

— Бесплатная еда, одежда и модная причёска?

— Всё так, а говоришь, ничего не знаешь. Также эликсиры развития раз в пять лет и постоянное оттачивание боевых навыков.

— Сейчас идёт война?

— Между собой редко. В основном с другим материком, там, где обитают некроманты и демоны. Что, в свою очередь, воюют между собой. Но нет-нет да и на нас бросают жадные взгляды. Вообще мир огромен. Боевые маги везде пригодятся. Читал как-то статью в Магической Паутине. Так вот там пишут, что новый материк открыли, и все охотники за удачей рванули туда. Там сейчас говорят самые серьёзные сражения за ресурсы и новые ингредиенты. Почти все ордена кто имеют силу и деньги сейчас там.

— Вы сказали: «Магическая Паутина»? Это что?

— Парень, ты откуда свалился? — он подошёл и положил руку мне на голову. — Хм, любопытно. Знания о мире отсутствуют напрочь. Зато присутствуют знания разрушения. Ай! — вскрикнул Робин и убрал руку.

— Что такое? — с тревогой спросил я.

— Да старый я дурак. Полез к сфере твоей, а она меня укусила. Мол, не лезь, куда не просили. — Он хохотнул. — Сильная она у тебя, с характером. Госпожа Фортуна похоже рядом сидела, когда тебя на свет вытащили.

Он снова зашагал, а я на миг остолбенел, а после быстро догнал его и, поравнявшись, начал засыпать вопросами.

— Так. Магическая Паутина. Что это? Расскажите?

Неужели здесь есть компьютеры. Получается, мир развитый. Что, в свою очередь, означает, есть нормальный душ и, главное, уборные. А то, как вспомню деревенский туалет, так вздрогну. Бр-р-р. Никогда мне такое веселье не нравилось. Хочешь по большому — идёшь в кабинку на улице, а там минус тридцать. Мне больше белый трон нравится. Это прям достижения цивилизации, я считаю. Только вот унитаз не показатель. Он у моего дядьки тоже был установлен в уличном туалете. Хе-хе.

— А чего не рассказать. Расскажу. Я всё-таки маг современный. Магической наукой нет-нет да интересуюсь. Статьи читаю научных деятелей. Особенно по магии жизни.

— Это вы правильно делаете.

— Вот слушай. Магическая паутина — это, почитай, величайшее изобретение последнего тысячелетия. После, конечно, самоготовящего котелка и заклинания «Вечно тёплая кружка» — маг улыбнулся, а я его улыбку поддержал.

Он поднял палец и очертил им в воздухе круг.

— Представь: весь наш материк опутан незримой сетью. Как паутина. Невидимой, как нити судьбы, но куда практичнее. В каждом крупном городе, в каждой башне магов, даже в некоторых богатых деревнях стоят такие артефакты — мы их зовём «узелками». И все они связаны между собой.

Робин понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Эту сеть в том виде какая она сейчас, соткали маги Иллюзии много столетий назад. Понимаешь, Иллюзия — это же не только обман зрения. Это управление восприятием. А что такое информация? Тоже восприятие. И они, светлые головы, придумали, как передавать восприятие на расстояние. Красавцы, одним словом. Так людям жизнь облегчили.

Старик вытащил из сумки небольшое овальное зеркальце в поцарапанной медной оправе. Оно тускло мерцало.

— Гляди. — Он легонько постучал по зеркальцу костяшкой пальца. Поверхность пошла рябью, а потом… засветилась ровным голубоватым светом. — Это мой личный «паучок». Дёшево, сердито, умеет только текст, зато накопитель маны менять не надо — раз в полгода подзаряжаю его и красота, никаких проблем.

Я невольно наклонился. На зеркальце побежали строки, складываясь в аккуратные фразы:

НОВОСТИ МИРА:

«В Лесах Вечной Осени замечен единорог-альбинос. Очевидцы утверждают: Он просто хотел испить водицы, но юные девы выбежали из кустов, желая заполучить….»

— Так, — Робин резко убрал зеркало. — Мал ещё такое читать. Он что-то там поводил пальцем, а после вновь показал мне содержимое.

«Гильдия Алхимиков предупреждает: не покупайте Эликсир Срочного Похудения у гномов из клана Бронзобрюхов. Худеет исключительно кошелёк».

— Так смотри. Вот тут есть разного рода объявления. Например: «Дракон Огнедыш Второй ищет опытного стоматолога. Оплата золотом, возможна аренда зубной нити магического свойства».

— Видишь, какая удобная вещица? — Робин довольно погладил зеркальце. — Новости со всего материка. Хочешь — читай, хочешь — пиши кому-нибудь. — Он ткнул пальцем в строчку «Написать сообщение». — Отправляешь запрос на имя и фамилию, если у собеседника есть «паучок» — он получит. Текст, голос… А у богатых магов и знати стоят полные зеркальные комплекты. Там можно и лицо собеседника видеть, и даже объёмную проекцию включить. Правда, жрёт магию как не в себя. Да и обслуживание по сравнению с «паучком» ого-го. Но это того стоит.

Я смотрел на зеркальце и чувствовал странный укол ностальгии. Магическая читалка только с доступов сеть. Крутяк. Мне уже здесь нравится.

— А… откуда это вообще взялось? Кто придумал?

— Эх, это славная история, — Робин бережно убрал «паучок» в карман и поднял посох, готовясь продолжить путь. Но идти не спешил — видно, любил он на эту тему поговорить. Мы точно подружимся.

Меня готовили как диверсанта. В программу входили компьютеры, языки программирования, взлом систем — всё, что нужно, чтобы бесшумно открывать чужие двери и так же бесшумно в них входить. Мне всё это чертовский нравилось. Больше, чем взрывать. Почти.

К слову, об этом. Никто не должен был знать, что я не уволился. Контракт есть контракт. В котором чётко говорилось: никому не слова, а то сделают ата-та.

По легенде я обычный дембель, что должен был поступить в институт, женится, но это необязательно. Далее найти работу с командировками. Ничего примечательного. А на деле — продолжать службу. Государство умеет ждать, и я умел. Врагов у него много. Так что вряд ли я бы долго сидел без дела. Причём действовать я должен был на территории страны.

И знаете? Мне нравились перспективы. По-настоящему. Не пафосная любовь к родине в новостях, а тихое, твёрдое чувство: я там, где нужно, и делаю то, что умею лучше всего.

Но обстоятельства сложились иначе. Теперь это всё — институт, жена, командировки, взломанные сервера — осталось в том мире, из которого меня выдернули сюда, к эльфам и магической паутине.

Не судьба, значит. Хотя… кто знает, может и здесь мне это пригодится.

— Ты слушаешь?

— Да, простите.

— Было ощущение, будто витаешь в облаках.

— Пытался вспомнить хоть что-то, но всё тщетно.

— Ничего вспомнишь, а сейчас слушай. Жил-был маг. Старый, опытный, в ранге архимага. Звали его… Ну, сейчас уже никто точно не помнит, в хрониках то ли Эридан, то ли Элиан, то ли вообще Эль-Арадан. Суть не в имени. Нелюдим он стал к годам где-то… к тысяче второй или третьей.

Старик поджал губы и посмотрел вдаль, на верхушки леса. Похоже силится вспомнить. Я терпеливо ждал.

— Он был силён, страшно силён. Владел магией в нескольких, направлениях. Иллюзия, Пространство, даже крохи «Времени» ему были подвластны. Так же владел некромантией на уровне, и многое другое. Разносторонняя была личность. Но у него была одна проблема. К нему постоянно кто-то ехал с вопросами. Со всего континента! «О, великий маг, помоги снять проклятье. Прапрадедушка покоя не даёт, говорит мы много тратим и все лентяи!» — хотя архимаг ну вот никак с духами не связан. «О, мудрейший, рассуди наш спор с соседом из-за забора!» Какой забор, я маг времени, я стену реальности могу переставить, какая мне разница, где у твоего соседа граница?!

Робин всплеснул руками, изображая страдания древнего архимага.

— Это то малое что я читал про него. Как там на самом деле было не скажу. Захочешь сам почитаешь.

— Угу, — буркнул я. Надо будет обязательно обзавестись «паучком».

— И вот он сидит в своей башне, пишет великий трактат, а в дверь ломятся, посетители, ученики. И так ему это надоело, так надоело, что он решил: «Да как же вы все меня достали со своими визитами!»

Я невольно улыбнулся. История становилась до боли знакомой. Да и Робин так живо рассказывал.

— И вместо того, чтобы послать всех куда подальше каким-нибудь массовым проклятьем, он поступил мудрее. Он создал прототип. Небольшой кристалл в шкатулке. Которые стояли в изготовлении сущую мелочь. Его ученики развезли готовые шкатулки по всему континенту.

Суть была проста: ты задаёшь кристаллу вопрос — он ищет ответ в основном кристалле, что был установлен у него в башне. Архимаг заранее записал в него ответы. Маг надеялся, что теперь коллеги будут просто спрашивать кристалл, а не переться через полконтинента и доставать и отвлекать его.

— И помогло? — спросил я. Хоть и догадывался об ответе.

— Ха! — Робин крякнул. — Конечно, нет. В первую неделю ему пришло три тысячи запросов, на которые они не получили ответов. От тех, кто раньше просто ленился ехать. Он, говорят, поседел за один день. Но! — старик поднял палец. — Дело было сделано. Гениальный ленивец запустил лавину. Идею подхватили ученики, докрутили, раскидали узлы по всему миру. И теперь у нас есть «Магическая Паутина».

Старик как-то хитро посмотрел на меня:

— Так что в следующий раз, когда будешь материть медленный «паучок» или ворчать, что зеркальный вызов оборвался на середине разговора… помяни добрым словом мага, который просто хотел, чтобы к нему не ломились в дверь в час ночи с просьбой «посмотреть, почему у дракона кожа фонит маной».

Я представил себе этого архимага. Усталого, заваленного свитками и кристаллами-прототипами, который изобрёл магический интернет только ради покоя. И, кажется, всё равно его не получил. Да-а дела. Как говорит прапорщик Иванов. Инициатива всегда имеет инициатора.

— Знакомая история, — только и сказал я. Мне было интересно, как всё это устроено. Но пока же понимал, что ничего у меня нет и надо с чего-то начинать, чем-то зарабатывать. Вопрос: чем? С ходу взрывать, вламываться в чужие дома — не самое умное решение. Тем более надо понять, как здесь вообще всё устроено. Поживём — увидим. Выучусь на программиста кристаллов (если тут такие есть) и заживу как человек. Айтишники всегда хорошо зарабатывали.

Робин хмыкнул, поправил посох и зашагал дальше.

— Ещё бы не знакома. Великие дела всегда начинаются с великой лени. А теперь давайка нагоним, а то до заката не дойдём до постоялого двора. И не вздумай спросить, что такое «зарядка для паучка» — у меня от этого вопроса нервный тик начинается. Народ нынче ленивый пошёл. Ничем не интересуются. Всё им разжуй да в рот положи. Привыкли магия есть — заплатил за артефакт и всё, нечего и думать самому. Зачем? Если и так всё работает. Нет бы книжки умные почитать, коли «паучка» нет. Все библиотеки почти бесплатные в нашем королевстве. Но нет же, лень.

И мы пошли дальше по протоптанной дороге, мимо холмов и редких перелесков, а над нами в невидимых нитях Паутины плыли тысячи чужих слов, новостей и глупых картинок с котами (здешние маги тоже не удержались, и придумали способ передавать изображения).

Глава 5

Первые монеты.

Дойдя до постоялого двора «Пятая нога», мы сняли две комнаты. Зачем он за меня платит и вообще со мной возится, пока было неясно. Ему явно что-то от меня нужно. Извечный вопрос: а что? Но, думаю, сейчас мы всё узнаем.

Мы помылись, мне купили новые шмотки. Трусы здесь, конечно, — это что-то с чем-то. Считаю, уже на этом можно заработать. Только вот не лежит у меня душа к созданию фабрики для шитья нижнего белья. Так что будем искать другой способ заработать. Кстати. Пока ждал, когда старик спустится на первый этаж в большой зал, где была стойка и с десяток столов, я рассматривал «кристаллы эмоций». Были они размерами с грецкий орех. Два светились. Слабо, едва заметно. Один красным, другой золотистым. Когда взял его в руку, не все сразу конечно, а только тот, который горел красным — это оказалось гнев, злость. Я сразу же его отбросил. Мне реально стало плохо. Тот, что светился золотистым, наоборот, обдал меня теплом, добром и радостью. Вот это странно: пока я его держал, он принялся тускнеть. Зараза. Получается, пока он лежит в кармане, то не тратится, а пока я наслаждался, он взял и почти кончился. Вот же. Говорил дайте инструкцию. Теперь всё заново начинать.

Заметив на лестнице лекаря, я убрал всё в карман.

— Заказал еду?

— Да. Всё как вы сказали. Поросёнок, салаты, пять кружек пива, орешки, сало.

— Молодец. Чего расселся, задавай вопросы. У тебя ж на лице написано: «Хочу спросить».

— Простите. Но мне жизненно нужно многое узнать, а кроме вас мне не с кем поговорить. Все от меня шарахаются как от прокажённого. Правда сейчас уже не так. Спасибо вам за это.

Нам принесли пиво, и Робин сделала хороший глоток. Я же обошёлся компотом. Пить совсем не хотелось. Не знаю почему. С Константином я с удовольствием распил беленькую, а вот это тело алкоголя не хотело. Чему я, собственно, весьма рад. Я и выпил-то только лет в семнадцать впервые. Там компания, шашлыки. Тошнило меня ох как сильно. Думал тогда, что никогда в жизни больше пить не буду. А вон как вышло. Пил со смертью, и даже нравилось, только вот сейчас понял. Синька — зло.

Я не говорю, что я весь какой-то правильный, просто чувствую себя лучше, когда не пью. Поэтому каждому своё.

— Первое. Как вы можете есть поросёнка? Точнее, будете есть, когда принесут.

— В смысле? — лекарь уставился недоумённым взглядом на меня.

— Ну… Как я видел, животные разумны. Получается, жил себе Петька-поросёнок. Это я так, для примера. Я не знаком с этой хрюшкой, — указал на официантку, что как раз несла его к нам с кухни.

Он расхохотался.

— Насмешил так насмешил. Петька-поросёнок. Не все звери разумны. Когда великий архимагистр Корнелиус Плюмб взорвался со своей башней, по миру пошла магическая волна. Вот она-то и наделила животных разумом. Только не все его обрели. Курицы, свиньи так и остались неразумными. Вообще, многие так и остались обычными зверями. Ты легко можешь встретить как разумного медведя, так и обычного в лесу. Те, кто разумен, — это уже потомки тех, кто обрёл разум тогда, во время «волны».

— Аа-а-а, понятно. А как тогда относятся медведи, если люди, например, едят медведей?

— Да, конечно, плохо относятся. Как вот ты отнесёшься если медведь съест человека?

— Плохо.

— Вот и они плохо. Только что они могут сделать? Звери официально живут и имеют права исключительно в нашем королевстве, во всех остальных им жизни не дают. Существуют целые секты, что поклялись извести всех, кто обрёл разум, — Робин покрутил пальцем у виска.

— Зачем им это?

— Мнят, говорящие животные ошибка, а ошибку надо исправлять. Психи. Наш король мудр и силён. Его предок сам пригласил всех обрётших разум к себе на земли, ещё когда это только началось. У них здесь полные права, как у любого гнома, человека, орка или эльфа. Все равны. Все живут мирно. Каждый принц, прежде чем сесть на трон клянётся защищать их от врагов внешних и внутренних. За это все звери готовы рвать любого, кто посягнёт на земли королевства Альтерия, к слову, означает с древнего языка «королевство других».

И так, правящий род — аррТаллиан. Они объединили под своими знамёнами всех зверей и другие расы, кто захотел жить свободно. Так и появилось это королевство. Король Георг Семнадцатый, что правит нами, является архимагом Огня. Очень мощный маг. Кстати, дружен с драконами, которым он подарил пики западных гор. Гномы, конечно, этому не слишком обрадовались, но драконы к ним не лезут, и потому там всё вроде как спокойно.

— Может есть какая книга, где я мог бы обо всём этом почитать?

— Зачем книга, когда есть «Паучок»?

— Это у вас есть, а у меня ветер в карманах. Могу продать, недорого? — он улыбнулся.

— Слушай, Алекс. Есть у меня к тебе предложение. Заработать на инициацию и вообще на жизнь хочешь?

— Хочу, — тут же согласился я.

— В общем, мне нужно, чтоб ты заряжал мана-кристаллы.

Он протянул мне мешочек, где внутри были похожие на те, что я держал в кармане, небольшие кристаллы.

— Как это делать?

— Берёшь в руку и сосредотачиваешься на том, будто хочешь его нагреть. Не переживай, ты это быстро почувствуешь.

Я сделал, как он сказал, и, к своему удивлению, у меня всё получилось. Кристалл в моей руке засветился слабым голубым светом.

— Вот так ты и вливаешь в него силу. Я честно тебе признаюсь. Мне они нужны, чтоб творить свою магию. Так как мой объём маны маловат. Да что там, — он махнул рукой, — очень мал, а сам я всего в ранге учителя. Так что заполнить один кристалл смогу, но… В общем, мне невыгодно.

— С чего вы взяли, что я смогу лучше, чем вы?

— Не забывай, я маг жизни. Да, слабенький, но уж определить потенциал мага могу. Так вот, у тебя маны хоть отбавляй. Просто ты ещё не умеешь ей пользоваться. Пока не пройдёшь инициацию. Тем боле вон как ты легко его наполнил. Даже не вспотел.

— Я согласен.

— Согласен? Точно?

— Да. Вы отнеслись ко мне с добротой. А за неё платят только тем же. Так что сейчас поедим, а после я заполню их под завязку.

Он одарил меня улыбкой, а сам расслабился. Видно, думал, я не соглашусь. Даже если он на мне наживётся, я не против. Я и сам получаю от него не меньше. Просто он об этом не знает или не считает это равным обменом.

***

Утро следующего дня.

Робин Карлович сидел напротив за деревянным столом, покрытым тёплыми пятнами утреннего света. В руке он держал чашку с таким сладким чаем, что ложка, казалось, стояла в нём торчком. Ещё бы, он в неё сахару положил шесть ложек.

Передо мной остывали блинчики, щедро политые чем-то, что пасечник клятвенно называл мёдом, а я подозревал — жидким золотом. Тут явно ещё не додумались до подделки мёда. Однако мёд медведя Бурна Марковича был цветом красивее, и вкусом насыщеннее. Интересно почему так? Но мой проводник этого не ведал.

Старый маг отхлебнул чаю, промокнул усы тыльной стороной ладони и откинулся на спинку резного стула. Тот слегка скрипнул. Вообще, как могу судить, постоялый двор явно содержался заботливым хозяином. Всё чисто, добротная мебель, запах благовоний и свежей сдобы разносится по залу из кухни. Весит пара картин и множество оружия. Щиты, мечи и древки копий. Все с подписями.

Само заведение расположилось у торгового тракта. Отчего много посетителей, что идут караваном.

Рядом расположилась деревня, причём большая, если не сказать огромная, дворов двести, как просветил меня мой «экскурсовод» в этом новом мире.

— Значит, слушай, Алекс, — начал он, прищурив один глаз. — В чём твоя задача. Ты заряжаешь кристаллы маны. Далее лечу тех, кто к нам обратится. Четверть заработка — твоя.

Я отложил вилку. Блинчик обиженно сполз обратно в тарелку. Или это всё же оладушек? Вот никогда не понимал разницу. В какой момент оладушек становится блинчиком? Когда в размерах увеличивается или когда истончается.

— Благодарю. Только… можете объяснить, как мана во мне вообще аккумулируется? Как её переводить в кристаллы без потерь? И почему нельзя передать ману напрямую другому магу?

Робин Карлович склонил голову к плечу, задумчиво почесал указательным пальцем за ухом. Седина там слегка вилась, непослушная, как одуванчик.

— Какие ты умные слова знаешь, — протянул он с лёгкой усмешкой, качнув головой.

— Может, кто сказал, а я запомнил, — потянувшись за кружкой с чаем из ромашки и облепихи, сделал глоток и зажмурился от удовольствия. Обожаю чай из трав и цветов. — Не помню уже. Я вообще мало что помню. Сильно мне по голове и не только настучали.

Он вздохнул, отодвинул чашку и подался вперёд, положив локти на стол. Пальцы его сплелись в замок, большие пальцы задумчиво постукивали друг о друга.

— Ну смотри. Передать ману нельзя. Только слить в кристалл или напитать артефакт. Почему? Да откуда мне знать. Я орденов не заканчивал. Далее. Мана — это энергия, которая витает вокруг нас постоянно. Ею пропитано всё. Деревья, воздух, земля, даже твои пышные блинчики. — Он кивнул на мою тарелку. — Мы, маги, даже такие, как ты, неинициированные, впитываем её, как сухая тряпка воду. Само собой, без нашего ведома и каких-либо действий. Внутри каждого из нас есть мана-накопитель, кто-то зовёт его источник, только это в корне, как по мне, неверно. Потому как он впитывает, а не создаёт. Да, есть те, кто считает, что ману вырабатывают живые существа. Но, как ты понял, я придерживаюсь другой теории. Впрочем, называй как знаешь, суть от этого не меняется. Вообще накопитель привязан к душе напрямую. Чем душа сильнее, чем больше она пережила в прошлой и в этой жизни, тем объёмнее становится хранилище. Дальше важна проводимость. Можно иметь бочку маны, но, если шланг тонкий, будешь полдня щит заряжать. Понял, о чём толкую?

Я машинально почесал переносицу, переваривая информацию, и согласно кивнул.

— Всё это конечно можно эликсирами поправить, раскачать, улучшить, — продолжил он, взмахнув рукой, словно отгонял муху. — Но тот, кто изначально силён, с эликсирами станет ещё сильнее. А тот, кто слаб… — Он дёрнул бровью. — Ну, хотя бы небезнадёжен.

Высокая проводимость позволяет сливать ману быстро, почти мгновенно. Это как спусковой крючок на арбалете. Дёрнул — выстрелил. Редко встречаются маги, что полны как бочки и стреляют как заправский лучник. Обычно все со средними показателями. Чего-то больше,

чего-то меньше. Ежели такой самородок что и быстр и полон, за него ордена целые войны могут устроить. Это ведь будущее уселение.

— Ясно, — я потянулся за чаем, который, к сожалению, начал остывать, но от этого не стал менее вкусным. — А ранги? Как их повышают? Они же тут тоже есть? Вот вы, например «учитель».

Он хмыкнул, вновь откинулся назад и запустил пятерню в шевелюру. Волосы встали дыбом, придав ему вид удивлённого воробья. Он после того, как принял ванну, не собрал волосы. Чем заставил меня невольно улыбнуться.

— Ох, тут всё очень сложно. Это тебе лучше в орден поступать или наставника нанимать. Я сам самоучка. В орден не пошёл, — он многозначительно подмигнул левым глазом, правая бровь при этом поползла вверх. — Свободу люблю. Если ты понимаешь, о чём я.

— Я тоже люблю свободу, — быстро вставил я, пожалуй, слишком поспешно.

Он усмехнулся, но комментировать не стал. Вместо этого потянулся за вилкой, воткнул в сосиску с горчицей, покрутил в руке, а после откусил. Когда прожевал, продолжил. Видимо, ему нужно было время собраться с мыслями.

— Так вот. Чтобы повысить ранг, нужен ткач душ. Это такой маг, который будет наносить узор на твой накопитель или источник. Выглядит он как сфера. Шар, проще говоря. — Он изобразил пальцем в воздухе воображаемый круг. — Только твой наставник или ткач душ может сказать, готов ты или нет. Они видят твою душу, её плотность, целостность сферы. После выдают вердикт, готова ли она к нанесению рун или нет. И если ранний мастер говорит «рано» — значит, рано. Тут даже наставник ничего не сможет поделать. Ткачу рун виднее. Но помни. Никто не может видеть её, не спросив твоего разрешения.

Я придвинулся ближе, почти перестав дышать.

— И этот ткач… вышивает руны?

— Именно. Берет тончайшую нить энергии и вплетает её в структуру твоей души. Работа ювелирная. Чтоб он всё не испортил и тебе не пришлось начинать всё сначала, вы заключаете магическую клятву. Если мастер зря потратит накопленную тобой энергию и испортит руну, он сам теряет ранг и репутацию, что для них катастрофично. — Робин Карлович постучал костяшками по столешнице. — К такому после ошибки уже никто не пойдёт. Одно дело — ранги младшие, там ошибиться сложнее, и последствия не так страшны. А когда ты мастер… там уже всё серьёзно. Один неверный стежок — и человек теряет годы развития.

Я сглотнул. Сосиска в руке мага исчезла, и он машинально воткнул вилку в новую.

— А можно самому? — спросил я, наклонив голову. — Ну, эти руны… вышивать? Самому себе?

Он замер, перестав жевать. Посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом медленно кивнул.

— В принципе можно. — Пауза. — Только это надо уметь. Во-первых, быть невероятно хладнокровным. Руки не должны дрожать. Вообще. Там «игла» тоньше человеческого волоса, а нить энергии ещё тоньше. — Он свёл большой и указательный пальцы почти вплотную. — Одно неверное движение — и ты протыкаешь сферу души. Или задеваешь соседнюю руну. Последствия…

Он не договорил. Я и так понял.

— Во-вторых, — продолжил он, заметно подобрев, — ты должен понимать: если твоя сфера не готова, ни о каком повышении не может быть и речи. Это как на неподготовленный холст пытаться маслом писать. Краска просто впитается в тряпку, и ничего не останется. Только испортишь основу. А ткач, который согласится на такое, потеряет репутацию. Если не ранг. Когда он теряет ранг, например был мастером, а понизился до учителя, то повысить до мастера другого мага он не сможет. Ему вновь придётся развиться самому и обращаться к

коллеге. А после пытаться восстановить репутацию. Благодаря «Магической паутине» о таком быстро все узнают. Скрыть провал не выйдет. Только если договориться с клиентом.

Я задумчиво почесал затылок. Пальцы наткнулись на вечно торчащий вихор, который никак не желал укладываться.

— А полотно, ой, то есть как сферу укрепляют? Ну, чтоб готовым стать?

Лекарь крякнул довольно, как человек, который наконец добрался до любимой темы. Глаза его хитро блеснули.

— О-о, тут много чего есть. От охоты на монстров до заключения пари. Самый популярный способ — дуэль. Не насмерть, конечно, если вы не орки какие. Те только насмерть бьются. Считая всё остальное детской забавой. Мол, зачем вызывать на дуэль, если не хочешь убить врага и забрать его силу… Проще тогда спарринг устроить.

Что касается магической дуэли… Кто проиграл, тот отдаёт накопленную энергию. Не ману, заметь. Другую. — Он понизил голос, хотя в зале почти никого, кроме нас, не было. Всё-таки шесть утра. Спит народ. — Ту самую, что держит полотно твоей души, тьфу, блин. Сферу. Сам уже запинаюсь. Чем больше ты её накопил, чем плотнее твоя основа, тем чётче ляжет рисунок. А чем чётче рисунок, тем лучше работают руны.

Он сделал глоток опустошив чашку, довольно огладил усы.

— Два мага одного ранга могут отличаться как щенок и волк. Всё дело в том, сколько они вложили в свою основу. Один схалтурил, наскрёб по сусекам, едва-едва дотянул до следующей ступени. А другой два года копил, в дуэлях побеждал, монстров валил, медитировал сутками напролёт, травки ел нужные, эликсиры пил правильные. И когда он поднимается — это уже не шаг, а прыжок. — Робин щёлкнул пальцами, и от этого щелчка едва заметно дёрнулся хозяин постоялого двора, стоявший за стойкой и, похоже, прислушивавшийся к нашему разговору.

Я молчал, переваривая. Где-то глубоко внутри, возле сердца, наверное, отозвалось лёгкое, едва уловимое тепло. Моя сфера. Пустая. Ждущая.

— Всё, хватит болтать, — старый маг хлопнул ладонями по коленям и тяжело поднялся. Стул облегчённо скрипнул. — Пошли. У нас много дел. Заодно научу тебя кристаллы накачивать без потери энергии. Это, знаешь ли, тоже искусство.

Он уже двинулся к двери, но на пороге задержался, обернулся через плечо.

— И доешь уже блинчики, Алекс. Кухарка обидится. — Он кивнул на мою тарелку и вышел на улицу, насвистывая что-то про приключение мага в иных мирах, гоняющего по свету ради обелисков, он вышел на улицу.

Я взял вилку. Блинчик действительно был хорош. Даже холодный. Но я уже говорил об этом.

***

Наполнение кристалла маной оказалось делом нехитрым. Берёшь его в руку, сосредотачиваешься — и будто пытаешься нагреть. Всё. У меня получилось с первого раза. Я говорил это, но, как и в первый раз не потерял ни крохи энергии.

У старого лекаря имелось только два накопителя: один средний, другой малый. Оба я заполнил меньше чем за две минуты. Робин Карлович смотрел на светящиеся камни, приподняв брови, и даже не пытался скрыть, что знатно ошарашен моими успехами.

— Ну ты даёшь, Алекс, — только и сказал он. Затем весело улыбнулся, спрятал кристаллы в сумку и принялся разбирать стол. Что появился прямо из воздуха. Помня, о чём говорили Квилла и Квип, легко можно догадаться, у него пространственное кольцо или браслет.

Стол разложили прямо посреди улицы, чтоб, так сказать, народ всё видел. Люди, а в нашем случае не только они, любят зрелища. И когда прям на глазах рана заживает, это действо заставляет всех охать и ахать. Благодаря чему эмоции накапливались в кристаллах очень быстро. Ещё бы понять, какие дороже ценятся. Гнев, страх, восторг или радость.

Старый маг сел на стул, почесал нос, и принялся расставлять банки с мазями, пузырьки с настойками, тряпицы чистые. Весть о странствующем лекаре разошлась по деревне ещё вчера, так что к утру на улице собралась целая толпа, что переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда он начнёт творить магию исцеления. Звать никого не пришлось. Чему я был очень рад. Так как поначалу полагал, что придётся ходить по домам, а мне этого ой как не хотелось делать.

Маны у него было и вправду мало. Уже на восьмом больном он потянулся к малому кристаллу. Коснулся пальцами — и тот моргнул и погас, мана перетекла в него почти мгновенно. Удобно. Особенно если ты в бою и каждая секунда на счету.

«Эликсиры, конечно, дают больше, но и стоят соответственно», — объяснил он, заметив моё удивлённое лицо.

В перерыве между пациентами Робин Карлович бросил, не оборачиваясь:

— Знаешь, есть налог.

— Какой налог? Зачем налог?

Первая мысль, что сейчас нам придётся кому-то отстёгивать заработанные монеты.

— Во всех королевствах. Как, впрочем, и в любом ордене. — Он отковырял сургуч с новой банки. — Берут не золотом. Маной. Если дело касается магов.

Я в непонимании уставился на него.

— Раз в квартал приходишь и сливаешься подчистую, почти досуха, или можешь прийти несколько раз, чтоб «голым» не ходить. — Он приложил тряпицу с мазью к обожжённой руке паренька, тот зашипел сквозь зубы, затем сверху положил ладонь, и она засветила слабым изумрудным светом. Так я догадался, что он экономит на мане. — За это тебе честь и хвала. А если откажешься…

Он замолчал. Я ждал. Он принял от родителей паренька две монеты, а после те радостные ушли в сторону своего дома. Я понимал, что ожог можно было и самим вылечить, но рана начала гноиться, и пошло заражение. Вот они и забеспокоились. И правильно. Ожог — дело такое.

Хм. Может, мне тоже надо было выбрать стихию жизни?

— Санкции, — закончил я за него.

Лекарь покосился на меня, почесал указательным пальцем мочку уха и кивнул на толстого мужика (буйвола) с больным зубом. Я понял. Эта тема не для лишних ушей.

К вечеру, когда последний пациент ушёл, а стол исчез в сумке (оказалось, что у него именно сумка пространственная), я наконец задал вопрос, который крутился на языке с самого утра.

— Скажите, пожалуйста, а сколько вам лет?

Мы сидели на крыльце постоялого двора, провожая взглядом закат. В руках у нас дымились кружки с чаем. У него на коленях, свернувшись калачиком, дремал старый рыжий кот. Неразумный. Или он прикидывался. Кошки ещё те создания. Как мне кажется, это они владеют миром, а мы им служим. Еду приносим, убираем, чешем за ушком. Уж больно напоминает слугу и хозяина.

— Двести двадцать один скоро будет, — ответил он спокойно. — Почти.

Я замер. Он покосился через плечо и хмыкнул.

— Не похож?

— Я… ну… — Я запнулся. — Обычно в рассказах лекари всегда… другие.

— Красивые, вечно юные? — усмехнулся он. — Гладкая кожа без единой морщинки. Статные. С холёными пальцами.

Я промолчал.

Он погладил кота. Кот прижал уши, но не сбежал.

Я родился с даром, Алекс. Слабеньким. Объём внутри — с напёрсток. — Он поставил кружку на колено. — Семья бедная, платить за раскачку не могли. В орден с такими данными не берут. Смысла не видят.

— А сейчас?

— Поздно. — Он кивнул сам себе. — То, что не развил вовремя, уже не нагнать. Но я не жалуюсь.

Он отхлебнул чай, помолчал.

— Учился в основном по книгам. Какие смог достать в библиотеках. Да советам добрых магов, не отказавшим в просьбе. Долгих лет им жизни.

Суставы себе поддерживаю — это могу. А остальное… — Он повёл плечом. — Остальное на других сливаю.

Я смотрел на его руки. Узловатые, в тёмных пятнах, с выступающими венами. Двести двадцать один год. Почти. Вот бы мне так. Это ж почти три полноценные жизни. А он явно ещё проживёт сотню другую.

— Чем больше маг жизни лечит, тем сильнее становится, — тихо сказал он, глядя куда-то в сторону леса. — Это если что не секрет. Те же боевые маги: чем больше сражаются, тем крепче их сфера и мощнее заклинания.

Кот зевнул, потянулся и снова свернулся клубком.

— Просто я лечу медленно. По одному. — Старый лекарь усмехнулся краешком рта. — Однако сегодня и исключительно благодаря тебе я смог излечить в шесть раз больше, чем планировал.

Он допил чай, поставил кружку на крыльцо, осторожно переложил кота на тёплые доски и тяжело поднялся.

— Завтра в соседнюю деревню пойдём, что подле горы обосновалась, — бросил уже от двери. — Там у гоблинов эпидемия насморка. Рыбой платить будут. Ты как, рыбу любишь?

— Да, очень.

— Вот и здорово, — протянул он мне кошель, где была моя доля. Целых 15 серебряных монет. Ещё 85, и будет золотой.

Кот проводил его ленивым взглядом, зевнул и уткнулся носом в хвост.

Я остался сидеть на крыльце, перебирая в пальцах опустевший малый кристалл. Внутри, где-то под рёбрами, ровно и спокойно пульсировало тепло. Моя сфера молчала. Но впервые — не от пустоты. Видимо, то, что я сегодня столько раз заливал кристаллы, дало небольшую раскачку. Хм. Приятно.

Глава 6

Трагедия или дар вернулся

Дошли мы быстро.

Деревня «Рыба Есть Хорошо» растянулась вдоль реки — та извивалась у подножия горы серебристой змеёй, неторопливой и сытой. Я остановился на пригорке, и у меня перехватило дух.

Красота-то какая… Словно опять вернулся в Сибирь.

Стою, смотрю и дышу не надышусь. Какой день уже в этом мире, а всё никак не привыкну. Воздух здесь густой и сладкий, будто сироп. Особенно после того места, где я очутился в первый раз. Хе-хе. Ну да ладно.

Само поселение оказалось… нетипичным.

Я-то думал о гоблинах по-книжному: грязные, в набедренных повязках, сморкаются куда попало и там же едят, где справляют нужду. Хрюшки, одним словом. А тут — всё с точностью до наоборот.

Дома ровные, будто под копирку строили, но каждый украшен резьбой, и все разные. Я шёл вдоль улицы и вертел головой, как ребёнок в лавке сладостей. Каждый резчик вырезал на фасаде историю своего рода. Чего там только не было: рыбаки, тянущие невод, охотники с копьями, схватки с магами, битвы с троллями. Смотришь — и будто книгу листаешь. Невероятное зрелище.

Но вернёмся к деревне.

Тут чисто. Вот вообще нету мусора. Ни палочки на земле, ни соринки. Трава пострижена ровно, будто линейкой промерили. В каждом дворе — плодовые деревья, кусты смородины, крыжовника. Всё ухоженное, подвязанное, никаких тебе сорняков и заборов. Местами висит и сушится рыба. Много рыбы.

Я покосился на шедшего справа лекаря:

— А почему здесь так? В прошлой деревне внешний вид рядом не стоял. А тут гоблины…

Он по-доброму улыбнулся, перевесил сумку со звякнувшими в них склянками из одного плеча на другое.

— Тут староста — Ману «Выбьет Зуб». Друид. Причём сильный, как и я в ранге учителя. Для гоблинов, скажу я тебе, это прям очень большое достижение. — Он хмыкнул. — Но он не только с природой на «ты». Он ещё в кулачном бою силён и в юриспруденции. У-у-х, какой умный. Законы знает лучше городских чинуш.

Я не сдержал изумления.

— Вот-вот, — Робин Карлович кивнул на идеальные газоны. — Помешан на чистоте. Всю жизнь пытается стереть стереотип о неряшливости своего народа. У него дед таким был, отец таким был, он сам и сыновей так воспитывает. И, как видишь, результат налицо.

Я огляделся. Результат и правда был. Оставалось только диву даваться. После такого и не знаю, что сказать. Даже у того медведя, как там его… Ах да, Буран Маркович, не так всё аккуратно было, хоть и на уровне.

Навстречу, со стороны реки, к нам вышли трое гоблинов. Все как на подбор — метр с кепкой, метр двадцать максимум. За спинами удочки, в руках вёдра, полные рыбы, и хвосты из вёдер свешиваются, блестят на солнце.

Тут мы и заметили.

Они шли, и вся троица дружно, в унисон, шмыгала носами.

Один гоблин остановился, аккуратно поставил ведро на землю, достал из кармана клетчатый носовой платок, развернул его, извинился перед нами. Высморкался, свернул платок обратно, подхватил ведро и припустил догонять своих.

Я проводил его взглядом.

— У них что, и вправду эпидемия?

— Как видишь, — Робин Карлович уже рылся в сумке. — Похоже, очень сильная. Гоблинский насморк — штука заразная, но не смертельная. Главное — вовремя высморкаться, иначе нос дышать перестанет, а после гной пойдёт.

Он извлёк на свет пузатый пузырёк с мутноватой жидкостью, встряхнул, посмотрел на свет.

«Хм, не поможет», — пробормотал он.

— Хоть стой, хоть падай, — проговорил я, когда они прошли мимо нас и скрылись за поворотом. — Такого я точно увидеть не ожидал. Это я про общий вид деревни.

— И никто не ожидает. Вот поэтому все, кто попадает в эту деревню, поначалу ходят как пришибленные.

— В других деревнях не так?

— Да. Там так себе. Но Ману обещал добраться и до них. У него растёт четыре сына и пять дочек. Так что, считай, в ближайших четырёх деревнях будет скоро так же. Сменится пара поколений, и они все будут подобно этой.

— Это здорово. Мне нравится.

К нам подбежал молодой гоблин. Уши торчат, те редкие волосы, что имели на макушке, цвета пепла, были аккуратно уложены. Сам одет в коричневую кожаную жилетку и такие же штаны.

— Добрый день, господина лекарь Робин. Я Атол, помощника старосты Ману. Рады, что вы смогла так быстро к нам прийти. Пропадаем, однако.

— Привет, Атол. Вижу. Давно началось?

— Три по семь луна, однако, прошла, — шмыгнул он носом.

— Понятно. Где староста?

— Так у реки он. Сам лично отправился для вас рыбу ловить. Добрая староста.

— Веди к нему.

Он развернулся и быстро пошёл в сторону реки, а мы за ним.

— А как он узнал, что мы идём? Духи подсказали? — Робин рассмеялся.

— «Паучок». Он когда сообщение мне послал, я и ответил, что нахожусь недалеко и скоро буду.

— А-а-а. Вот же. Совсем про него забыл.

— Да-а-а, — протянул гоблин. Я было подумал, он меня передразнивает, но оказалось, что нет. Так как он тут же начал быстро вещать. — Ману наш весьма умная маг. Вся наука знает. Нас учат. Мы тоже умная будем. Староста обещал нам «зеркало» на деревню купить. Смотреть передача хотим. «Вокруг света» называется. Нам он показывала, теперь все в деревне такой хотят, — проговорил гоблин, что шёл всего в паре шагов от нас и прекрасно слышал, о чём мы говорим.

«Пока своим не обзаведусь, так и буду тупить», — подумал я в тот момент, когда мы свернули на тропинку, выведшую нас прямиком к берегу. Гоблинов тут было ого-го. Три дюжины, а может, все пять. Все с удочками. Сидят, рыбачат. Причём по обе стороны реки. Через саму речку прокинут мост полусферой, на которой так же полно народу.

— А чего они только рыбачат? — удивился я.

— Почему только? — в свою очередь удивился Робин. — Они выращивают зелень, варят варенья и разные заготовки делают. Мяса не едят. Только рыбу. Когда зима — шьют одежду и опять же рыбачат. Лишнюю рыбу сушат с острыми специями и вместе с пивом, которое, между прочим, сами варят из кукурузы, продают в деревню. К тому же они продают лучшую мебель в округе. Тут неподалёку где-то есть лес. Он даёт им дерево, такое, что крепче камня. Представляешь? Многие аристократы и ордена делают им заказы.

— Молодцы, что могу сказать.

Мы подошли к гоблину, что был уже в годах. Седые волосы на ушах и на макушке. Да и грудь вся бела.

— Дорогой Робин, как же рад тебя видеть, — Ману обнял лекаря.

— Здравствуй, старый друг. Кстати, познакомься, — он указал на меня. — Это мой помощник Алекс. Будущий маг. Правда, память потерял. Как дитя совсем. Ничего не знает. Вот взял под свою опеку, пока, так сказать, не вырастет и можно будет выпустить в большой мир.

— Хорошее дело, брат мой. Пошлите в дом. Алая, жена моя, стол накрыла. Там всё и обсудим.

Он хлопнул меня по спине, и тут меня накрыло видение. Я увидел, как умер Ману и виной тому мы. Вот только умер не он один, а вся деревня. Точнее все, за кого взялся лечить Робин, а я ему в этом помог.

***

Знаете, как Ману ни старался, натура гоблина всегда найдёт выход. Стоило шестому бочонку показать дно, как зелёных коротышек понесло. Они ржали, кидались едой. Танцевали на столах и пели похабные песни. Впрочем, ничем не отличались от людей. Выпей я столько, и танцевал бы так же или лежал в салате лицом. Ах да, салаты. Пока мы обсуждали, я на скорую руку показал, как смастерить «Сельдь под шубой». В этом плане они и вправду очень организованные, готовые всё делать сообща. Только вот стоило попробовать Ману и Робину — всё, капец. Тут же был издан указ, что теперь это основное блюдо на каждом пиру.

К счастью, всё было в наличии, только с майонезом пришлось повозиться. Но когда есть маги и артефакты, способные заменить миксер, это сделать оказалось не так сложно. Ведь почти все остальные продукты в этом мире аналогичны нашим. Что есть хорошо.

А вообще готовлю я так себе. Мало чего знаю. «Сельдь под шубой» и то только потому могу готовить, что он на каждый праздник готовился в нашей семье, и когда мне исполнилось 7, я стал принимать в его готовке активное участие. Чистить свёклу, морковь, картофель может любой ребёнок. Я, конечно, попытался сказать матери, что я ещё маленький. Мне как бы больше хочется с Радмиром и Мариком, моими друзьями детства, пойти в футбол гонять или на коньках кататься, а не вот это всё.

На что мне рассказали про детей в Африке, которые в моём возрасте работают на рудниках. Таскают камни и делают многое другое.

Когда я вырос, то узнал, что меня обманули. Они там с девяти-десяти лет работают, а не с семи. Это было подло. Правда, детей мне, конечно, жаль. Несправедливо это как-то.

Так, что-то я отвлёкся.

Так вот, под пьяный глаз старый странствующий лекарь, чтоб был изрядно навеселе, решил вылечить одного из сыновей Ману. Пришлось оттаскивать его всеми силами, а когда не получилось, аккуратно, пока никто особо за нами не наблюдал, вывести из строя.

Я не сомкнул глаз, так как очень боялся, что он очнётся раньше меня и примется за дело.

— Вот это я вчера здорово погулял. Башка раскалывается. Давненько со мной такого не было, — радостно проговорил Робин, окутывая себя зелёной аурой. Мигом преображаясь. Вся помятость, отёки — всё ушло. Вот только теперь я поверил, что попал в магический мир. Круть, да и только.

— Простите, но дело не в этом. Мне пришлось вчера вырубить вас.

— Хм, — он задумчиво окинул меня взглядом. — Наверное, на это была серьёзная причина.

— Ага, — буркнул я, винясь.

Я встал, прошёлся туда-сюда. Потом кое-что для себя решив, всё же спросил:

— Скажите. Вот Вы рассказывали о магической клятве. Как она действует?

— Помнишь, сказывал про ткачей душ, сферы, руны, нити?

— Да, — я вновь сел рядом.

— Так вот, когда маги заключают клятву, их сферы выпускают тончайшие энергетические нити. Нити сплетаются в узел — видимый только магам с особым зрением или ткачам душ. Узел хранится где-то между мирами, в «узловом пространстве», и, если кто-то нарушает слово, узел затягивается — или рвётся. Затянутый узел душит дар. Ежели последствия клятвы серьёзны, например, от этого маг умер, что доверил тебе секрет, то рвётся нить — калеча саму сферу. Может даже убить того, кто нарушил клятву. Только смерть — это в этом случае благо. Ведь жить магом, а после стать обычным человеком — очень неприятное чувство.

— А то, что я не инициирован, это как-то помешает вам дать мне клятву?

— Нет. Ты почувствуешь нить даже так.

— Отлично, тогда начнём.

Робин Карлович поперхнулся чаем. Что принёс ему Ману, севший на лавку у дома, где сидели мы. Я не был против его присутствия, тем более он маг и мог дать точно такую же клятву.

— Чего начнём?

— Клятву, — повторил я спокойно. — Магическую. Чтобы вы никому и никогда не рассказали, не показали, не нарисовали, не намекнули… и вообще никак не передали то, что я вам сейчас скажу, — закончил я через минуту.

Он замер с кружкой в руке, не донесённой до рта. Усы его обиженно поникли. Потом он медленно, очень медленно поставил кружку на стол, глянул на старосту, достал трубку, протёр её краем рубахи, набил табаком и уставился на меня так, будто видел впервые.

— Ты это… сам придумал?

— Сам. А чего тут такого?

Он молчал долго. Секунд двадцать. Для меня это была целая вечность, потому как не мог понять, что я не так сказал.

— М-м, — сказал он наконец. — М-м, Алексан… — он сам себя резко оборвал.

Я даже не сразу понял, что он чуть не назвал меня полным именем. Он часто повторял, чтоб вбить мне в голову: «Это может плохо кончиться», и теперь сам чуть не назвал меня Александром. Странно. Я вроде ничего таком не произнёс. Просто постарался перекрыть возможность рассказать всем о моём даре.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделал? — спросил он тихо, но в глазах бегали огоньки удивления.

— Попросил клятву? Магическую?

— Ты составил формулировку, — он постучал пальцем по столу, — которую невозможно обойти. Не просто «не расскажу». Ты закрыл всё. Пересказ, намёк, письмо, рисунок, даже случайно оброненное слово. — Он покачал головой. — Я двести лет в магии, а такое слышу впервые. От неинициированного. Который неделю назад не знал, с какой стороны к кристаллу подходить. На такое только вон Ману способен, — гоблин довольно усмехнулся, делая глоток чая. Кстати, Робин и его от последствий похмелья избавил. А так как я не пил, то на меня нечего тратиться. Даже не приободрил. Как любят говорить гоблины — обидно, однако. Что примечательно, вчера, когда они напились, то у всех прорезался акцент. Смешно они говорят.

Я пожал плечами, мол, чего тут такого-то.

Робин Карлович посмотрел на меня с выражением, которое я не мог расшифровать. Кажется, это была смесь восхищения, ужаса и лёгкой обиды за то, что его так чисто обложили со всех сторон.

— М-м, — сказал он снова. — М-м, Алекс.

Он вздохнул, поднял правую руку ладонью вверх, и я увидел, как в воздухе над его пальцами закручивается тонкая, едва заметная золотая нить. Тоже самое сделал и староста.

— Я, Горелов Робин Карлович, маг жизни в ранге учителя, клянусь своей сферой и даром…

Он запнулся, глянул на меня, потом на Ману, усмехнулся и продолжил уже с явным удовольствием:

— Никому и никогда не рассказывать, не показывать, не рисовать, не писать, не намекать и никаким иным способом не передавать информацию, которую Алекс пожелает сохранить в тайне. Ни полностью, ни частично. Ни прямо, ни косвенно. Ни сейчас, ни в будущем. Ни под угрозой смерти, ни посмертно, если я, конечно, стану призраком, что маловероятно, но на всякий случай уточняю.

Нить дрогнула, описала круг и мягко опустилась мне на запястье. Кольнуло — но не больно, а так, будто ногу отсидел.

— Всё, — сказал он и выдохнул дымное кольцо, что полетело в небо. — Давай, не томи, рассказывай свой секрет. Заинтриговал старика.

Дождавшись, когда повторит всё тоже самое Ману, я облегчённо выдохнул. Теперь можно.

— У меня есть дар. Я вижу, как кто-то умирает. Уже проверял не однажды. Действует 100%. Так вот, вчера мне пришло видение, как вы начинаете их лечить, а они все умирают. Абсолютно все, к кому вы прикасаетесь. Причём первым должен был умереть сын старосты Ману, а затем вся его семья. Поэтому я вас вчера вырубил.

Только чуть погодя мы узнали, что уже есть первые жертвы. Какие-то гоблины, что являются дровосеками.

Сидевшие напротив маги побледнели.

— Ты не врёшь нам? — строго и со всей серьёзностью спросил старый гоблин.

— Нет. Могу дать клятву.

— Вставай, — скомандовал гоблин. Мы быстро встали и поспешили за ним.

Шли недолго, на третью улицу, там, где стояли самые красиво украшенные дома.

— Здесь живут наши лесорубы. Именно с их приходом, как мне кажется, пришла эта напасть, — сообщил он, когда мы вошли в первый дом. Картина была так себе.

Семья бегала по комнате, не зная, что им делать. Их глава семейства Калеб «Плохое настроение» стал весь белый, его постоянно тошнило, и он не мог подняться с постели.

Робин осмотрел его, затем отрицательно помотал головой. Мы втроём вышли на улицу.

— Прости. У него какая-то зараза. Не пойму, что с ним такое творится. Но эта гадость его убивает очень быстро. А раз с насморком все, значит, такое ждёт всех нас. Прости, моих сил и знаний не хватит. Это не обычный насморк.

Я же мысленно вздрогнул. Получается, придя сюда, мы и сами заразились. Я не паниковал. Подаваться панике у диверсантов отбивают желание быстро. Почти быстро. Тут уж кто как. Поскольку такой солдат любую миссию завалит. Поэтому я спешно начал соображать, что делать.

— Давно это началось?

— Меньше месяца назад, — ответил староста.

— Получается, лесорубы сходили в лес и вернулись с насморком?

— Да, всё верно. Они пришли и шмыгали носом. Мы подумали, они простудились или ещё чего. Но затем через какое-то время я заметил, что и все остальные жители нашей деревни стали болеть.

— Так ясно. Значит, они заразились там. Побыли какое-то время и после уже вернулись сюда. Этот гоблин, — я кивком головы указал на дом, — последняя стадия болезни, дальше — смерть.

Мыслю так. Нам надо понять, отчего они заразились. Следовательно, нужно добраться до того места, где они работали и ночевали. Только так мы узнаем причину. А узнав причину, Робин Карлович сможет придумать зелье для лечения. Правильно я говорю?

— Да, Алекс. Очень даже правильно. Вопрос в другом. Откуда в тебе это?

— Не знаю. Честно. Но мне кажется, это правильно.

— Соглашусь. Ты рассуждаешь очень здраво.

— Простите, но я не могу отправить кого-то из своих. Потому как они могут и не вернуться. Я, наверное, попробую найти мага жизни выше рангом. Простите, друг.

— Да что ты, — лекарь замахал руками. — Никаких обид, наоборот, я тебе помогу.

Он достал паучок и принялся писать кому-то что-то, после шерстить по объявлениям.

— Я отправлюсь, — заявил я.

— Зачем тебе это, мальчик? — с изумлением спросил Ману, оторвавшись от «зеркальца».

— Хочу помочь. Тем более, как видите, я не заразился, скорее всего, и потому смогу сходить и вернуться. Задерживаться долго не буду. Когда вернусь, думаю, маг жизни уже будет тут.

— Но ты можешь заразиться? — не принял он мои доводы.

— Могу. Только когда вернусь, думаю, маг жизни уже будет тут. И вообще, это мой выбор. Я хочу вам помочь. Если это в моих силах, так почему нет? Только вот вам придётся раскрыть секрет о месте нахождения того самого леса, где вы берёте древесину.

Он долго смотрел на меня и только после…

— Хорошо. Раз это твой осознанный выбор. Гоблины не забудут этого.

— Да. Полностью осознаю.

— Дам тебе карту. Сейчас её тебе принесёт Атол.

— И мне нужно поговорить с кем-то из лесорубов, с тем, кто ещё в состоянии говорить.

— Пошли.

За время нашего диалога лекарь не произнёс и слова. Он только косился на меня, и всё. Отговаривать или что-то вроде он не стал. Только вручил мне какой-то камушек с выгравированными на нём рунами, да добавил на словах:

— Если вдруг зверь какой или тварь зубастая нападут. Подай в этот камень энергию, как я тебя учил, да направь на супостата. Вылетит огненный шар. Он многоразовый, поэтому не переживай, он не сломается.

— Спасибо. С ним мне точно будет спокойнее.

Дом, стоявший напротив, выглядел весьма красиво. Добротный, с резными наличниками. Тот, кто жил в нём, был мастером с большой буквы.

Ману толкнул калитку, жестом пригласил внутрь.

Хозяин дома Шаркун сидел на кровати, привалившись спиной к стене, укутанный в одеяло по самый подбородок. Уши его обвисли, кончики касались плеч. Но выглядел он получше соседа — по крайней мере, глаза смотрели осмысленно, а не блуждали где-то между миром живых и мёртвых.

— Здравствуйте, — я присел на табурет, который Ману пододвинул ближе к кровати. — Меня Алекс зовут. Можно спросить?

Шаркун кивнул. Кадык на его тонкой шее дёрнулся.

— Скажите, вы помните, кто из ваших первым начал шмыгать носом? И было ли в этот раз что-то необычное? Любая мелочь.

— Шаркун, — Ману положил ладонь на плечо больного, — говори всё как есть. Не таи. Алекс хочет нам помочь.

Шаркун облизнул пересохшие губы, помолчал, собираясь с мыслями. Пальцы его теребили край одеяла, комкали, разглаживали, снова комкали.

— Да-да, конечно. — Он заговорил медленно, будто язык не хотел слушаться. — Много лун назад мы вышли в поход за деревом. Всё как обычно. Тропа та же, деревья те же, привалы на тех же местах. Только вот на второй неделе случилась беда.

Он закашлялся — сухо, надрывно, сотрясаясь всем телом. Я протянул ему стакан воды с тумбочки. Шаркун взял, отпил маленькими глотками, подержал воду во рту, прежде чем проглотить.

— Белки, — продолжил он, отдышавшись. — Ночью пробрались в лагерь. Всю еду почти утащили. Умные твари, знали, что мы спим крепко после рубки.

— И что сделали? — я подался вперёд.

— А что сделаешь? — Шаркун невесело усмехнулся, и одеяло сползло с одного плеча. Он поправил его машинально. Похоже, он мёрз. — Возвращаться, когда деревья уже повалены, не хотели. Две недели работы — троллю под хвост? Нет. Решили рыбы наловить. Удочки у нас всегда с собой, в любой поход берём. Мало ли что.

Я кивнул, торопить не стал.

— Так прошло несколько недель. — Шаркун почесал указательным пальцем кончик носа. — Всё это время питались только рыбой. Ну, и кореньями с травками, что по берегам росли. Тогда Калеб и начал шмыгать носом. — Он глянул в потолок, силясь вспомнить. — Думается мне, он заболел первым, потому что съел больше всех. Он же у нас за готовку отвечал и за добычу еды. Всё пробовал, всё проверял. Рыбу там, уху, травы.

— Калеб — это кто?

— Сосед мой, — Шаркун снова кашлянул, но легче, сдерживаясь. — Старый совсем. Уши обвислые. Жена его приходила не далее как час назад, говорит, еле дышит.

Я помолчал, переваривая. Про себя отметил, что говорит Шаркун чисто, без акцента, хоть и болеет. Интересно, это Ману так всех доконал или его род в целом.

— А ничего странного не заметили в округе? — спросил я, возвращаясь к делу. — Может, зверь какой необычный пробегал? Больной. Или на дереве что-то висело, чего раньше не было? Грибы там, зараза какая?

Шаркун наморщил лоб, сосредоточенно глядя в угол комнаты. Почесал затылок — под пальцами затрещали редкие волоски.

— Нет. В этом плане всё как всегда. Лес как лес. Звери как звери. Даже погода не менялась.

— Получается, — я склонил голову на бок, — считаете, всё из-за рыбы?

Шаркун развёл руками. Одеяло совсем сползло, я помог ему вернуть его на место.

— Да. Всё остальное было как всегда. Воду пили из ручья, как обычно это делали наши предки. Мясо не ели — его и не было. Да и не едим мы его особо. Только рыба и травы. — Он помолчал, вспоминая что-то. — У неё, кстати, вкус был странный. С привкусом металла. Мы тогда удивились, но рыба есть рыба. Голод не тётка. Особенно когда целы день топором машешь.

Я переглянулся с Ману. Тот стоял у двери, скрестив руки на груди, и хмурил белые косматые брови.

— Спасибо вам, Шаркун, — я поднялся. — Поправляйтесь. Вы нам очень помогли.

— Чем помог-то? — гоблин усмехнулся почти беззубым ртом. — Сказал, что рыба невкусная была? Это помощь?

— Больше, чем вы думаете.

Он что-то там пробубнил, поправил одеяло и откинулся на подушку. Глаза его уже слипались — разговор высосал последние силы.

Мы вышли на крыльцо. Староста прикрыл дверь плотно, проверил, защёлкнулась ли.

— Металлический привкус, — сказал я тихо, глядя куда-то в сторону гор. — Река ведь течёт оттуда? Указал я пальцем?

— Распорядитесь, чтоб пока рыбу не ели. Она, похоже, заражена. Что-то попало в воду, и это что-то отравляет её.

— Логично, парень, — поддержал меня лекарь.

Далее мне собрали сумку с едой, и я, следуя карте, пошёл по тропе в горы. Они добрые. Надо им помочь. Я чувствовал, что поступаю правильно. Большего мне не надо.

Интересно, что же там такого произошло... Ничего, сейчас мы всё узнаем.

Глава 7

Вместе весело шагать по просторам

Атол догнал меня на полпути между деревней и горой.

— Господин Алекс! Господин Алекс, подождите!

Я обернулся. Молодой гоблин, помощник старосты, запыхано тормозил пятками по земле, разъезжаясь в стороны. Уши болтались, как флаги на ветру. В руках он сжимал короткое копьё — наконечник каменный, древко отполировано до блеска тысячами ладоней. Похоже, он знает, с какой стороны за него держаться. Вот только я не мог понять того, зачем он за мной бежал. Староста же сказал, что не хочет рисковать ни одним жителем. Это нормально. А этот тогда чего?

Саша, всего лишь пару секунд подождать, и он всё расскажет. Лучше думай, как будешь проблему решать. И то верно.

— Ты чего? — Я придержал его за плечо, чтобы не врезался в меня лбом. — Забыли передать что?

— Ману не велел, — выдохнул Атол. — Но я буду твоим проводником. Ты чужой, лес не знаешь. А я знаю. Я умный. Я тут всё знаю. Я тут всё видел. Я тут…

— Погоди-погоди, а если там опасно?

Он сделал такое выражение лица, будто я спросил, мокрая ли вода. Уши его дрогнули, прижались к затылку, потом снова расправились. Он приосанился, выпятил грудь и посмотрел на меня так, как на что-то незначительное. И как ему при его росте такое удалось? Мне аж неудобно стало за свои сомнения.

— Потому и иду. Помрёшь без меня. Робин хороший шаман. Помогает нам. Не то что некоторые.

Спорить с ним, похоже, было бесполезно. Да и зачем мне это? Тем более вместе куда веселее. Я кивнул, и мы пошли дальше — теперь уже вдвоём. Я так и запел песенку:

«Вместе весело шагать по просторам,

По просторам, по просторам.

И, конечно, припевать лучше хором,

Лучше хором, лучше хором».

Когда я начал напевать второй раз, он тут же стал подпевать. Хм. Хорошая у него память. Сколько они ещё будут ломать мои стереотипы?

Мы дошли до подножия горы. Карту я не доставал, зачем, когда со мной есть «Я тут». Его так и надо было назвать, а не Атол.

В скале имелось что-то вроде пещеры, или это широкая трещина. Может, трещина, которую расширили до пещеры, уходящей вглубь горы и ведущей к загадочному лесу.

Мы вошли и, не сбавляя шага, направились вглубь. Он шёл, даже не задумываясь о том, чтоб зажечь факел.

— В темноте видишь?

— А ты нет? Печалька. Вы, люди, странные.

— Ничего мы не странные, нормальные мы.

— Да говорю, странные.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался я.

— Вот смотри, клыков у вас нет? То, что вы называете зубами, у нас у новорождённых и то больше. Ваши когти — рыбе мех. Ими ничего не сделать и никого не напугать. Ваша кожа тонкая, как бумага.

— Зато мы сильные.

— Какие вы сильные? Орки сильные, тролли сильные. Гоблины сильные.

— Ты говори, да не заговаривайся. С чего это вы, зелёные коротышки, стали вдруг сильными? Ну а что, обидно за свой вид, однако.

— Мы можем долго бегать, много работать и при этом не ныть. Вы же, люди, сразу начинаете: «Ножка болит, ручка болит. Мне тяжело, больше не могу». — Он говорил это явно кого-то передразнивая.

— Так это не сила, а выносливость. Вот я тебя сейчас подниму, а ты меня нет. Потому что я тебя сильнее. Да и пробегу больше, чем ты. Так что ещё посмотрим, кто из нас самый ого-го.

Тут я, конечно, и сам засомневался в своих словах. Это не моё тело, что с 15 лет тренировалось. Футбол, хоккей, бокс, карате. Чего я только не пробовал. Это же тело… Да вообще без понятия, занималось ли оно хоть чем-то. Мне б в зеркало какое-нибудь посмотреть, как выгляжу. Может, урод какой. В той-то жизни я, конечно, не красавчиком был, но девушкам нравился. Так сказать, находил отклик не в одном девичьем сердце.

— Умный?

— Есть немного. А ты вообще чего так людей не любишь?

— Вредные вы. Робин хороший. И ты вот решил помочь нам. Значит, тоже хороший. Остальные нас презирают и не любят. Всё время обижают и коротышками зовут. Представь вас тролль коротышками звать будет. Приятно?

— Прости за коротышку, — повинился я. — Но ты сам вдруг начал наезжать на людей.

А потом до меня дошло. Ему же страшно. Да, он сам решил пойти со мной. Только вот боится он той неизвестности, в которую мы идём.

— Послушай. Мы все разные. Каждый родился таким, каким родился. Но вот сейчас ты гоблин, а я человек, идём вместе, чтобы помочь твоим сородичам. Мне страшно. Потому что не ведаю, чего там может быть. Вдруг ведьма какая, злой колдун или спятивший шаман, что нашлёт на нас духов. Зато знаю, ты рядом, и мы с тобой точно справимся.

Он замер, глянул искоса, а после довольно кивнул.

— Не бойся, Атол с тобой и защитит тебя. Моя сильная. На вот, возьми, — он протянул мне крохотный мешочек. — Там порошок, вотри его в глаза, и будешь видеть ночью.

— Так ты, зараза, тоже не видишь в темноте. Воспользовался порошком? А мне тут заливаешь, — хохотнул я.

— Атол умный. Атол знал, куда идёт.

Я не стал отвечать. Взял порошок, был он чем-то на горчицу похож. Вряд ли он хочет меня ослепить или отравить. Так как у меня ничего ценного нет.

Я прислушался к себе, вроде всё нормально. Зла от него не чувствую. Чуйка молчит. После выдохнул и решился. Только сначала втёр в один глаз. Мало ли.

Прошло секунд пять, и очуметь можно. Словно кто-то свет включил. Не яркий, но прям вот… хорошо. Следом втёр во второй глаз. Проморгавшись и осознав, что глаза не болят, ничего не щиплет, вернул ему мешочек.

— Спасибо, — он кивнул и убрал его в сумку.

— Кстати, хотел спросить. Почему ты иногда нормально разговариваешь, а иногда с акцентом? Слова там путаешь или часто повторяешься.

— Когда нервничаю, я сосредоточен, а вот когда мне хорошо, то путаюсь. Староста пытался помочь, Робин пытался помочь, шаман наш пытался помочь. Никто не смог. Плюнул. Меня понимают и ладно.

— Тоже верно. Но работать над собой надо.

Проход, через который мы вошли, давно остался за спиной. Мы топали по извилистому тоннелю пятый час, и только к исходу шестого выбрались наружу. Когда мы вышли, то оказались на каменном уступе, врезанном в отвесную стену. А внизу простирался лес. Огромный-преогромный. Над ним даже висели облака. Или это мог быть туман — сверху не разобрать.

Я поднял голову. Там, высоко-высоко, виднелось голубое небо, по которому лениво плыли редкие облака. Настоящее небо, не каменный свод. Невероятно.

Снова глянул вниз.

Деревья росли почти вплотную друг к другу, вымахавшие до немыслимых размеров. Лесной массив уходил во все стороны, насколько хватало глаз. Прикинул на глаз — диаметр километра два-три, а может, и больше. Без нормальных замеров не скажешь. Да и зачем мне оно?

Вспомнилась статья в журнале, которую я когда-то читал в армии. Про пещеру во Вьетнаме. Кажется, Шондонг, если память не врёт. Самая большая пещера в мире, длиной аж девять километров. Там внутри не только сталагмиты со сталактитами, там целая экосистема. Лес свой, река, животные, насекомые. Мир внутри мира.

Вот так и здесь, похоже.

Также я заметил реку, но её было плохо видно. Она брала свои истоки где-то в противоположном конце. Прямо в горе. Получается, если нам надо туда, то придётся пройти через весь лес.

Мы принялись спускаться.

— Скажи, а вот деревья быстро тут растут?

— Ага. Сотня лет, и небольшое деревцо вновь становится высоким.

— Для тебя любой куст высокий, — не удержался я, чтоб не подколоть его.

— Шутишь, да? Ну шути-шути. Вот сейчас спустимся, и тоже посмеюсь над тобой.

Когда мы оказались на небольшой поляне, я от изумления открыл рот. Там кусты были метра под три.

— Беру свои слова обратно, — обходя куст с какой-то ягодой, что были выше меня раза в два.

Гоблин ходил и улыбался.

А вот деревья вообще не поддавались воображению. Они метров под сто пятьдесят, а диаметр под шесть метров. И вот теперь я что-то стал сомневаться в людских силах. Это как же гоблины с обычными топорами валят такие деревья? Да оно, когда упадёт, землетрясение создаст.

— Сколько в отряде лесорубов?

— Четыре десятка, когда надо валить. После ещё сотня приходит, когда надо напилить.

— А как вы его в деревню доставляете? Вы же там мебель готовите?

— Ага. У нас тут лесопилка есть. Мы доводим дерево до приемлемых размеров и сплавляем по реке. После наши ловят и вытаскивают на берег.

— Круто, — только и сказал я. У самого же в голове не укладывалось, какой вложен труд в то, чтоб всё это подготовить к транспортировке. У них же нет машин, кранов, автоматических пил и станков. Только руки и топоры. Жуть какая.

— Вы всё это топорами и пилами делаете? — Гоблин не ответил.

— Атол, с тобой всё хорошо?

— Нет, Алекс. Нехорошо.

— Что не так? — Насторожившись, принялся оглядываться.

— Лес болеет. Цвет листвы поменялся. Трава сухая. Кусты ломкие. Будто кто-то жизнь выпивает, — он подошёл и надавил ветку, что сломалась, будто высохшее на солнце дерево.

Мы ещё немного осмотрелись, а после стали углубляться. Лес густел с каждым шагом.

Атол двигался бесшумно, почти не касаясь земли, обходил корни, не глядя, пригибался под низкими ветками, которые я неизбежно цеплял макушкой. Пару раз он останавливался, прислушивался, шевелил ушами — и мы меняли направление. Зачем, почему и что не так? Он не говорил, а я не спрашивал. Если молчит, значит, так надо. Тишина — лучший друг диверсанта.

Когда мы прошли что-то около километра, он замер.

— Тут опасно, — прошептал гоблин, вертя головой. — Тут корни злые. Недалеко есть болото, обходить надо. Тут…

— Откуда ты всё это знаешь? — прервал я его, поражённый познаниями.

Дед учил. Отец учил. Ману учил. — Он гордо вскинул подбородок. — Я лучший ученик. Дед говорит, я буду великим друидом, как староста.

Он улыбнулся. У него оказалось не хватало одного переднего зуба.

— Так ты маг?

— Ага. Только слабенький. Но ничего. Стану сильным. Мне лет мало. Научусь.

— А я вообще неинициированный. Так что даже не в курсе, какой я маг. Сильный или слабый.

К ручью, из которого набирали воду лесорубы, мы вышли на закате.

Вода здесь была мутной, неестественно тёплой, и пахло от неё не тиной, а чем-то горьким, металлическим. Получается, зараза добралась и до него. Что, в свою очередь, означает, она проникла глубоко в землю или горы.

Атол присел на корточки, опустил ладонь в поток — и отдёрнул, будто обжёгся.

— Плохая вода, — тихо сказал он. — Рыба ушла. Совсем ушла.

— В смысле? Откуда в ручье рыба?

— Алекс. Воды все связаны. Вода говорит: рыба ушла. Совсем.

— Понял. Не знал этого. Ручей уходит в гору, туда же, откуда спускается река?

— Да. Там, — он махнул рукой в сторону тёмного силуэта, упирающегося в багровое небо. — Там пещера. Мы туда не ходим. Староста запретил. Говорит, там берлога страшного монстра. Он гоблинов ест. Все, кто туда ходил, не вернулись.

— А сегодня пойдём и вернёмся, обещаю. Чует моё сердце, разгадка там.

Атол сглотнул. Кадык на его тонкой шее дёрнулся вверх-вниз. Потом он кивнул, сжал копьё покрепче и шагнул вперёд.

— Я готов.

— Раз готов, то пошли.

Мы принялись идти вдоль ручья, медленно поднимаясь. Идти было легко, земля сухая. Вот только вид не радовал глаз. Если там, в начале, всё было зелёным, то здесь цвет листвы и травы напоминал ржавчину. Настроение это не придало.

Ничего необычного мы более не заметили. Тогда пошли к реке. Прошлись вдоль неё по обоим берегам. У них имелись мосты, так что плавать не пришлось. Что уже хорошо. Нырять в эту воду не было никакого желания. В ней, кстати, также мы не обнаружили чего-либо сверхъестественного. Получается, надо лезть в гору и идти к истоку.

— Алекс, а тебе страшно?

— Конечно, страшно. Всем страшно, когда перед тобой неизвестность. В этом нет ничего постыдного.

Мои слова, видимо, подбодрили его или что-то дали понять. Так как гоблин стал чуточку поуверенее. Я начал задавать разные вопросы, дабы отвлечь от тяжёлых дум. Спустя четыре часа мы всё же дошли. Могли бы и быстрее, вот только троп здесь не было, а в конце и вовсе пришлось забираться по камням вверх. Если тут и живёт медведь или ещё кто, то мне непонятно, как он входит и выходит. Скорее всего, есть другой вход. Ну, мне так кажется.

Пещера оказалась старой штольней. Может, я ошибаюсь, но, судя по тому, что я вижу… В общем, мне кажется, она ручная. Кто и когда её пробил в скале — непонятно. Стены хранили следы инструментов, но таких, каких я не знал: ровные полосы, будто резали не киркой, а лучом. Может, магия?

Внутри было сухо и всё так же пахло металлом, куда сильнее, но главное — не пахло газом. Стоп. Какой газ? Он же не пахнет. Вот гадство. И в этот момент…

Атол зажёг факел — чиркнул огнивом по камню, и жёлтый свет выхватил из темноты рельсы.

Рельсы.

Вросшие в камень, ржавые, местами разорванные, но — рельсы. Уходящие вглубь горы.

— А чего порошок? — дрожащим голосом спросил я после того, как открыл глаза. Потому как думал, что сейчас взорвёмся.

— «Ночной глаз» не помогает от монстров. Огонь помогает.

— Понятно, — я присел, трогая рельсы.

— Что это? — шёпотом спросил Атол.

— Рельсы, по ним ходят вагонетки, в которых гномы руду возят. Может, тут гномы живут?

— Не-а, тут они не живут. Это наши горы. Бочкам тут не рады.

— Это вы так гномов зовёте? — улыбнулся я.

— Так они и похожи на бочки. Маленькие, квадратные или круглые, но все большие.

— Чем же тебе гномы не угодили? — Я пригнулся и шёл так. Так как штольня примерно два метра в высоту. Макушкой не задевал, но…, но коли задену, будет больно. А мне моя голова очень дорога. Так же вынул камень, что дал мне Робин, и влил в него энергию, от чего тот стал тёплым, даже слегка горячим. Как он там говорил, влей ману и направь на цель. После произнести заклинание «Агни-Таар», — вспомнил я про себя, и в тот же миг вспыхнуло. Огненный шар размером с мою голову вылетел из правой руки и ударил в потолок. Мы оба вскрикнули, отпрыгнули, и только через мгновение я открыл глаза. Уж больно яркая вспышка произошла, когда шар ударился об каменные своды.

— Ты чего творишь? Совсем что ли? — прошептал гоблин.

— Случайно вышло. В голове заклинание произнёс, а он возьми да сработай, — виновато проговорил я. Приподнявшись на локтях и потирая левый, так как ударился им об рельс, я принялся искать артефакт. Благо я отбросил его недалеко.

— Рыбу с костями, — пробубнил Атол, — аккуратнее колдовать нужно.

— Чтоб это делать аккуратно, этому надо учиться. Я же без понятия вообще, как это всё. Ладно, буду осторожен, но ты на всякий случай держись подальше.

— Да уж будто, — он покосился на меня и, поднявшись на ноги, поднял факел, а после зашагал в сторону от меня.

Мы продолжили идти по колее. Однако в какой-то момент она начала уходить резко вниз. Тем не менее нами чуть ранее был обнаружен проход. Пришлось вернуться и идти по нему. Мне почему-то казалось, что река берёт начало сверху. Почему я так думал, не скажу. Видно, ассоциировалось с водопадами.

Так мы оказались в небольшом гроте, и тут явно раньше было что-то типа склада. Так как в каменных стенах имелись ниши, в которых лежали истлевшие мешки, сгнившие деревяшки, что некогда были ящиками, да разная железная мелочёвка, шило, гвозди. На всякий случай всё сгрёб в сумку.

Там же было что-то вроде вырезанного окна, через которое я увидел весь лес. Был он как на ладони.

— Всё это, конечно, здорово, мой маленький зелёный друг. Но где вода?

— Похоже, она внизу, мой недогадливый белый друг.

— Мне нравится, что ты шутишь, — я хлопнул его по плечу. — Предлагаю заночевать здесь. Перекусим, поспим, а затем двинемся свежие и полные сил вдоль рельс.

Так мы и поступили. Разожгли костёр из тех деревяшек, что ещё не превратились в труху, и приготовили себе чаю, на большее не хватило. Перекусили хлебом с грушевым вареньем. Вкусно, калорийно. Большего и не надо. Тут, несмотря на то что мы внутри горы, довольно-таки тепло. Поэтому горячего чая оказалось достаточно.

***

Ночёвка прошла без приключений. Если вообще можно назвать ночёвкой то, что мы по очереди клевали носом по часу, привалившись спинами к холодной стене. Дольше позволить себе не могли — там, наверху, гоблины задыхались от насморка и, возможно, уже умирали, а мы тут «подушку» давим.

Вернувшись к развилке, мы осторожно двинулись вниз. «Осторожно» — это мягко сказано. Спуск с каждой десятком метров становился всё круче, и в какой-то момент уклон перевалил градусов за шестьдесят пять. Приходилось цепляться за выступающие камни, проверять каждый шаг, прежде чем перенести вес. Хорошо, подошвы не скользили — то ли купленные Робином мне сапоги такие волшебные, то ли просто повезло. Атол шёл рядом, то и дело поглядывал на меня. Он шёл без факела, так как они у нас закончились. Как мы выяснили с тем же порошком, он видит куда лучше, чем я.

— Друг Алекс, а ты ногу правее ставь. Там камень плоский. Нет, левее… Ой.

Я ойкнул от боли, так как поскользнулся и едва смог удержаться, сильно оцарапав левую ладонь об камень. В такой момент спорить не было желания, а вот вспомнить могу русский очень даже хотелось.

Двести с лишним шагов этого цирка — и мы наконец упёрлись в небольшой зал. Отсюда, как лучи от солнца, разбегались сразу несколько штолен. Видимо, в древности здесь кто-то копнул основательно: одна галерея уходила налево, другая направо, третья — прямо, теряясь в темноте. Везде, куда ни глянь, вдоль стен тянулись одноколейные рельсы — узкие, ржавые, местами разорванные. А мы как раз стояли на двойной колее, той самой, по которой спускались. Похоже, здесь был главный ствол — сюда свозили породу со всех ответвлений и грузили на вагонетки, чтобы тащить наверх.

«Кщахар!» — услышал я звук из центральной штольни.

«Кщахар!»

«Кщахар!»

Затем ещё и ещё. Не знаю, что это или кто это издавал противный шипящий звук, но это приближалось и очень быстро.

— Готовься, кажется, к нам бегут враги.

Он сбросил сумку и выставил вперёд копьё и ногу. Хм, а он, похоже, знает, как с ним обращаться.

Вновь вернув взгляд туда, откуда доносились множественные звуки, я выставил в ту сторону руку с камнем. Вкачав энергию, произнёс:

«Агни-Таар!» — прокричал и только затем подумал: «А на хрена я кричу?». Если можно было отдать команду мысленно.

Шар в этот раз чуть больше улетел в штольню, а через мгновение мы услышали визг. Истошный писк.

— Ну и кто тут круто маг? — Повернувшись к гоблину, подмигнул ему.

— Я, — ответил он как само собой разумеющееся.

Повеяло горелым мясом. Далее всё понеслось вспять, и нам стало не до разговоров.

Из тоннеля принялись выбегать твари, похожие на крыс, смешанные с броненосцами. Размерами с пекинеса. Я собак люблю. Для меня собака, если честно, это вот овчарка. А всякие там пекинесы, мопсы, пинчеры карликовые. Нет. Это одно сплошное недоразумение.

Тварей я разглядел, когда они оказались в десятке шагов от нас. Шёрстка гладкая, челюсти удлинённые, тонкие хвосты и когти на всех четырёх лапах, причём немаленькие. Бежали они прямиком на нас.

Вот кто тут дурак? Отвечу, я дурак. Почему никакого оружия не взял? Меч понятно, я им только махать могу, а вот с ножом я на ты. Вспомнив, что подобрал шило, я выпустил в

ближайшего шаром, а после полез в сумку. Благо оно лежало сверху, и я быстро его выудил. Кстати, огненный шар снёс тварь и трёх, кто бежал за ней. Остальные увернулись. Гады.

В этот миг Атол показывал класс. Честно, я даже залюбовался. Он создавал с помощью магии корни, что оплетали ноги тварей, и точным ударом наконечника копья пробивал им черепушки. Хватало одного удара, чтоб отправить тварь к её предкам.

— Ты откуда такой крутой взялся?

— Я великий Атол, младший брат природы. Спаситель Алекса, — он пригвоздил копьём тварь к камню и отпрыгнул.

— Су… — закричал я, когда одна зараз прыгнула мне на спину. — АЙ! — выкрикнул я от боли, так как гоблин, этот мелкий засранец… В общем, он не ткнул копьём тварь, не скинул рукой или древком, не магией воспользовался, а, эта сволочь, ударил плашмя. Только вот гадина увернулась, и мне прилетело ни за что.

— Прости, Алекса. Ловкая гадина.

— Гадина — это ты, зелёный, — выпустив сразу два шара в толпе, что меня окружила, я принялся бегать по кругу, не давая на себя запрыгнуть.

Они всё выбегали и выбегали, где-то к одиннадцатому шару я почувствовал лёгкое головокружение. К пятнадцатому меня затошнило.

— Алекс, бей маленькими. Чего лупишь так? Как ведром по тараканам. Мы из-за тебя тут сдохнем, — заорал гоблин, встав передо мной и защищая меня.

— Ещё б я знал, как это сделать, — проворчал я, пнув крысу. Ну а что? Как мне ещё её называть.

Пока бегал, думал: а что, если мысленно придать шару меньший размер? Например, с шарик для пинг-понга. Прокатит или нет?

Сосредоточился и…

АГРХ! ТВАРИНА! Ты чего кусаешься??? — С силой наступил и раздавил его. Только вот на его место сразу трое пришли.

Сделав большой круг, я смог уловить момент и влил энергии. Дабы проверить догадку. После развернулся и в преследующих меня тварей запустил заклинание. Шарик вылетел, и, о чудо, он был мал. Размером с яблоко или грейпфрут. Но это уже что-то. Я прям почувствовал, что энергии ушло в разы меньше. Потому как вложенной мной в камень хватило на три выстрела.

Несколько раз поэкспериментировав, я добился нужного размера, но даже так моя внутренняя мана сказала: «Всё, меня нет, приходите завтра». Я почувствовал, как что-то внутри меня опустело. Это как будто проголодался. Да, наверное, так.

Тогда, убрав артефакт, я начал бить шилом. Только спустя сорок три твари убитых мною, наш бой подошёл к концу. И если не мой зелёный друг, то тут мне и пришёл конец. Ну честно. Он реально крут. Ему хватило всего тонюсеньких корней, дабы притормозить крыс или что это было. Я же как из пушки по воробьям.

Мы уселись прямо там на полу, тяжело дыша.

— Атол, ты самый крутой боец. Спасибо тебе. Всем расскажу, когда вернусь, как ты крут.

— Моя очень сильный. Моя всех убить, одна остаться. Моя…

Что «моя», я не услышал, так как потерял сознание. Похоже, с магией немного переусердствовал.

Глава 8

А ты кто такой?

— Не кусайся! — закричал, открывая глаза.

— Ты чего, Алекс? — обеспокоенный Атол склонился надо мной. — Я не кусал тебя. Зачем мне это?

— Да я не тебе, — поднимаясь с холодного камня, огляделся. Повсюду лежали убитые нами твари. Втерев порошок в глаза, чтоб хоть что-то видеть, я подошёл к одной из них. Присел и поднял за хвост, затем сразу выбросил.

— ЁПРСТ! Вот же…!!!

— Чего такое, Алекс? — Любопытный гоблин был тут как тут. — И что значит это твоё «я тебя через…»?

— Ничего. Не забивай себе голову. Заклинание такое. От заразы защищает.

Ну а что ещё сказать? Выругался я явно на русском, вот он и не понял. А всё из-за того, что я разглядел гадину, с которой сразился, и была она заражена. Все они были в той или иной степени заражены. На коже, то есть мехе. А впрочем, неважно, были волдыри. Гнойные и противные. Получается, когда они меня кусали и царапали, то могли меня заразить. Да что могли! Сто процентов бяку занесли мне.

Я от будущих перспектив содрогнулся, покрылся холодным потом и полез в сумку… Стоп, а где моя сумка?

— Слышь, зелёный, где сумка моя?

— Вот, — протянул он мне её как ни в чём не бывало.

— Ты чего в ней лазил, что ли?

— Ага. Есть хотел. Тебя спросил, ты молчала. Молчание — знак согласия, — откусив кусок сыра, произнёс этот зелёный картошка.

— Приятного аппетита, — недобро буркнул я, вынимая зелье исцеления.

Это был флакон, чем-то напоминающий духи «Наташа». Этикетки только не хватало с той красивой моделью. Правда, этот был какой-то весь винтажный, с узорами, а не просто склянка. Прям произведение искусства. Обычно в книгах они выпивали и выбрасывали. Я даже и не подумал так поступить.

Откупорив крышку, я уж было хотел выпить залпом, но решил уточнить.

— Скажи, а его полностью выпить надо или как?

— Не знаю. У нас такого нет. Это очень дорогое зелье. Два золотых стоит.

— Сколько? Ты уверен? — Он быстро закивал, так как вновь откусил сыр.

— Мне староста говорил. Да и сам дважды видел у заезжих торговцев.

— Хм, — я в задумчивости, как поступить, почесал подбородок. И обнаружил, что он гладкий. Эй, какая красота. Значит, я молод и мне ещё не надо бриться.

— Тебя кусали?

— Да, дважды. В руку и ногу, — он протянул мне руку, куда уже наложил бинт.

Я сделал глоток и ополовинил зелье, остальное отдал ему.

— Выпей. Эти твари были больны.

Он поднёс ко рту и выпил, а я с ужасом вспомнил, что от магии жизни Робина они умирали. Вот же я идиот, ругал я себя и с ужасом глядел на гоблина, ожидая, что он вот-вот умрёт. Я знаю, что он был заражён, потому как шмыгал носом постоянно. Зелье ведь наверняка сварили на основе магии жизни. Ну, я так думаю.

Гоблин тем временем снял повязку, и мы наблюдали волшебство. Небольшая рана от когтей стремительно зарастала. Да и мои на ноге и предплечье так же исчезали.

— Ты как себя чувствуешь? — с тревогой в голосе спросил я, попутно осматривая, не собирается ли он кони двинуть.

— Хорошо, — шмыгнув носом, он повертел ногой, где отлично всё зажило. — Спасибо, добрый Алекс.

— Ага, не за что. Пошли. Кажется, я слышу воду из того тоннеля, — указал я шилом туда, откуда выбегали твари.

— Кстати, я долго спал?

— Не-а. Немного.

Мы шли вдоль одноколейки, где-то через час мы обнаружили провал, ведущий в огромную пещеру. Как спуститься, даже мысли не было. Вот тогда-то Атол предложил сделать канат.

Он повёл руками. Сначала ничего не происходило, затем маленький росток вырвался возле вбитой в камень рельсы. Обвил её и принялся расти вниз. Да-да, я не обвис. Я начал уходить в пропасть, туда, где бурно била река, уходя куда-то. Когда наша импровизированная зелёная верёвка была спущена, Атол весь покрылся потом и устало сел на камень.

— Всё, пуст, как бочонок из-под пива.

— В который раз тебе поражаюсь. Давай отдыхай, а я пока спущусь вниз.

Шум воды здесь стоял оглушительный. Поток бил о камни с такой силой, что, казалось, сами стены пещеры вибрировали в такт ударам. Брызги летели во все стороны, оседая на лице мелкой холодной пылью. Я уже давно потерял счёт тому, на какой мы глубине — или высоте? — и старался не думать о том, как будем выбираться наружу. Сначала дело, потом паника.

Стоял, вглядывался в бурлящую воду, и вдруг поймал себя на мысли, от которой по спине пробежал холодок. Те крысы. Они бежали именно на нас? Или просто наметив траекторию, а мы случайно оказались на пути? Теперь, прокручивая в голове тот момент, я всё больше склонялся ко второму. Они не выглядели агрессивными. Скорее, обезумевшими от страха. Кто-то или что-то гнало их прочь из глубин. А я со своим огненным шаром лишь подвернулся под лапы. Испепели некоторых тварей, что были впереди, — и всё, «крысы» побежали уже не от страха, а на нас. Эх, если бы не пальнул тогда, может, они бы и прошмыгнули мимо, даже не заметив.

Я мотнул головой, отгоняя бесполезные сожаления. Что сделано, то сделано.

— Видно чего? — Атол бесшумно подошёл и встал рядом, а затем опустился на камень. Похоже, сильно вымотался. Он вертел головой, а его длинные уши шевелились, ловя отголоски звуков, которые я не слышал. Я давно заметил, что они не только для красоты, но и реально слышат получше наших человеческих.

— Не-а. — Я прищурился, вглядываясь во тьму. — Справа стена, куда уходит вода. Дальше она, видимо, просачивается сквозь землю и выходит где-то у вашей деревни. Так что нам туда. — Я махнул рукой в противоположную сторону пещеры, туда, откуда шёл поток и исчезал здесь в каменном жерле.

Мы сделали шагов пятьдесят, когда Атол вдруг замер и ткнул копьём куда-то вверх.

— Смотри, там свет.

Я проследил за его жестом и замер с открытым ртом. Высоко-высоко в каменном своде зияла неровная дыра. Края её были рваными, оплавленными, будто кто-то прошиб потолок гигантским ядром.

— Похоже на метеорит, — выдохнул я.

— Что такое метеорит? — гоблин склонил голову, ухо его дёрнулось.

— Камень с неба. Большой. Горящий.

— Не видал такого. — Он почесал копьём затылок, рукой же он придерживался за меня, потому как его то и дело шатало.

— И хорошо, что не видал. — Я облизал пересохшие губы. — Один такой каменюка, как я читал, всех динозавров прибил. Никто не выжил.

— Кто такие динозавры? — Атол наморщил лоб.

— Предки драконов. Из другого мира. — Я присел на корточки, вглядываясь в камни. Мне показалось, что я заметил следы, но они явно были старые и уж слишком большие. Может, это пыль и каменная крошка играет с моим воображением? Хм. Скорее всего, так. Встал, и мы пошли дальше. — Они жили-поживали, горя не знали. А потом прилетел огромный каменюка, и всё — накрылась планета медным тазом. Наступила вечная зима. И тогда те, кто выжил, открыли портал сюда и закинули своих детей. Чтобы спасти. На самих себя сил уже не хватило. Так в этом мире появились драконы.

— Печально это слышать, — тихо сказал гоблин. Да с такой глубокой печалью произнёс это, что мне аж совестно стало. — Родители не должны бросать детей.

— Они не бросали, Атол. — Я повернул голову, посмотрел на него. — Они их спасали.

Он молчал. Шёл с опущенной головой и смотрел в пол, а его плечи поникли. Я понял, что только что наговорил. И про метеорит, и про динозавров, и про детей, что остались одни. Нашёл тему для разговора, идиот.

Атол шмыгнул носом — опять. Он в последние часы делал это всё чаще и чаще. И уставился куда-то в стену, не моргая.

Я вздохнул и хлопнул его по плечу. Стараясь придать голосу бодрости.

— Пошли. Надо найти то, что травит ваш народ. А то, глядишь, она всех скоро потравит. Поскольку река явно уходит куда дальше, и там тоже живут разумные.

Он кивнул и замер, не двигаясь с места. Пришлось протянуть руку, хотел дёрнуть на себя. Так, по-дружески. Ничего такого. Но его взволнованное лицо заставило меня сделать другое движение.

— Алекс, смотри туда!

Я резко остановился и рукой придержал гоблина. То, что я увидел, заставило меня побелеть от страха.

Прямо у стены, где-то в метрах восьми от нас, стояла трёхметровая туша, просевшая на выпрямленных ногах, вросшая в пол по щиколотку. Одна рука оторвана и валяется чуть поодаль, пальцы всё ещё сжимают что-то, похожее на обрезок трубы. Вторая — торчит под неестественным углом, и на ней… Твою мать. Да это же пулемёт. Только он какой-то необычный. Чем-то лазерную пушку напоминает. Не уж-то подарок от гномов, что здесь руду копали. Я же помнил по книгам, что они мастера строительства големов. Да, точно. Это их проделки. Вот только чего они его не забрали с собой? А главное, как мы не заметили такую тушу?

— О боги, — выдохнул Атол.

Я не дышал. Я соображал, что делать. Мёртв этот робот или нет?

В груди человекоподобного робота, там, где у нас сердце, зияла рваная дыра. Из неё, как из раздавленного плода, сочилась густая, маслянистая жидкость. Ядовито-зелёного цвета. Она капала вниз, стекала по броне, собиралась в лужицу у ног — и уходила тонкой струйкой в жёлоб, пробитый в каменном полу, который вёл к воде.

Похоже, это его смазка. Хотя… может быть, это его батарея, ведь она в том месте, как у железного человека из комиксов. И оно явно разлагалось.

— Алекс, — Атол дёрнул меня за рукав. — Алекс, он…

Голем шевельнулся.

Медленно, с визгом несмазанных суставов, башня на его плечах повернулась к нам. В глазницах вспыхнул тусклый, умирающий красный свет.

Мы инстинктивно сделали шаг назад.

— Об-на-ру-же-ны вра-ги, — прохрипело нечто, похожее на динамик, разбитый и искалеченный то ли временем, то ли тем, что пробило ему грудь. — Чу-же-ро-дные. Под-ле-жат ли-кви-да-ции.

Пулемёт дёрнулся.

Я только и успел крикнуть:

— «Беги!» — и бросился в сторону, вжимаясь в стену, вдавливаясь в камень, пытаясь стать площе, тоньше, невидимее.

Одиночный выстрел прошил воздух там, где я стоял секунду назад.

Атол не побежал.

Он с криком прыгнул вперёд, прямо под ствол, размахивая своим копьём, целясь в ту самую дыру, в вырванное сердце, в сочащуюся отраву батарею.

— Не трогай моего друга Алекса!

Брошенное копьё вошло в плоть голема на ладонь.

Голем даже не покачнулся.

Скрежет суставов, пулемёт опустил ствол. Разлетелись снопы искр, рука явно повреждена. Да только, видимо, не сильно.

Затем выстрел.

Я не помню, как поднялся. Как выпустил в оружие робота огромный огненный шар. Магия, словно раскалённый нож, расплавила металл. Оружие стекло на камни вместе с частью руки.

Не помню, как добежал до гоблина.

Помню только, что Атол лежал на камнях, раскинув руки, и уши его всё ещё вздрагивали. Во взгляде — никакой боли. Только удивление.

— Не больно, — прошептал он. — Совсем не больно. Только холодно… — Он кашлянул, а изо рта вырвалась кровь.

Я зажал рану ладонями. Тёплая красная кровь текла сквозь пальцы, густая, липкая, неостановимая. По моим щекам бежали слёзы. Солёные, градом падали на гоблина. Я никогда в жизни не терял друзей. Этот маленький гоблин стал моим первым другом, с кем мы прошли бой и кому я обязан жизнью.

— Держись. Слышишь? Держись. Я тебя вытащу. Я тебя… я тебя спасу. Я всегда всех спасаю. Я…

— Друг Алекс, — он улыбнулся. Щербинка между зубов. — А я говорил деду, что буду героем.

Он закрыл глаза.

Голем умер вторым.

Я не помню, чем я его бил. Кажется, тем самым копьём, которое так и осталось торчать в его развороченной груди. Я бил и бил, пока красный свет в глазницах не погас навсегда, пока туша не рухнула на колени, а потом — лицом вперёд, в собственный яд.

Спустя полчаса, когда взял себя в руки, то с помощью магии огня расправил ему спину и выдрал батарею, блок, в общем, то, из чего та самая жидкость и вытекала.

Тяжёлый, холодный цилиндр, покрытый рябью коррозии. Из него всё ещё сочилась гадость, но я замотал её тряпкой, засунул в сумку, поправил лямку, чтоб не перетирало плечо. Я не боялся заразиться. Какой смысл? Я уже заражён. Теперь главное дойти, и пусть Робин попробует понять, как вылечить остальных. Главное, чтоб смерть гоблина не оказалась напрасной. По пути выжег огнём остатки жидкости, что продолжали вытекать из робота.

Потом вернулся к телу Атола.

Он лежал там же. Такой маленький. Такой тихий.

Я сел рядом и закрыл лицо руками.

Когда я поднял голову, в пещере что-то изменилось.

Стало светлее. И холоднее.

Гоблин сидел на камне в двух шагах от своего тела и смотрел на меня.

Прозрачный, как доброе приведение Каспер. Светящийся изнутри слабым голубоватым светом. Уши всё так же торчат, волосы всё так же растрёпаны, и даже копьё — призрачное, едва различимое — он держал в призрачных руках. Вот те на? Что за чудеса такие?

— Друг Алекс, — сказал он. — А я, кажется, умер.

Я не нашёл, что ответить.

— Не плачьте, — добавил он и виновато почесал затылок призрачной пятернёй. — Я же герой. Герои иногда умирают. Ману так говорил.

— Ману… — Голос сел совсем. — Да к рыбам твоего Ману. Ты жив? Как? Почему? — Я подскочил к нему, и моя рука прошла сквозь него. По коже пробежал холодок.

— Не знаю, я как бы в первый раз умер. — Атол склонил голову набок, как делал всегда, когда о чём-то задумывался.

Я рассмеялся. Весело, громко. Так, чтоб вся печаль, вся боль ушла прочь. Саша, ты в мире магии, — напомнил я себе.

— Тут такое, похоже, в порядке вещей, — разглядывая призрака, не выдержал и провёл ещё раз рукой.

— Щекотно, не делайте так, — отпрянул он. Точнее, взлетел и завис надо мной.

— Ладно, не буду. По крайне мере сейчас.

Он подлетел ко мне, и наши взгляды встретились.

— Вы ему скажете, что я хорошо дрался. Ладно?

Я кивнул.

— Конечно. Только что будем делать с твоим телом?

Он задумался. Затем облетел его, а после попросил оставить. Тело есть тело. Гоблин вообще как-то не особо переживал, что умер. Настроение бодрое, весь такой на позитиве. А чего тогда мне горевать? Правильно, незачем. Он жив, и точка. Правда, чуток мёртв, но это уже неважно.

Он улыбнулся — щербинка всё ещё на месте — и облетел меня по кругу.

— Я пойду с вами, — сказал он просто. — Вам же проводник нужен, чтоб выбраться отсюда. А я лес знаю, гору знаю. И теперь меня никто не съест.

— Ты… — Я запнулся. — Ты призрак.

— Ага. — Он посмотрел на свои полупрозрачные ладони. — Здорово, да? Летать могу? Алекс, хотите так же?

— Нет, спасибо, я обошёл его и пошёл в обратную сторону.

Мы вышли из пещеры на рассвете.

В сумке у меня лежала мёртвая батарея, отравлявшая реку. За спиной, в полуметре над землёй, плыл Атол, насвистывая гоблинскую рыбацкую песню без слов. Его тело мы оставили в пещере, которое я всё же завалил камнями, чтобы зверьё не добралось. Он не был против моих действий. Даже наоборот, как мне показалось.

— Тут налево, — сказал Атол. Он не стоял на месте, то есть не висел. Гоблин постоянно летал. И, похоже, ему это нравилось больше, чем быть живым. — Тут, помните, корни злые, а направо берлога медведя. Вы налево идите, я дорогу покажу.

— Ты теперь всегда так будешь? Раньше ты не был такой болтливый.

— Не знаю. — Он пожал призрачными плечами. — Я раньше не умирал, как помните. Может, потом привыкну. А может, нет.

Он помолчал.

— Друг Алекс, а где у призраков уши чешутся? У меня тут всё чешется, а почесать не могу.

Я не выдержал и улыбнулся.

— Не знаю, Атол. Давайте вместе разбираться. Я вроде как призрака впервые в жизни вижу. До этого вообще считал, что это невозможно. А оно вон, оказывается, ещё как возможно.

— Давайте. — Он довольно кивнул и переложил призрачное копьё из одной руки в другую. — Вот любопытно, а рыбу я теперь тоже призрачную ловить буду? Интересно, она вкусная?

— Пока не стоит. Река ещё заражена. Вдруг призраки тоже болеют.

Он дёрнулся, покосился на меня, затем согласился со мной. Уши уже чешутся, значит, может и заболеть.

За лесом вставало солнце. Вода в ручье, лишённая новой порции яда, светлела прямо на глазах.

До деревни «Рыба Есть Хорошо» оставалось ходу всего ничего. И один разговор со старостой, который я вот совсем не хотел начинать.

Атол плыл рядом, тихонько напевал и иногда проваливался сквозь корни, чертыхался, выныривал и навёрстывал упущенное.

— Алекс, — спросил он вдруг. — А ты меня видишь?

— Вижу.

— И слышишь?

— Слышу.

— Хорошо. — Он зевнул и потёр призрачный глаз призрачным кулаком. — А то вдруг вы меня видите, а я уже не говорю. Страшно же. Вдруг меня духи заберут, а сейчас у них просто обед и про меня забыли.

— Не заберут. Я тебя им не отдам. Ты герой и будешь жить.

Он замолчал, и до самой деревни мы шли молча.

Только когда в просвете между стволами показались первые аккуратные домики с резными наличниками, Атол тронул меня за плечо.

— Алекс.

— Что?

— Спасибо, что пошёл. — Он улыбнулся своей щербатой улыбкой. — Ты спас нашу деревню.

— Это тебе спасибо. Я без тебя бы не справился.

Он нырнул ко мне в сумку, прямо сквозь ткань, и затих там, свернувшись калачиком где-то между батареей и остатками еды. Хм. Быстро он научился новым трюкам.

Я постоял на опушке, глядя, как первые рыбаки выходят к реке с удочками и вёдрами. Вода в реке была чистой. Прозрачной. Живой.

Я выдохнул и шагнул в деревню.

***

Мы сидели за столом — я, Робин Карлович и Ману. Мой рассказ занял немного времени: говорил по делу, без лишних отступлений, только факты. Про то, где был, что нашёл, как молодой гоблин погиб и почему теперь плавает у меня за спиной.

Когда я упомянул, что мой проводник стал призраком, Ману даже бровью не повёл. Только уши дрогнули — раз, другой. Робин Карлович почесал кончик носа, хмыкнул и коротко кивнул.

— Бывает, — сказал он буднично, подливая себе чаю. — Если душа не закончила дела в этом мире, она остаётся. Ничего необычного.

— Но вы его не видите? — уточнил я, покосившись на Атола, который сидел на краю лавки и болтал призрачными ногами.

— Нет, — Ману качнул головой, седая прядь упала на глаза, он сдул её. — Такое дано магам света, тьмы и смерти.

Оба уставились на меня. Я пожал плечами, заёрзал на лавке.

— Ну… понятно, наверное. Только я-то не инициированный.

— Ага, — Робин Карлович усмехнулся в усы, отставил кружку и сложил руки на животе. — Похоже, твои сны не вещие, про которые ты говорил, и в которых тебе снилось, что ты будущий «радужный маг». Или ты сам чего не так понял. Но суть ясна: ты будущий маг одной из этих трёх стихий.

— Почему одной? — насторожился я.

— А ты многих видел, кто сразу две из этой тройки тянет? — он приподнял бровь. — Свет и тьма в одном флаконе не живут. Смерть вообще отдельно. Так что определишься потом. Главное — маг, остальное приложится.

Я вздохнул. Ладно, потом так потом. А ведь это странно. Константин говорил, что возможно владеть обеими стихиями. Кто врёт? Точнее, кто-то мало знает? И, как мне кажется, это я.

— Пока ты по пещерам лазал, — Ману поёрзал на лавке, потёр переносицу, — к нам маг жизни прибыл. Кайл Миркович. Магистр жизни.

Я подался вперёд, опёрся локтями о стол.

— И что? Помог?

— Быстро во всём разобрался и похвалил нашего старого друга, что не полез исцелять. — Ману взял со стола яблоко, покрутил в пальцах, откусил.

Тогда продолжил говорить Робин.

— Зараза эта, что в рыбе сидела, не просто так гоблинов с ног валила. Она в энергосистему въедалась. А если бы я начал пробовать исцелять, то моя магия жизни с этой дрянью… В общем, при столкновении запустилось бы разрушение энергокаркаса. Ты был прав, когда сказал, что не стоит этого делать. Не послушай я тебя, и мог бы натворить бед.

Робин Карлович поморщился, почесал затылок.

— Хорошо хоть, он быстро смекнул, что не так, — пробурчал он. — А то я мог бы и…

— Не мог, — перебил Ману. — Ты сделал всё правильно. Да и гадость эта была не местная. Магия из другого мира. Очень плохая магия, как Кайл сказал.

— И никого не убили? — уточнил я на всякий случай.

— Ни одного, — Ману развёл руками, на лице его мелькнуло что-то похожее на облегчение. — Кайл Миркович вовремя прибыл. Также приказал всю рыбу сжечь. Не закопать, а именно сжечь. Говорит, если закопать — чужеродная магия в землю уйдёт, потом её не вытравишь.

— Значит, теперь у них тут надолго… — я замялся, подбирая слово.

— Геморрой, — закончил за меня Робин Карлович и хмыкнул. — Ты бы видел, как они эту рыбу жгут. Три дня, наверное, прокоптятся.

Я усмехнулся.

— Кстати, Алекс, — Ману вдруг подался вперёд и положил тяжёлую ладонь на мою руку. — Ты теперь друг деревни. Официально. Совет утвердил, пока тебя не было.

Я моргнул.

— Чего?

— Ты рискнул собой и отправился на поиски проблемы. Притом не был обязан, а это многое значит для нас. Теперь же ещё и избавил деревню от причины заражения. Не от следствий, а от самой гадости, что её породила. Это дорогого стоит. — Он сжал мою руку и отпустил. — Контейнер с этой батареей у тебя?

— Да. — Я похлопал по сумке, которая стояла под лавкой. — Хочу отнести тем, кто знает, как это уничтожить. Я кое-кого вспомнил. Так что всё будет в лучшем виде.

— Хорошо. Уноси подальше от наших земель. И возвращайся, когда захочешь. Теперь ты наш друг, как и Робин.

***

Перед уходом они устроили пир.

Не знаю, как у других народов, но гоблины «Рыба Есть Хорошо» умели гулять. Столы ломились от того, что ещё можно было есть (рыбу, слава Кайлу Мирковичу, уже всю сожгли, так что обошлись кореньями, овощами и удивительно вкусными лепёшками). Я сидел во главе стола, чувствуя себя немного неловко, и рассказывал.

Про то, как мы спускались в штольню. Про «крыс», что пёрли на нас стеной. Про голема, который засветил красными глазищами и ожил прямо у нас перед носом. Про пулемётную очередь, что прошила воздух в паре сантиметров от моей головы. И про крутого гоблина.

— Он копьё метнул, — врал я, впрочем, сам уже не понимая, где вру, а где приукрашиваю. — Прямо в дыру, где у голема сердце должно быть. Попал с двадцати шагов. А когда эта махина на меня попёрла, Атол заслонил меня собой. Принял очередь на себя.

Я покосился в сторону, где висел призрак. Он прижал призрачные ладони к лицу и мелко трясся. Кажется, рыдал. Или смеялся. У призраков не разберёшь.

— Он не думал ни секунды, — добавил я тише. — Просто прыгнул вперёд.

За столом стало тихо. Дед Атола, старый сморщенный гоблин с ушами, похожими на два вялых лопуха, смотрел в стол и гладил пальцем трещину в досках. Потом поднял голову, вытер глаза кулаком и сказал хрипло, но громко, чтобы все слышали:

— Мой Атольчик ещё всем покажет. Он теперь призрак. Его приключения только начинаются.

Атол за его спиной разрыдался окончательно — беззвучно, по призрачному, но, кажется, он всё же больше счастлив чем расстроен.

Глава 9

Путешествие продолжаются

Мы вновь шли по дороге. Теперь я чётко знал, чего хочу, а именно стать настоящим магом. Сильным, да таким, чтоб не бегать от монстров и големов, а бить их магией прямо с двух рук, да так, чтоб все меня боялись. Я уже понял, что магия — это прям круто. Артефакт чётко дал мне это понять. Только тот же мой друг-гоблин показал, как он с помощью магии справлялся куда лучше, чем я. Его умение манипулировать маной поразило меня до глубины души. Надеюсь, я научусь не хуже. В итоге план такой. Зарабатываю деньги и поступаю в орден, пусть меня научат.

По пути я рассказал лекарю Робину, как прошло всё на самом деле. Без прикрас. Также поблагодарил его за артефакт. Если б не он… Стоямба, Саша. Что-то ты в последнее время постоянно о чём-то думаешь не так. Надо радоваться. Ты не умер. Ты в магическом мире, и идёшь на своих двоих по прекрасному миру без фастфуда и колы. Радуйся, а не думай о чём-то не так. Всё хорошо. Больше позитива, меньше негатива.

Я улыбнулся своим мыслям, выпрямился и бодро зашагал.

— Ты куда такой радостный ускорился? — одёрнул меня Робин Карлович.

Я остановился, обернулся и посмотрел на изрядно отставшего лекаря.

Упс. Что-то я задумался.

— Да вот. Размечтался, как магом стану и всех нагибать начну. А то эти мелкие монстрята прям вот заставили побегать.

— Да весело бегал, буду-то ужаленный, — хохотнул Атол, сидевший на плече. Он уменьшил до размеров ладони. Говорит, там ему легче. А что я? Я не против, пусть сидит.

— Станешь, станешь. Только денег тебе нужно много. Золотых пятьдесят хотя бы.

И он нисколько не преуменьшал. Так как поведал мне о ценах в столице. Поступать я хочу в хороший орден, только вот стоит инициация 10 золотых, снять домик, причём самый страшный, с крысами и тараканами в соседстве, не меньше золотого в месяц. Плюс нужно что-то есть. Подзаработать времени не будет. Так как орден полностью займёт моё время. Жить же внутри ордена дают не всем. Там нужно чуть ли не гением быть, дабы тебе позволили поселить в его стенах.

Впрочем, всё как всегда.

Вот я жил в ПП, это всего час от Москвы на электричке, так даже наш город от этого страдает. Цены на аренду квартиры только немногим уступают столице. Отчего в городе полно приезжих. Что для них час потратить? Тем более в электричке можно поспать, накраситься, поесть и послушать концерт очередного непризнанного артиста. Однажды я видел, как мужик брился в предбаннике, а его кореш ему помогал. Вот такие вот дела.

Так что мне нужно много денег. А ещё знания. Потому как мне, по сути, двадцать лет, и ни черта не знаю, кроме образования, данного в школе. То образование, что я получил в армии и собирался развивать далее, оно специфическое и, скажем так, для более экстремального времяпровождения.

К слову, не помню, говорил я или нет, но этому телу лет пятнадцать, не больше. Так что, считай, я вторую молодость проживаю. Ах да. Вот ещё что. Взяв «Паучка» у лекаря и клятвенно пообещав не сломать, я посмотрел на себя в зеркало и вот что понял. Это был я. Тот самый Сашка Астапов, подросток с горящими глазами.

Только колпак и коричневый плащ мне не идут. Пришлось купить, так как в дороге часто шёл дождь. Ввиду чего мой кошелёк опустел на восемь серебряных монет. Атол, конечно, предлагал стащить, мол, энергии ему хватит на это. Но я отказался.

А шли мы нынче в небольшой портовый город «Набережный Закуток». Нет, никого там лечить не надо, там своих лекарей достаточно. Мы должны будем сесть на корабль и перейти на другой берег. Так мы сможем сэкономить две недели пути, а там маршрут по деревням продолжится.

Сегодня решили переночевать в хорошем месте. А то два последних места, где мы остановились, были так себе. Нас чуть не сожрали какие-то насекомые, что поселились в белье. Ладно, Робин лекарь и смог нас оградить от всякой заразы, но поначалу было ну вот вообще не круто.

Поэтому последнюю ночь будем спать как люди. На белых простынях и с мягким толстым одеялом. И да. Теперь я платил за себя сам. Так как Робин повысил мою долю. Поскольку в последних двух деревнях было очень много желающих, и если бы не я, как батарейка, то он бы там недели три проторчал. А так всего за три дня справились. Нам, кстати, даже премию староста дал в виде еды в дорогу. Что также очень здорово. В общем, настроение было отличное.

Я вкусно поел, мы поболтали о всяком. Точнее, я в который раз засыпал его вопросами. С полным животом счастья в виде овощного рагу и жаренных сосисок, с добавлением лепёшки с острым соусом, я отправился спать. Да, на ночь такое вредно, но мне 15, и по фигу. Всё равно завтра за время пути всё сожгу. Так что полнота мне грозит.

Стоило мне закрыть глаза, как я очутился на знакомом берегу. Первое чувство было страх. Я умер от обжорства. Чего только не пронеслось в голове за тот миг, пока голос моего нового знакомого не успокоил меня. Почти.

— Успокойся, Саша. Ты не умер. Мне захотелось с тобой поговорить.

Резко развернувшись, я увидел Константина в обличии человека, одетого в спортивный костюм «Адидас», белую футболку и резиновые сапоги. В руке он держал палку, видимо, что-то заменяющее ему посох для ходьбы, а в другой руке — корзину, набитую доверху белыми грибами.

— Ты как, грибы любишь?

— Ещё бы. Только вот я поел недавно.

Смерть на это лишь весело усмехнулась, а мне тут же захотелось есть так, будто тысячу лет не ел.

В этот раз всё повторилось, кроме алкоголя. Мы пожарили грибы с картошечкой, он вынул из холодильника баклажанную икру.

— Заморская, — сказал он, и обменялись понятливыми смешками.

— Получается, вы посещаете свой прежний мир? — отодвигая тарелку и пододвигая к себе чайник с чашкой. Смородиновый чай — это что-то с чем-то. Да под слоёную пироженку. М-мм. Капец как вкусно.

— Редко. Хотелось бы чаще. Но когда посещаю, отрываюсь от всей души. Вот, кстати, поэтому я тебя и пригласил в гости. Ты мне службу сослужил добрую. От работы избавил. Если б ты тут батарею не нашёл, то она ещё долгие столетия отравляла воду, а после моря и земли. Началась бы эпидемия, а дальше ты знаешь, — я кивнул, так как не раз представлял себе последствия. Картина мира вырисовывалась очень печальной.

— Так, может, другие бы маги нашли?

— Скорее всего, так, но сколько бы народу померло. Тогда бы мне пришлось много работать, а я, знаешь ли, это не очень люблю. Тем более в отпуск собрался. К сестре заглянуть хочу. Может, братьев навещу.

— Кто вместо вас?

— У меня есть кому присмотреть. Ты же не думаешь, что я всё в одиночку делаю. У каждого своя функция. Ты писателя Лукьяненко знаешь из вашего мира?

— Читать, читал, но о таокм не слышал. Чтоб там за функционал что-то было.

— Так вот, у него есть замечательный роман. Черновик. В котором чётко прописывается то, что у каждого есть своя функция, и все мы её должны выполнять. Моя — провожать души. Твоя… Твоя есть твоя.

— Не слышал о таком романе. Я вроде всё у него читал.

— В каком году умер?

— В 2000-м.

— А-а-а, так он ещё его тогда не написал. Ладно, если буду мимо магазина проходить, захвачу тебе. Раз ты такой полезный. Кстати. На вот, держи, — положил он на стол монету. — Эта монета позволит тебе делиться энергией с твоим призрачным другом.

— Зачем?

— А вот не скажу. Сам всё узнаешь. Разве тебе не интересно?

— Очень интересно, — не соврал. Любопытство у меня ого-го.

— Что ж, продолжай своё путешествие, а я, пожалуй, начну собираться.

— Можно вопрос?

— Да, конечно.

— Кто такие боги?

— Энергетические сущности, достигшие высокого уровня в умении работать энергиями мира.

— А вы относите себя к богам?

— Нет, я не бог и никогда им не был. Правда, многие почему-то так думают, но это в корне не так. Перед тобой сущность, порождённая мирозданием с функцией проведения душ, вот и всё.

— То есть и я могу наняться на вашу работу?

— А ты хотел бы? — спросил он так, что у меня волосы дыбом встали. Всё моё нутро вопило так, что мама не горюй. Скажи я сейчас да, и случилось бы что-то очень нехорошее. Поэтому я собрал всю свою волю и выдавил из себя: «НЕТ».

— Хм. Силён, Саня. Уважаю. Такой юный, а душа сильна. Интересно, кем она была в прошлых жизнях. Надо поглазеть. Так всё, вали отсюда и монету не забудь.

Я хотел ещё кое-что спросить, но открыл глаз от лучей солнца, что проходили сквозь призрака и играли на стенах забавными зайчиками.

— Ты где был? — встревожено спросил гоблин. — Твоё тело не дышало. Думал, ты уже умер.

— Да к Смерти в гости ходил. Грибы с картошкой ел. Белые. Вкусные. Так что-то кушать хочу.

Быстро умывшись, я спустился вниз и заказал себе завтрак. Робин ещё спал, а потому после плотного завтрака решил встретиться с двумя пушистиками.

Бросив клубок на кровать, принялся ждать. Квип и Квилла появились не сразу, и уж было подумал, что что-то делаю не так. Как вдруг вспышка, и мохнатые торговцы появились, весело о чём-то переговаривались.

— Привет честным спекулянтам, — помахал я рукой, невольно расплываясь в улыбке.

— Привет, наш новый попаданец. Как дела?

— Пока не родила, — ответил я, доставая кристаллы. — Вот, все наполнены. Протянул я мешочек. Могли бы и предупредить, что их в руках лучше не держать.

— У нас дел много. Нет времени объяснять такую мелочь. Ежели сам недопетрил, то и дел с таким мы иметь не будем. Знаешь ли, вашего брата во всех мирах хватает. Так что думай меньше, соображай больше, — воздел лапу к потолку Квип.

— Принял. Итак, что я могу получить за это?

— Знание руды надо? — ткнул он лапой в кристалл на прилавке, что появился в центре комнаты.

— Не-а. Может, у вас пространственные сумки или кольца появились нормальные. Те, где шанс 100-процентный.

— Пока нет, но скоро будет. Но это не точно.

— Энциклопедия мира детальная. Со всеми расами, что населяют мир, картами, описанием здешних законов и всего прочего.

— Есть. Сорок семь кристаллов «эмоций».

С учётом, что заполнил всего шесть, то я покачал головой.

— Столько нет.

— Возьми в долг, только цена тогда округлится до шестидесяти.

— Фига у вас округляшки. Сорок семь — это пятьдесят в округление, а не шестьдесят.

— Не будь таким мелочным, — Квилла потянулась, изогнулась, а после улеглась на моей кровати.

— Я и не был, но с вашими ценами стану, и притом довольно скоро, — осматривая прилавок, я всё думал, что же мне выбрать.

— Квип, может, ты скажешь, что я вообще могу на шесть кристаллов себе позволить?

— Да без проблем. Вот, например, несгораемые спички, — протянул он мне коробок с надписью «Зажги хоть в аду». — Зажигаются даже под водой. Потушить нереально. Горят, пока не сгорят полностью. Одна беда — если чиркнешь в кармане, будешь ходить с дымящейся штаниной. У них проблема — загораются на раз. С ними надо быть очень аккуратным. Что ещё… — Он задумался.

— Ага. Держи. Кружка-самогрейка. Наливаешь воду — через минуту кипяток. Ни огня, ни газа — ничего не надо. Только вот греет она всё подряд: чай, компот, молоко, даже пиво. В общем, всё, что нальёшь.

— Любителям холодного пива не дарить, — пробубнил я и отрицательно замотал головой. На хрен она мне сдалась. Я и так могу подождать минут десять, пока вода в котелке вскипит. Да, удобная вещь, не спорю. Но сейчас мне нужно что-то другое.

Дальше он начал перечислять всё подряд.

Магический будильник «Вставай-ка».

— Кладёшь под подушку, говоришь время — утром он начинает орать дурным голосом и щипаться. Если проспал — вылезает из-под подушки и бегает за тобой по комнате.

Скатерть-самобранка.

Стоило ему произнести эти слова, как в моём воображении тут же возник мультик про Ивана-царевича. Только как возник, так и исчез. Потому как у них всё в лавке с подвохом. По крайней мере то, что недорого.

— Тряхнул — появляется тарелка гречневой каши. Ещё тряхнул — добавляется котлета. Тряхнул третий раз — вылезает рука с половником и даёт по лбу, если съел слишком много. Прости, сырая ещё разработка. Демоверсия, по сути. Обещаю допилить, но когда — неизвестно.

— Сапоги-скороходы. Но, похоже, какие-то они левые. Если ты понимаешь, о чём я. Парень, что продал их нам, мутный какой-то был. Мелкий, наглый. Говорил, что они ему от деда достались, да размер бы не его. Думается мне, украл он их.

— Что с ними не так?

— Одеваешь и бегаешь быстрее ветра. Только вот правый сапог то ли глючный, то ли обычный. Поэтому бегаешь по кругу. Зато как быстро! Возьмёшь?

— Нет, спасибо.

— Квип, хватит над мальчиком издеваться, — Квилла запрыгнула на прилавок и прогнала братца.

— Вот очки, — протянула она мне футляр для очков. Открыв который, я обнаружил солнечные очки. Обычные, в которых половина молодёжи в Подмосковье ходит.

— И нет, с их помощью сквозь одежду не подглядишь.

— Эй, что за инсинуации, я о таком даже и не думал, — возмутился я и покраснел. Это было первое, что я подумал, если уж честно признаться.

— Конечно-конечно, мы все тебе верим, — с иронией проговорил Квип, развалился на моей подушке и почесал пузико. Потом и вовсе достал из воздуха пакет с сушёной рыбкой корюшкой и принялся жевать.

— Смотри, Саша. Надеваешь — и видишь сквозь стены, одежду и чужие мысли. Ой, что я такое говорю. Это же не те очки.

Забрав их, протянула другие.

— Вот очки «Читай-пиши». Кто их надевает — начинает быстро читать любые тексты и писать без ошибок. Даже если до этого с трудом буквы складывал. Снимаешь — знания остаются. Подходят для изучения языков, инструкций к артефактам и старых свитков с корявым почерком. Уловил суть?

— Да. Беру.

Хотя от тех, которые видят всё, я бы тоже не отказался.

— Поздравляю. Первая сделка совершена. Теперь ты официально вступаешь в клуб Квиллы и Квипа.

— Эй, так нечестно. Я старше тебя на полторы минуты. Так что наш клуб называется «Квип и Квилла».

— Ой, да как пожелаешь, — отмахнулась от него сестра. — Теперь ты официально вступаешь в клуб «Квипа и Квиллы», — сказав это, она повернулась к брату и показала ему язык.

— Возьмёшь ещё кристаллы эмоций?

— Возьму. Если можно, то сразу полсотни. Чтоб лишний раз вас не дёргать по мелочам.

— Умный малый, — одобрительно отсалютовал мне корюшкой Квип и закинул её в рот.

— Так, друзья мои хорошие. Есть у меня для вас товар. Импортный.

— Нормально ты, Саша. Без году неделя, а уже разжился чем-то. Чуют мои усы, мы с тобой часто будем видеться.

— А то, — согласился я и вынул сумку, а после из него вынул свёрток с цилиндром. Я уже понял, что на меня они не действуют. Если бы действовали, я бы уже давно заразился. Это прям радовало.

— Ох, мамочки, — Квилла прижала лапки к щекам. — Это же «Сердце-25»! Модель двадцать пятого поколения, ставили на тяжёлые штурмовые големы в седьмом техногенном кластере. Мир «Варгуз». Откуда он у тебя?

— Нашёл одного такого. Он реку отравлял. Пришлось его прибить, а эту штуку забрать. Честно, откуда он в этом мире, я не знаю, но он точно мёртв. Теперь мёртв.

— Знаешь, эти батареи жутко мощные, но у них проблема: после пятисот лет эксплуатации корпус не выдерживает и начинает травить электролит прямо в окружающую среду. Поэтому их обычно утилизируют. Уж больно ядовитый материал внутри. Зато высокоэнергичный.

— Пятьсот лет, — удивился я. — Он пролежал тут пятьсот лет и всё ещё работал? Да уж, мощная батарейка.

— Ну да, — Квип закатил глаза. — Это же техногенный мир, у них там всё из вольфрама и упрямства. Чем-то мне гномов напоминают. К слову, тебе нужно задуматься. Поскольку вопрос не в том, как он пятьсот лет проработал, а в том, кто его сюда закинул. Так как они, ребята, очень воинственные, и ежели нашли сюда путь, значит, придут ещё.

— Понял. Запомню, — я кивнул и на полном серьёзе постарался запомнить это. Поскольку если армия подобных ему явится, то, даже проиграв, они могут отравить всю планету, у них наверняка имеются бомбы. Такого мне здесь точно не нужно. Надо бы в канцелярию письмишко накатать.

— Главное — как теперь эту гадость утилизировать, — вздохнула Квилла. — Квип, у нас есть контейнер?

— Есть. Только он в другом мире, в том, где ещё раса роботов разум обрела. Силикарии, хрусталии и ветралии.

— Плохо. А ближе нет?

— Ближе? — Квип почёсывая кончик длинного уха задней лапой, зажмурил левый глаз. — Хм. Есть идея. Можно переплавить в алхимической печи, но нужен катализатор. Слёзы горного тролля, например. Или зуб древнего дракона.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

— Шучу, — улыбнулся он. — Хватит простого заклинания нейтрализации. Только у нас его нет. Мы не маги, — от данного утверждения я слегка опешил. Это в каком месте они не маги?

— Зато есть у тебя, — она подмигнула мне. — Ты же попаданец. У таких как ты душа межмировая, для таких ритуалов — самое то.

— Что я должен делать?

— Стоять и не дёргаться. — Квилла забежала за прилавок и вытащила оттуда мелки, свечи и толстенную книгу в потёртом переплёте. — Квип, помылся бы лучше, чем чесаться постоянно.

— Да мылся уже столько раз. Это всё тот мороженый из вишнёвого мира. У меня, похоже, на него аллергия.

— Аллергия проявляется сразу, а ты съел тринадцать порций. Обжорство у тебя, вот что. Всё, хватит болтать. Очерти защитный круг, а я пока настраиваюсь.

Её братец что-то проворчал, но чертить начал. Очень старательно. С линейкой. Как заправский инженер.

Тут из моей сумки Атол высунул голову, начав разглядывать:

— А мне можно посмотреть?

— Ой, — она хлопнула себя по лбу. — А это у нас кто? Что за прелесть такая?

— Это Атол, — ответил я и махнул ему рукой, мол, вылезай, не прячься. — Мой проводник. Герой. Друг и спаситель.

— Призрачный гоблин, — она склонила голову, разглядывая полупрозрачные уши. Ведь они чем-то были схожи с её. — Редкость. Слушай, красавчик, а хочешь у нас работать? Нам как раз курьер нужен, сквозь стены ходить, между мирами посылки доставлять. Хорошо платить будем?

— Квилла! — рявкнул Квип, отрываясь от чертежа. — Ты опять набираешь персонал без согласования!

Атол смущённый спрятался за моей спиной, и только оттуда подал голос:

— Нет, спасибо. Я лучше с другом Алексом. Я его проводник.

Квилла улыбнулась и развела лапками:

— Преданность. Верность. Ладно, потом вернёмся к вопросу. Лет через триста. Когда тебе скучно в этом мире станет. А сейчас — заклинание. Алекс, руки на батарею и не отпускай, пока я не скажу. Встань в центр круга. Только будь аккуратнее, не задень линий. А то испаришься вместе с батареей.

Я сделал, как она сказала. Когда мои ладони оказались на цилиндрическом, холодном, сочащемся металле, а ноги в центре, она произнесла:

— Начали.

Я стоял посреди комнаты, сжимая в руках батарею, и понятия не имел, что сейчас произойдёт. Квилла наклонила голову к листку, прикрыла глаза и что-то забормотала — слова лились незнакомые, тягучие, на языке, который я слышал впервые в жизни. Он был красив. Но то, что случилось дальше, отвлекло меня.

И вдруг всё сжалось внутри. Рёбра будто стянуло обручем, сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле. Батарея в моих ладонях вспыхнула мягким, тёплым светом, вытекающая жидкость начала испаряться.

Свет потёк от неё по моим рукам, перебрался на грудь, скользнул вниз — туда, где под рёбрами пряталась моя сфера. А потом по полу, по начерченному Квипом кругу, побежали тонкие светящиеся линии. Быстрее, а после ещё быстрее, они замыкались, переплетались, и когда последняя линия встала на место — вспышка.

Яркая. Сухая. Без звука.

Я зажмурился, а когда проморгался — батареи в руках не было. Ладони сжимали пустоту. Пальцы пару раз сжались и разжались, проверяя, не показалось ли.

Квип вынул прямо из воздуха хот дог, крякнул и уставился на меня с выражением, которое я уже начинал узнавать.

«Сейчас будет развод попаданца».

— Так, Алекс, — он почесал кончик носа указательным пальцем, — теперь ты нам должен пятьдесят кристаллов эмоций.

Я моргнул. Раз, другой.

— М-м-м? — голос мой прозвучал как-то сипло. — Почему?

— Во-первых, — Квип загнул палец, — мы тебя избавили от очень нехорошей бяки. Согласен?

Я перевёл взгляд с него на Квиллу. Та улыбнулась, подмигнула мне, а после закивала.

— Да, — выдохнул я. Раз говорят избавили, значит избавили.

— Во-вторых, — второй палец пошёл в ход, — мы не просто избавили. Мы эту энергию смогли внедрить в тебя.

Я замер. Такого я точно не ожидал.

— Чего? Чего вы сделали?

Он довольно прищурился. Даже сквозь толстые линзы очков было видно, как блестят его глаза. Интересно, что его очки умеют?

— Твой объём маны увеличился. Примерно в шесть раз. — Он снял очки, одной рукой протёр их о жилетку и снова водрузил на нос. — А он у тебя и так был не маленький. Теперь — целое манахранилище.

Я открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Так что, — Квип сложил руки на животе, — с долгом согласен?

— Согласен, — выдохнул я. Куда деваться?

— Вот и отлично, — он закинул в рот остатки хот-дога и с довольным лицом огладил усы, после демонстративно щёлкнул пальцами.

Лавка вместе с ними исчезла.

Просто раз — и нет.

Я остался стоять посреди пустой комнаты. Один. В полнейшем афиге. В голове крутилась только одна мысль: «Непростые эти ребята. Очень непростые. И с ними надо сначала всё обговаривать, а потом уже что-то делать. Чем-то они мне Джина напоминают. И не того, что из мультика про Алладина».

Дверь распахнулась так резко, что врезалась в стену.

— Ты чего тут устроил?! — Робин Карлович влетел в комнату, на ходу поправляя съехавшую набок рубаху. Атол, испугавшись, вылетел в окно. — Что за выброс энергии был? Я аж с кровати навернулся!

— С чего вы решили, что это я? — постарался сделать вид, будто я тут не причём, а сам аккуратно тёр ногой чертёж на полу.

Он глянул на меня. Медленно, с прищуром. Я почесал затылок. Глупо отмазываться, конечно.

— Ладно, ладно. Провёл эксперимент и уничтожил ту заразу.

Робин замер. Брови его полезли вверх, потом нахмурились, потом снова вверх. Вот он ими умеет двигать. Мои меня так не слушаются.

— Да? — он склонил голову. — Как? Откуда у тебя такие познания?

— Поверите, если скажу, что не знаю?

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Я уже начал перебирать в голове варианты оправданий, когда он коротко хмыкнул.

— Нет. Но будем считать, что да. — Он потёр переносицу, устало выдохнул. — Кстати, выброс был такой силы, что я маной наполнился до краёв. Давно себя таким бодрым не чувствовал. Кажись, моя сфера даже немного расширилась.

— Рад за вас. — Я улыбнулся. — Так что, выдвигаемся?

— Ещё бы.

Робин развернулся и пошёл к двери. У самого порога резко замер, обернулся, оглядел меня с головы до ног, хмыкнул — и вышел. Завтракать, видимо.

Я плюхнулся на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Полежал секунд пять. Вскочил.

Энергия била ключом. Плескалась под рёбрами, гудела, требовала движения. Я подошёл к окну, распахнул створки, вдохнул утренний воздух — и выпрыгнул наружу.

Приземлился на обе ноги, оттолкнулся, побежал.

Через забор. До леса. Вдоль леса. Далее по тракту в сторону портового города.

Тормознул только когда понял, что бегу уже минут сорок, а дыхание даже не сбилось. И тут до меня дошло кое-что другое.

— Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я развернулся и потрусил обратно. М-да. Я забыл Робина Карловича на постоялом дворе.

Глава 10

Кажется, я попал по самое не хочу.

В который раз я мысленно поблагодарил неизвестного мастера, сшившего эту обувь. Сколько мы уже отмахали — день, два, три? — а ноги даже не намекали на мозоли. Не болели, не гудели, не просили пощады. Хотя с чего бы им болеть, когда тебе пятнадцать? Или уже шестнадцать? Впрочем, какая разница, всё одно огонь. В этом возрасте организм вообще работает как вечный двигатель: сутки можешь топать, потом ещё сутки, и хоть бы хны.

Вот и мы шли. Шли и шли. А потом пришли.

Город «Набережный Закуток» своё название оправдывал полностью. Примостился на берегу реки, жался к воде, как бродяга к костру. Размерами не впечатлял — по моим меркам, конечно. Для местного населения, поди, столица. Сколько тут народу жило? Понятия не имею. Переписи здесь не в моде.

Мы спустились по пыльной дороге прямо на центральную площадь. Здесь, в самом её сердце, возвышался постоялый двор — добротный, двухэтажный, с вывеской, скрипящей на ветру. Ночевать не планировали, только перекусить. Дальше нам нужен был корабль. Или хотя бы судно. Робин пояснил: вода здесь неспокойная, твари речные голодные, так что на простой лодке лучше не соваться — сожрут и не подавятся. Значит, корабль. С командой, знающей, с какой стороны за меч браться.

Я навернул тарелку дымящегося рагу, запил всё компотом из местных ягод и отправился бродить по городу. Робин направился на пристань договариваться с капитанами.

Денег в кармане позвякивало немного, но на какую-нибудь мелочь должно хватить. Я крутил монету в пальцах, перекатывал по тыльной стороне ладони, заставлял её прыгать с костяшки на костяшку. Полезно для моторики. Да и вообще привычка с детства: руки должны быть заняты.

Тело я тоже не забывал. Каждое утро, как штык, час зарядки. Приседания, растяжка, пара простых упражнений на равновесие. Чистый воздух, постоянная ходьба, обильная еда делали своё дело. Я и в том мире был не стариком, но, чёрт возьми, приятно чувствовать себя ещё моложе.

Монета, которую вручил Константин, оказалась штукой с секретом. Я вливал в неё ману, а Атол, мой призрачный хвостик, питался из неё, как из источника. Что это давало? Раньше он мог шевелить предметы, но быстро выдыхался — истончался, как утренний туман. Теперь же запросто поднимал стул, двигал кружку, а однажды даже вырастил цветок. Я сам видел: семечко в его призрачных ладонях проклюнулось, потянулось вверх и выпустило листок. Живой, настоящий. Для меня это было покруче любого огненного шарика. Хотя вру, шарики огня тоже круто.

Я покосился на рюкзак. Атол спал внутри, свернувшись калачиком. Из-под крышки торчало только одно ухо.

— Спи, — шепнул я. — Отдыхай.

Я специально прикупил себе походный рюкзак. Ходить планирую долго, а вещей прибавляется. У меня, как у Робина, пространственной сумки нет, а с рюкзаком это дело привычное. Правда, пришлось немного модернизировать, а так вполне себе ничего.

Сам город оказался обычным. До жути обычным. Дома — серые, каменные, без единой попытки украсить фасад. Красные черепичные крыши, узкие окна, покосившиеся вывески. Где-то в Англии двенадцатого века выглядело бы точно так же. После гоблинской деревни с её резными наличниками и цветущими палисадниками «Набережный Закуток» казался унылым, как осеннее небо. Благо оно было нынче голубое, а то точно бы подумал, что угодил в город тот что на Темзе.

Я уже собрался было плюнуть и вернуться к пристани, как за очередным поворотом открылась площадь с храмом.

Вот тут я замер.

Небольшое здание, но какое! Колонны, барельефы, статуи в нишах — всё это было сделано с таким тщанием, что дух захватывало. Я обошёл его кругом, задрав голову. Местные попы, видать, не лыком шиты. Интересно, они так же гребут пожертвования лопатой, как в моём мире?

Я вообще к религии отношусь спокойно. Не против, но и не за. Если человеку вера помогает — ради бога. Но когда начинают навязывать, лезть в душу с проповедями и вымогать деньги «на храм» — это уже перебор. Вспомнился батюшка из сибирской деревни, куда меня заносила судьба. Мужик с кулачищами и прямым взглядом. К нему пришла женщина жаловаться на мужа-пьяницу, так он её при всём народе отчитал: «Сама, говорит, довела ревностью своей, дура!» И ведь помогло. Мужик потом за ум взялся. А в городском соборе, куда меня родители таскали в детстве, всё было иначе. Там за крещение — не платёж, конечно, а «пожертвование». За венчание — «пожертвование». За отпевание — снова «пожертвование». И вот сидишь и думаешь: на хрена богу деньги?

Я помотал головой, отгоняя воспоминания. Это их дело. Я привык рассчитывать только на себя. Накосячил сам — расхлёбывай сам. Получил плюшку — она твоя, никому не обязан. Что касается монеты от Константина… Он за дело монетку дал, не за красивые глаза.

За размышлениями я сам не заметил, как свернул в какую-то узкую улочку. А когда поднял голову — нос к носу столкнулся с вывеской.

Книжный магазин.

Небольшой, квадратов тридцать, не больше. Но внутри, насколько можно было разглядеть через мутное стекло, всё пространство было заставлено книгами. Стеллажи уходили до самого потолка, громоздились друг на друга, корешки поблёскивали золотым тиснением в тусклом свете масляных ламп.

Я толкнул дверь. Колокольчик над головой звякнул сипло, будто простуженно.

Пахло пылью, старым пергаментом и чем-то ещё, неуловимым, тёплым, домашним. Я втянул носом воздух и улыбнулся.

Кажется, я застряну здесь надолго. Надеюсь, Робин не найдёт корабль. Честно, мне хочется немного изучить этот мир. Понять, как здесь всё устроено. «Стайер Лекарь», конечно, помогает по мере возможностей. Только мне этого мало. Хотелось знать всё. Какие технологии, какие народы, что есть, чего нет.

— Добрый день, — поздоровался чуть громче, так как не видел продавца. Да и самого прилавка как такового видно не было. Огромная комната с книгами.

Ответа не последовало.

Постоял, подождал.

— Добрый день. Я бы хотел купить книгу.

Никто не отвечал и не выходил. Дверь же была открыта. Значит, хозяин где-то здесь или вышел, но почему тогда не закрыл?

— Атол, проснись, родной.

Из рюкзака вылезла заспанное лицо гоблина.

— Прости, что разбудил, на вот поешь, — активировал монету, и он на глазах стал плотнеть.

— Пролети, пожалуйста. Посмотри, есть кто живой.

Он вернулся через минуты две и замотал ушами.

— Нет никого нет, а теперь я спать. Что-то сил совсем нет.

Он и вправду вернулся почти прозрачный. Едва различимый. С чего бы это? Я ему прилично отвалил энергии.

Я пошёл вдоль рядов, а сам думал, как быстро аккумулируется энергия? Может, есть способ ускорить это? От чего вообще это зависит?

Бах. Бабах.

На меня пролился книжный дождь. Я так задумался, что не увидел порожек и зацепился. Далее задел стеллаж. Что такое не везёт и как с этим бороться?

Что ж, пока не пришёл хозяин, надо бы убраться. На всё про всё у меня ушло полчаса. Я не старался выложить книги так, как они были расположены. Поскольку откуда мне знать, как они стояли на полке? Поэтому просто навёл порядок. Но одна книжка вновь упала, и причём прямо мне в руки.

Была она в коричневом переплёте, прошитая красной нитью. На лицевой стороне вытесненный рисунок моря, бьющегося о скалы. Корабль, идущий под парусами. Ветер, яркое солнце и чайки. Красиво сделано. Внизу было название «Сказки».

Открыв её, я предполагал, что она будет написана от руки, но нет. Текст был машинный. Точнее, печатно-станочный. Шрифт только крупный, что в принципе неважно. Поскольку главное — это содержание.

Сев прямо там, где стоял, принялся читать.

«Братья Альтерсы»

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король с королевой. И послали им боги двух сыновей, двух принцев кровных. Ещё до рождения их старый ткач душ, что при дворе служил, проведал, какими стихиями дети владеть будут. Потому и имена им дали особые: первенца нарекли Ноксиусом, а второго, что через пять минут на свет появился, — Люциусом. Один во тьме силу черпал, другой — в свете.

И хоть стихии те меж собой враждуют, меж братьями вражды не было. Росли они душа в душу, водой не разольёшь. Младший на корону не зарился, ибо сердцем чистым ведал: старший достоин править. А кто ж, как не маг тьмы, ведает, что такое боль и печаль? Потому и народу своему Ноксиус лиха не причинит, а на врага обрушится всей своей мощью.

Когда Люциусу двадцать лет минуло, привиделся ему сон чудной. Будто брат его на города вражьи тьму напускает. Не на рать воинскую, а на мирных жителей. А всё потому, что вороги проклятые яд да хворь на деревни королевские наслали. Мирный люд потравили. И решил тогда старший брат показать: не смей трогать земель наших, не то худо будет.

Король Артемий, отец их, видя, что сын дело ратное разумеет, назначил его главнокомандующим и послал врага до конца добить. Люциус к брату поспешил, да опоздал — всё сбылось, как во сне явилось.

И тогда надумал младший отныне всюду за братом следовать, дабы душу его от очерствения беречь. Так как маг тьмы с душой исковерканной — что меч без ножен: и врага посечёт, и себя порешить может.

Год минул. Армия Альтерсы под началом братьев (Люциус во всех битвах плечом к плечу с Ноксиусом стоял) до самой вражеской столицы дошла. Сбежался туда люд со всех земель, за стенами спасался, и остатки войска там же укрылись.

Обложили братья город, стали ждать. И в ту же ночь снова сон Люциусу явился. Видит он, будто Ноксиус на город тьму напускает, и десятки тысяч душ в «Ничто» уходят. А после брат старший корону надевает — не отцовскую, а ту, что король Мураман «Горящие глаза» носил, коего он в честном бою одолел.

Проснулся Люциус в слезах. Плакал горько, ибо понял: почернела душа братняя, и нет пути назад. Станет Ноксиус безжалостным владыкой, и пойдёт его новое королевство войной на всё живое, прибирая земли одну за другой.

И тогда решился младший…»

Тут раздался звук колокольчика, и в дверь вошёл седой старец. Одет в бежевую рубаху, поверх которой надета лёгкая куртка. Серые бесформенные штаны, кожаные ботинки до щико-

лоток. Волосы растрёпаны, усы и борода не ухожены. На носу очки с толстенными линзами. Спрашивается, чего к лекарю не ходил? Тогда спрашивается другой вопрос: чего Робин ходит в очках, если он сам лекарь?

Росточком маленький, да ещё и сгорбленный. Хм. Может, это не человек, а полуросли к? Да вроде нет. Ноги нормальные.

Я захлопнул книгу, вскочил и поспешил навстречу.

— Добрый день, а вы не знаете, хозяин когда будет?

Старик остановился, поднял на меня взгляд и только сейчас, похоже, понял, что тут есть кто-то еще.

— Добрый день, молодой человек. Хозяин лавки перед вами.

— Простите, что так я тут похозяйничал. Я вошёл, так как дверь была открыта. Затем вот эта книга сама упала мне в руки. Не удержался и стал читать. Кстати, меня Алекс зовут.

— Олаф Лайба, — пожал он мою руку.

— И как тебе книга?

— Да только пару страниц успел прочесть. Остановился на самом интересном месте, когда вы вошли. Сколько она стоит?

— Говоришь, сама упала в руки?

— Да. Я уронил стеллаж, и, когда всё собирал, эта вновь свалилась прямо в руки, — повинился я. — Готов возместить ущерб.

— Не надо ничего возмещать. Нынче ко мне редко заходят. Все в «Паучках» сидят.

— Мне книги больше нравятся. Шелест страниц, запах бумаги. Никакой «Паучок» или «Зеркало» с ним не сравнится.

— Полностью с тобой согласен, — он снял очки, протёр глаза.

— А хотите, я вам кристалл заряжу? Если он у вас есть, конечно.

Лайба задумался.

— Знаете ли, молодой человек, не откажусь, — он улыбнулся, а я удивился. Зубы белые и все на месте. Голливудская улыбка нервно курит в сторонке. Его прям сейчас можно вешать на рекламу зубной пасты или стоматологической клиники. Похоже, он деньги на них потратил вместо глаз. Что ж, логично. Имея здоровые зубы, можно многих проблем избежать со здоровьем.

— Обожди здесь, сейчас приду.

Я кивнул и раскрыл книгу, хотел немного почитать, но он быстро перевернулся. Пришлось закрыть.

Кристалл, что он мне протянул, был средний, и запарка не заняла много времени.

— Какой шустрый, — покачал он головой. — Маг?

— Неинициированный. Вот коплю деньги. Помогаю старому лекарю Робину Карловичу лечить народ.

— Доброе дело. Благодарю тебя, Алекс. Понимаешь, я не использую свечи. Старый уже. Упадет, и тогда лавке конец. Поэтому пользуюсь магическим светильником. Только проблема. Магов в городе раз-два и обчёлся, а те, что есть, берут очень дорого. Ехать в крупный город здоровье не позволяет.

— Надолго хватит? — указал я на кристалл пальцем.

— На годик точно. При моей-то экономии, — он развеселился, но смех быстро перешёл в кашель.

— Если мы с вами в расчёте, то я побегу.

— Конечно, беги. Передавай привет Робину. Пусть не забывает старину Олафа, — проговорил он мне в спину.

— Обязательно, — ответил я и покинул лавку.

***

— Алекс!

Робин Карлович влетел в постоялый двор так, будто за ним гнались все демоны этого мира. Остановился, упёршись ладонями в колени, перевёл дух, потом выпрямился и уставился на меня с таким выражением, что я мысленно перебрал все свои возможные грехи за последние сутки.

— По всему городу тебя ищу, — выдохнул он, утирая пот со лба тыльной стороной ладони. — Корабль вот-вот отходит. Я уж думал, тебя ограбили или ты решил и вовсе не плыть.

— Извините, — я развёл руками. — Загулялся. Город интересный.

— Интересный, — проворчал он, качая головой. — Ладно, пошли. Только нас ждут.

Я бросил на стол пару медных монет за ужин, и мы выскочили наружу. Вечер уже плотно опустился на «Набережный Закуток», зажглись первые фонари, и только сейчас я сообразил, сколько времени. Мелькнула мысль: а нормально ли вообще отплывать в такую темень? Мало ли чего там в реке водится.

Но спрашивать было некогда — Робин уже чесал к причалу, и я едва за ним поспевал.

Корабль, на который мы взошли, оказался деревянным. А каким ещё? Железных тут не водилось. Но я почему-то сразу прикинул, что в бою такому судну не поздоровится. Робин как-то обмолвился про военные корабли его величества: артефактов там — туева куча, маги на борту, а борта зачарованы так, что хоть тараном бей — не пробьёшь. Магия, она и в Африке магия.

Стоп. Откуда в Африке магия?

Я мотнул головой, прогоняя странную мысль. Это от волнения, наверное. Я вообще в своей жизни ни разу на корабле не ходил. Вот вообще. Ни на трамвайчике по Москве-реке, ни на каких-либо других судах. Видел — да. А чтоб самому — нет.

Зато теперь стоял у борта, вцепившись в фальшборт, и смотрел, как моряки ловко отдают швартовы. Канаты упали в воду, их вытянули на берег, и нас мягко, но уверенно понесло прочь от причала.

Ветер будто только и ждал этого момента. Едва паруса полезли вверх по мачтам, он налетел, надул их до упора, и мы рванули вперёд так, что я едва устоял на ногах.

Всю дорогу до темноты я простоял у борта. Впрочем, она наступила очень быстро. Смотрел, как нос корабля — «Ночь Перемен» называлось это чудо — разрезает волны, как пена разлетается в стороны, как берега медленно уплывают назад и тают в сумерках. Ветер хлестал по лицу, трепал волосы, забирался за воротник, но мне было всё равно. Я был абсолютно, до краёв счастлив. У меня за последние дни столько всего происходит, что даже боюсь представить, что меня ждёт впереди.

Река, по которой мы шли, звалась Васютой. В честь какого-то древнего капитана, что в незапамятные времена завалил тут монстра. Огромного, страшного и всем мешающего. Торговать мешал, странствовать мешал, в общем всем мешал. Вот капитан Васюта и решил проблему. Теперь река носила его имя, а монстр лежал где-то на дне и, надеюсь, не собирался воскресать. В этом мире, как я уже понял, таким никого не удивить.

Ширина реки здесь была — за сотню километров. И это, между прочим, не предел. Я где-то читал про Ла-Плату в Южной Америке — там вообще под двести двадцать, а то и больше. Точно не помню, но факт впечатлял.

Впрочем, сейчас меня больше впечатляло то, как «Ночь Перемен» летит по волнам, как скрипят мачты, как моряки перекликаются на палубе, а где-то внизу кок напевает песню и готовит ужин! Это мне Атол недавно рассказал.

— Алекс! — окликнул меня Робин, высунувшись из люка. — Иди ужинать, пока каша горячая!

Я отлип от борта, похлопал по рюкзаку, из которого торчало сонное ухо Атола, успевшего задремать, и пошёл внутрь.

Ночь обещала быть долгой. Спать я точно не собирался.

В этот самый момент ко мне и подошёл капитан.

Кирк Макласки по прозвищу «Зверь». Я уже слышал это имя от членов команды корабля — они произносили его с таким уважением, что сразу хотелось уточнить, не бог ли это местного разлива собственной персоной. Хе-хе.

Сначала я увидел плащ. Длинный, толстый, кожаный — такие носят в северных морях, где ветер пробивает до костей за минуту. Когда мы только поднялись на борт, я ещё удивлялся: зачем человек в такую погоду кутается, как в полярную ночь? Но стоило кораблю выйти на середину реки, как ветер показал, кто тут главный. Я сам мигом натянул куртку, а поверх накинул плащ. Так что вопрос отпал сам собой.

Капитан остановился в двух шагах, упёрся кулаком в борт и окинул меня взглядом с головы до ног. Медленно, цепко, будто прикидывал, сгожусь я на что-то или так, балласт.

Шляпы, как у того самого Джека Воробья, у него не было. Зато имелась копна чёрных волос — таких густых, что хоть ворон гнездо вей. Они были стянуты в тугую косу, и в эту косу, как ёлочные игрушки, были вплетены амулеты. Кости, камушки, какие-то побрякушки — всё это позвякивало при каждом движении. Не для красоты, хоть и придавало ему шарма. От них веяло маной.

Но не только в косе. Руки — от запястий до локтей — обвивали кожаные ремешки с подвесками. Шея увешана так, что, наверное, тонул бы как камень. На поясе — целый склад: мешочки, ножи, фиалы и, конечно, сабля.

Вот сабля привлекла моё внимание сразу.

Оружие явно не простое. Руны на золотой гарде — я разглядел их, когда капитан чуть повернулся. А в навершии, в «яблоке», был утоплен мана-кристалл. Мутноватый, но с искрой внутри. Артефактное оружие, значит. Интересно, что оно может? Вспыхивать огнём? Рубить врагов на расстоянии? А может, призывать того самого зверя, за которым прозвище закрепилось?

Язык уже чесался спросить, но я почему-то постеснялся. Хотя во мне любопытства — на сотню человек хватило бы. Но капитан смотрел так, что все вопросы застревали в горле.

Борода у него была — загляденье. Широкая, лопатой, но седая. Нет, не седая — белая. Как первый снег. Морщины изрезали лицо глубокими бороздами — каждая, поди, история отдельная. А глаза… глаза цвета морской волны. Такие бывают у воды в ясный день, когда солнце пробивает толщу до самого дна.

И эти глаза сейчас смотрели на меня. С интересом. Будто я сам был какой-то диковинкой.

Я почесал затылок, не зная, что сказать. Атол в рюкзаке завозился, высунул ухо, прислушался и снова спрятался. Умный малый.

— Ну, здравствуй, — сказал капитан. Голос у него оказался под стать внешности — низкий, чуть хриплый, будто он перекрикивал шторма лет тридцать подряд. А может, так и есть. Мне ещё долго привыкать к этому миру и его необычностям. — Ты, значит, тот самый Алекс, что с Робином ходит?

— Тот самый, — кивнул я. И добавил, чуть помедлив: — Приятно познакомиться.

Капитан Кирк Макласки «Зверь» склонил голову к плечу, почесал кончик носа и хмыкнул.

— Посмотрим, — сказал он. И ушёл к штурвалу, оставив меня гадать, что это значило.

Я же отправился в каюту.

Я навалился на кашу с мясом так, будто неделю не ел. В такую погоду — когда ветер завывает за бортом, а корабль покачивает на волнах — горячая еда заходит как-то особенно. Опустошив миску до дна, я выдохнул, откинулся на койку и провалился в сон раньше, чем успел подумать о чём-то ещё.

Началось всё ночью.

Сквозь дремоту я почувствовал, как что-то изменилось. Корабль, который до этого мерно покачивался, вдруг дёрнулся, заскрипел всеми переборками и зажил какой-то своей, бешеной жизнью. Меня швырнуло к стенке, потом обратно. Сверху, с палубы, донёсся топот ног — десятки ног, бегущих куда-то, перекликающихся, орущих.

Я сел на койке, протирая глаза. Рядом уже возился Робин, натягивая куртку.

— Что там? — спросил я, хотя ответ читался на его лице.

— Не знаю, — буркнул он. — Но ветер не попутный. Паруса убирают. Похоже, ветер усилился.

Мы вылезли из каюты. На палубе творилось что-то невообразимое. Моряки носились как угорелые, цеплялись за снасти, тянули верёвки, орали друг на друга. Ветер завывал так, что закладывало уши. Корабль кидало с волны на волну, и я вцепился в поручни, чтобы не улететь за борт.

Пассажиров, кроме нас, было ещё человек пять. Все повылезали, как и мы, пялились, разевали рты. Кто-то прижимался к стенкам, кто-то пытался пробраться к капитану, чтобы спросить, что происходит.

Капитан Кирк стоял у штурвала и орал так, что даже ветер не мог перекрыть его голос. Что именно он орал, я не разбирал, но моряки реагировали мгновенно — значит, знали своё дело.

В какой-то момент он обернулся к нам. Увидел толпу зевак, набрал полную грудь воздуха и рявкнул:

— А ну скрылись в каюты, пока вас за борт не выкинуло!

Пассажиры исчезли быстрее, чем тараканы при свете. Робин дёрнул меня за рукав, но я стоял как вкопанный.

— Алекс! — гаркнул он.

— Я сейчас, — буркнул я, не отрывая взгляда от воды.

Что-то там было. Что-то не так.

И в следующий миг вода взорвалась.

Из реки, прямо из чёрной кипящей глубины, начали выпрыгивать твари. Много. Десятки. Они взлетали над палубой и приземлялись прямо на неё, лязгая острыми зубами и размахивая копьями.

Гуманоидные, но до жути нечеловеческие. Высокие, тощие, с зеленоватой чешуёй, которая поблёскивала в свете магических фонарей. Глаза — огромные, чёрные, без зрачков. На руках и ногах — перепонки, как у лягушек. В перепончатых пальцах — копья с костяными наконечниками.

Они не стали ничего объяснять. Да и с чего им это делать? Просто набросились на команду.

Капитан Кирк выхватил саблю. Что-то прорычал — я не разобрал слов, но клинок в его руке вспыхнул красным, багровым пламенем. Он прыгнул прямо с кокпита, приземлился в гущу тварей и одним ударом разрубил двоих. Пламя полоснуло по воздуху, оставляя дымный след.

Началась бойня.

Твари лезли и лезли. Моряки отбивались кто чем: крючьями, ножами, кулаками. Кровь — зелёная, пахнущая тухлой рыбой — заливала палубу. Кто-то кричал, кто-то падал за борт. Я стоял, вцепившись в поручни, и смотрел, не в силах пошевелиться.

И тут, прямо на пути корабля, распахнулся портал.

Огромный, чёрный, с рваными краями. А в нём — башня.

Высокая, чуть ли не до самого неба. Чёрная, как обсидиан. Она нависала над нами, и от одного взгляда на неё становилось так страшно, что хотелось зажмуриться и провалиться сквозь палубу.

Капитан Кирк отвлёкся. Всего на секунду — посмотрел на возникшую «преграду».

И в ту же секунду три копья вонзились ему в грудь.

Он пошатнулся. Выронил саблю. Опустился на колени.

А потом рухнул лицом вниз.

Я закричал.

И проснулся.

Сердце колотилось где-то в горле. Рубашка прилипла к спине. Я сидел на койке и смотрел в темноту каюты, пытаясь понять, где сон, а где явь.

Рядом мирно посапывал Робин.

Корабль покачивало, но ровно, спокойно. Никакого шторма. Никаких тварей.

Я выдохнул, провёл ладонью по лицу. Пальцы дрожали.

Сон. Это был сон. Тот самый. Когда я вижу, как кто-то умирает.

Я вскочил, натянул куртку прямо на мокрую рубаху, сунул ноги в сапоги и вылетел из каюты.

Надо предупредить капитана.

Глава 11

Краалия

Есть такой фантастический рассказ американского писателя Говарда Филлипса Лавкрафта «Дагон». Так вот, там люди превращались в нечто подобное тому, что мне приснилось. Может, я что-то путаю, но именно такая ассоциация пришла мне в голову, пока я взбегал по лестнице на верхнюю палубу.

Ветер ещё только усиливался. Значит, есть шанс успеть развернуться.

Капитана нашёл за штурвалом. Там он беседовал с одним из членов команды. Был тот кругл, как бочка, руки мощные, что моя нога. Лысый, с трубой и коротенькими усиками. Весьма колоритный персонаж. Я на миг даже забыл, что хотел сказать.

— Капитан Макласки, разрешите обратиться?

— Разрешаю, — ответил он, явно не задумываясь о форме моего обращения. Да уж, пора бы запомнить, что я не в армии.

— Сейчас начнётся буря. Затем на палубу начнут выпрыгивать существа. Чем-то лягушек напоминающие, с копьями.

Капитан и тот другой переглянулись, и, как я думал, но ошибся, они принялись раздавать команды. Честно, первая мысль, что стоит мне им поведать о своих опасениях, как меня тут же высекут. Но нет, они поверили сразу и без всяких: «А ты уверен? Чего курил? Или пил?».

— Алекс, да? — Я кивнул. — Много их будет?

— Очень. Вам бы всю команду вооружить, — сказал, так ветер резко усилился. Стало понятно: сбежать мы не успеем.

Команда, к бою! — Громоподобный голос капитана, никак не вязавшийся с тем, когда он ко мне обратился, разнёсся по палубе. Команда тут же бросилась выполнять приказ. Тут как у нас в армии. Сначала выполняешь приказ, затем и только затем спрашиваешь зачем.

Сжав камень, я влил в него ману. Стоило ему заполниться, как я начал вливать ману в монету. Атол не стал ждать, пока я закончу, а принялся поглощать её в ту же секунду. Он вообще парень оказался весьма воинственный и бесстрашный. Это я ещё тогда в горе понял. Мне с ним очень повезло. Гоблин Атол — настоящий воин.

Прошло какое-то время. Ветер продолжал усиливаться, причём вдалеке я видел, и это несмотря на ночь, что там всё спокойно. Такое ощущение, будто мы попали в аномалию.

Капитан тем временем передал штурвал, а сам встал в центре, прямо у грот-мачты.

И тогда всё началось. Сон принялся сбывать.

Корабль зашатало, завертело, и первая тварь выпрыгнула из воды, оказавшись лицом к лицу с Кирком.

Взмах сабли, и голова глубоководной твари покатилась по доскам, а тело рухнуло и принялось заливать палубу зелёной, воняющей тухлятиной кровью.

При этом капитан как-то странно глянул на меня. Но дальше ему, да и всем остальным было не до этого.

Сначала по одному, а затем сразу по два и три они начали выпрыгивать из воды и уже в полёте выставляли копья для удара. Благодаря тому, что команда была вооружена, мы избежали больших потерь. Но это не означало, что никто не умер. Я видел, как двое моряков были пронзены каменными наконечниками.

Капитан, словно зверь, резал речных чудищ. Да и другие члены команды оказались не пальцем деланые. Моряки, разбившись на пары, действовали слаженно. Один связывал боем, другой бил в бок. Такой тактикой они быстро стали теснить нападавших. Однако всегда есть «НО», и это самое «но» оказалось в новоприбывшем отряде, что выпрыгнул разом в двадцать особей.

Смотреть, как все падут, я не собирался, а потому создал огненный шар и метнул в толпу. Двое успели увернуться, а вот другие нет. Мой шар прожёг четверых разом.

— Каракатицу тебе в задницу, парень, — услышал я в спину. Это закричал тот, что стоял у штурвала. — Не делай так больше, иначе сгорим.

— Упс. Простите.

Он кивнул мне саблю, обычную. Без каких-либо рун и прочего добра.

— Руби их и помни, никакого огня.

Атол уже вовсю резал тварей. На его счету уже трое убитых, а про раненных вообще молчу. К сожалению, но эти лягушки видели призрака и потому уклонялись от его атак. Благо они не могли причинить ему вред. Однако моему призрачному другу приходилось тратить много энергии, чтоб догнать, а после ещё попытаться проткнуть чешуйчатых. Каждый промах — это трата энергии, которую он не мог вытягивать на большом расстояние от меня. Что есть плохо. Вот он и возвращался, подпитывался им снова бросался в атаку.

Мне же пришлось вступить в прямой бой. В моём представление, конечно, всё выглядело куда круче. Там я всех огнём сжёг, и славили меня героем. Ну, точнее, это я додумал, наверняка бы так было. На деле же я рубил мечом, словно дровосек. Притом неумелый дровосек. Да уж, попаданец из меня так себе. Вот вроде и обучен бою на ножах, тихому устранению и прочему, чему учат диверсанта, но вот с мечом как обезьяна с гранатой. Как бы самому себя не прихлопнуть.

В итоге после первых пяти минут боя выработал самую действенную тактику. Колол тех, кто был ко мне спиной повёрнут. А что тут такого? Это не подло, это бой. В нём нет красоты. Только одна истина: или ты, или тебя. Вот и бегал, пока под копьё не попал и мне не располосовали бок.

— Тварь вонючая, рыба тухлая, мразь склизкая, — ругался я, держась за окровавленный бок.

Тут подоспел один из моряков и помог разобраться с двумя нападавшими. Затем он оттеснил остальных, а я отошёл к Робину, что уже выскочил на палубу и помогал тем, кто был при смерти. Думаю, если б не он, многие бы не дожили до рассвета.

— Алекс, ты как?

— Хренова, док, — обнажая рану, я подставил её под руки Робина.

— Док?

— Доктор, ай, не обращайте внимания. Обрывки памяти. Что-то там сильно меня?

— Нет. Только поцарапали?

— Да? — удивился я, потому как мысленно уже прощался с жизнью. Шучу.

— Да. Всё, можешь и дальше сражаться. Только будь осторожен.

— Это уж точно. А то так и гляди сам себя прирежу, — улыбнувшись, я огляделся. Тварей всё прибывало и прибывало.

В такой ситуации горевать — точно не выход. Если уж умирать, то с улыбкой на лице. Только вот помирать я как бы не собираюсь. Меня ждут замки, сокровищницы и, конечно же, пара десятков принцесс, что будут драть друг другу волосы, только бы быть со мной.

«Так, стопэсики, Саша. Похоже, копьё того склизкого гада было чем-то отравлено. Если ты сейчас о такой хрени думаешь».

«Ничего, принцессы не хрень, а очень даже здорово».

«Да, здорово, но до них надо ещё дожить и мир завоевать, так как нищий недомаг никому не интересен, а пока попробуй просто не сдохнуть».

Этот глупый диалог между собой быстро поднял мне настроение. А это есть хорошо.

— Вижу. Тебе стоит взять пару… То есть сотню-другую уроков фехтования, — убрав руки от моего бока, где теперь была лишь розовая кожа, он принялся за следующего пациента.

У которого кишки наружу вылезли, и даже так он не кричал. Как ему кричать, если он без сознания?

Кстати, от увиденного мне изрядно поплохело. Голова закружилась, и мне показалось, что я сейчас упаду в обморок. Вот человек — странное создание. Как резать курицу или корову, он это без проблем. Ну почти все это делают без явных мук терзания. Стоило мне увидеть внутренности человека, и мне тут же поплохело.

Вот тут меня и повело.

Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна. Я схватился за канат, шедший вдоль фальшборта, чувствуя, как подкашиваются ноги. И вовремя, а то чуть не улетел за борт.

Я отвёл взгляд от раненого. Несколько раз тяжело вдохнул, выдохнул, но это не особо помогало. В воздухе витал коктейль из запаха пота, крови и тухлятины от мёртвых гадов. Пришлось присесть прямо на палубу, спиной к борту, и уткнуться лбом в колени, чтобы сдержать рвотные позывы.

Твари пока не лезли — завязли в схватке с командой. Я краем глаза видел, как мелькают чешуйчатые силуэты, слышал лязг оружия и предсмертные хрипы. Как со стороны нападавших, так и защищающихся.

— Дыши, Алекс, — шепнул я себе. — Дыши.

Честно думал, что после всех снов, где Артур, Женя и остальные умирали снова и снова, я как-то легче переживу такое. Ан нет. Нифигашечки, как говорила мама. Как хирурги целыми днями штопают людей? А военные врачи? В условиях реального боя. Жесть какая-то. Да уж я точно не герой, что пачками народ может убивать.

Я сглотнул комок в горле, вытер мокрый лоб рукавом куртки и поднялся. Ноги дрожали, но держали. Солдат русской армии — самая страшная сила!

Пора было включаться в бой.

Рванул в самую гущу.

Врагов тут было — как сельдей в бочке. Я выбрал того, что стоял ко мне спиной, и полоснул саблей по позвоночнику. Тварь захрипела, рухнула на палубу. Рядом заорал матрос, отбиваясь крюком от сразу двоих. Я метнулся туда, рубанул по перепончатой руке, потом по ноге. От всей русской души.

Кровь у них была зелёная, пахла тухлой рыбой и почему-то йодом. Брызги летели во все стороны, и скоро моя куртка покрылась тёмными разводами. Гады.

В какой-то момент я заметил закономерность. Все речные гады, сколько их ни было, пытались добраться до капитана. Лезут к нему, игнорируя моряков, прут напролом, валятся грудой на палубу, лишь бы подобраться ближе.

Может, чуют в нём главную угрозу?

Я глянул на Кирка. Он махал саблей как заведённый — удар, перед самым касанием клинок вспыхивает красным, и тело твари падает на палубу, рассечённое надвое. Ещё удар — ещё одна туша валится под ноги. Он работал быстро, чётко, без лишних движений. Но даже у самого крутого воина есть предел. Дыхание капитана сбилось, движения стали чуть медленнее, и я видел, как пот заливает ему глаза.

Надо подсобить.

Я отступил на шаг, вжался спиной в мачту и сосредоточился. В голове всплыл образ огненного шара — небольшого, с кулак размером, чтобы не спалить корабль к демонам, а то меня точно выкинут. Причём на пару с тварями. Они же тоже огонь не жалуют.

Мана послушно потекла по рукам, собираясь в артефакте.

Выдохнул — и швырнул в ближайшую тварь, что как раз заносила копьё над головой капитана.

Шар ударил её в спину, прямо между лопаток. Не пролетел насквозь, но чешуя вспыхнула, запахло горелой плотью, и тварь рухнула замертво, даже не пискнув.

«Фу-ух», я выдохнул, думал уж всё. Шарик вылетел и угодил в капитана.

Что примечательно: огонь на них действует отлично. Прямо как на тараканов — дихлофос, и готово. Хотя тут вру. Тараканов не убьёшь. Они от него только кайфуют и притворяются мёртвыми, а после снова бегут на кухню бегать по твоей еде.

Вдох-выдох. Ещё шар. Ещё. Я бил быстро, почти не целясь, просто выбирая тех, кто ближе к капитану. Раз, два, три — шесть тварей осели на палубу, дымясь и дёргаясь в агонии. Капитан Кирк, почувствовав, что давление ослабло, обернулся, глянул на меня коротко и кивнул. В глазах его мелькнуло что-то похожее на уважение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.